А. ГЕССЕН

„ВСЕ ВОЛНОВАЛО НЕЖНЫЙ УМ..."

ПУШКИН СРЕДИ КНИГ И ДРУЗЕЙ

А. С. Пушкин. Художник О. Кипренский.

А. ГЕССЕН

„ВСЕ ВОЛНОВАЛО НЕЖНЫЙ УМ...“

ПУШКИН СРЕДИ КНИГ И ДРУЗЕЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

МОСКВА
·ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА·
1983

8Р1
Г43

Оформление художника
Д. ШИМИЛИСА

Г $\frac{4603010101\text{-}137}{028(01)\text{-}83}$ 195-83

Пушкин умирал...

Рядом с кабинетом, в гостиной, собрались его близкие друзья — поэты и писатели. С ними он трогательно и взволнованно простился.

У постели умиравшего безотлучно находились врачи, и среди них — В. И. Даль, писатель и врач, с которым Пушкин сблизился во время поездки на места пугачевского восстания.

— Мне приятно видеть вас,— сказал ему Пушкин,— не только как врача, но и как близкого мне человека по общему нашему литературному ремеслу...

Состояние его ухудшалось. Он попросил привести детей. Благословил их, попрощался с ними.

— Кто еще приходил навестить меня? — не раз спрашивал он среди тяжких страданий.

— Кого хотелось бы вам видеть? — спросил его доктор Спасский.

— Мне было бы приятно видеть всех, но у меня нет сил говорить...

Поэт лежал в кабинете, на диване, окруженный книгами своей библиотеки.

Он окинул их угасавшим взглядом. Для него каждая стоявшая на полках книга была живым организмом, жившим своей особой жизнью. Томик Байрона с короткой дружеской надписью: «Байрона Пушкину дарит почитатель обоих А. Мицкевич» — рождал в душе воспоминания тех лет, когда он от английского поэта «с ума сходил», а вместе с польским поэтом мечтал о «временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

И томик Байрона на английском языке, полученный в декабре 1825 года от Анны Керн, напоминал о «чудном мгновенье», пережитом поэтом в дни михайловской ссылки...

Друзья и книги были неизменными спутниками его короткой бурной жизни. Выходя из дома, он всегда брал с собою какую-нибудь книгу. Заходил в книжные лавки, к Смирдину или Сленину, встречал друзей и, беседуя с ними, иногда проводил там часы.

Тема дружбы пронизывала многие произведения Пушкина. Друзьям посвятил он ряд стихотворений. И в своем творчестве часто обращался к ним.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,—

писал он в «Элегии» за шесть лет до смерти.

В другой своей ранней «Элегии» Пушкин называл дружбу «отрадной звездой», способной довести страдальца до «пристани надежной».

Друзья и книги... Обернувшись к книгам, Пушкин тихо промолвил:

— Прощайте, друзья!..

На полях своих книг поэт нередко делал отметки и записи —

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей...

«В часы ночного вдохновенья... Все волновало нежный ум...»,— писал сам о себе Пушкин в «Разговоре книгопродавца с поэтом».

Стихотворение это явилось предисловием, своего рода эпиграфом к выпущенной Пушкиным в 1825 году первой главе «Евгения Онегина». Опасаясь, что в пору изжившей себя романтической эстетики его реалистический роман в стихах не будет понят современниками, двадцатишестилетний поэт говорит о том, что волновало его «нежный» ум в первый, романтический, период творчества:

И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
. . . . . .

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья, красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...

И как бы отказываясь от «лиры вдохновенной», Пушкин заявляет:

Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.

На смену «нежному» уму приходит «гордый» ум поэта:

К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

«Habent sua fata libelli» — «Книги имеют свою судьбу» — говорили древние римляне. Судьба книг пушкинской библиотеки исключительна: кочуя на протяжении десятилетий с места на место, переходя из рук в руки, они волею друзей поэта снова встретились и сегодня любовно хранятся в доме, носящем имя Пушкина.

Оказавшись среди них, мы невольно вспоминаем строфу, в которой Пушкин описывает, как, придя в кабинет Онегина,

Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Трудно отрешиться от мысли, что поэт говорил здесь о книгах не своей собственной, а онегинской библиотеки. И мы с большим волнением берем в руки книги, которые держал в своих руках, разрезал, перелистывал Пушкин.

В них ярко отразились душа и мысли поэта. Здесь он продолжает жить среди своих книг. И рядом, кажется, незримо присутствуют друзья — все те, с кем, как со свои-

ми книгами, Пушкин никогда не расставался. Они продолжают жить в дружеских надписях на книгах, в письмах, случайно оставшихся между страницами.

«Пушкину от издателя»,— читаем мы надпись, сделанную рукою А. А. Дельвига на альманахе «Северные цветы» за 1827 год.

«Другу Александру от Кюхельбекера»,— написал лицейский товарищ на своей вышедшей в 1825 году драматической шутке «Шекспировы духи».

Соредактор Дельвига по «Литературной газете» О. М. Сомов подарил Пушкину свою изданную в 1831 году книгу «Голос украинца при вести о взятии Варшавы» с шутливой надписью: «Ясневельможному пану Гетманичу найяснийшаго Аполлона Александру Сергеевичу Пушкину от найнижшого пидножка парнасського Порфирия Байського».

В надписи на присланной из Праги книге Ганка жалуется на «угнетенное» состояние чешского языка: «Александру Сергеевичу Пушкину. В книжице сей много сказано о смутном и угнетенном состоянии ческаго языка, чтоб где инде сказать невозможно бы было. Усерднейше подносит Вячеслав Ганка».

Дружеские надписи на книгах весьма разнообразны. И все они исполнены глубокого уважения и преклонения перед пушкинским гением. Пишут и близкие и «минутные» друзья.

В некоторых книгах библиотеки осталось лежать и несколько заложенных Пушкиным писем: в произведениях Дидро, изданных в 1831 году,— письмо Пушкину М. А. Дондукова-Корсакова; в «Мемуарах» Сен-Симона — отрывок письма Пушкина Е. М. Хитрово; в третьем томе произведений Шатобриана — письмо А. Н. Вульф сестре поэта, Ольге Сергеевне; в книге Бентама, на английском языке,— извещение в траурной рамке о кончине, 3 февраля 1833 года, Н. И. Гнедича и приглашение на вынос его тела.

Так волнующие события жизни и дружеские надписи вплетались в страницы пушкинских книг. Книги эти были свидетелями его творческих вдохновений. И «доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит», они будут перед грядущими поколениями безмолвно «свой длинный свиток развивать» — свиток воспоминаний о жизни, творчестве и друзьях великого Пушкина...

КНИГИ И РУКОПИСИ ПУШКИНА

Открывая большим ключом массивную стальную дверь комнаты-сейфа, девушка тихо сказала:

— Это святая святых. Здесь сердце Пушкинского дома...

Мы вошли. И первый, кого увидели, был Пушкин, в бронзовом изваянии, в окружении своих книг.

Книги эти стояли при жизни поэта в кабинете его последней квартиры, на набережной Мойки, 12. Сегодня они хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР — Пушкинском доме, а в квартире находятся лишь тщательно подобранные дублеты.

Строго и чинно стоят книги Пушкина в высоких, до потолка, шкафах, принадлежавших в прошлом С. А. Венгерову, редактору одного из Собраний сочинений Пушкина. Светлого дерева шкафы, большой письменный стол, старинные кресла у стола — вся эта торжественная обстановка хранилища производит большое впечатление.

Нас охватывает волнение, когда девушка раскрывает дверцы одного из шкафов, и мы оказываемся лицом к лицу с книгами, которые Пушкин держал в своих руках, которыми он пользовался, создавая свои произведения,— на них имеются сделанные его рукою пометки и записи.

Чувствуется, что и хранительница этих сокровищ не перестает и никогда не перестанет волноваться, прикасаясь к той или иной книге пушкинской библиотеки.

Она берет книги, раскрывает их одну за другой, рассказывает, как относился к ним Пушкин, как собирал их, как работал над ними. Ознакомиться с книгами пушкинской библиотеки — значит ознакомиться с мыслями, настроениями и интересами великого поэта...

Книги Пушкин любил с детства. По словам его младшего брата Льва, он, еще будучи мальчиком, проводил бессонные ночи, тайком забираясь в кабинет отца, и без разбора «пожирал» все книги, попадавшиеся ему под руку.

Отец Пушкина рассказывал, что Александр уже в самом младенчестве своем показал большое уважение к писателям. Ему не было еще шести лет, но «он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин — не то, что другие».

«Одним вечером,— рассказывал отец,— Николай Михайлович был у меня, сидел долго, во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз».

Обладая памятью необыкновенной, Пушкин уже на одиннадцатом году был хорошо знаком с французской литературой. Девяти лет он читал жизнеописания Плутарха, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Своей начитанностью мальчик впоследствии поражал лицейских товарищей.

Эту большую любовь к книге Пушкин сохранил до конца своих дней. Находясь в изгнании, поэт часто обращался к друзьям с просьбой прислать ему ту или иную книгу. Почти с каждой почтой получал он книжные посылки. Его библиотека в Михайловском была очень обширна и, как писал его биограф П. В. Анненков, «росла по часам».

Уезжая в путешествия, Пушкин всегда брал с собой книги. На юг он взял Шекспира, в Болдино — английских поэтов, в Арзрум — «Божественную Комедию» Данте.

К книгам поэт относился очень бережно. Возвращаясь из длительной поездки в Оренбург, Пушкин писал жене: «Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке (старшей дочери.— *А. Г.*) капризничать и воевать с няней: прибью».

Пушкин всегда жил в окружении книг. Навестивший его 15 сентября 1827 года сосед по имению А. Н. Вульф рассказывал, что он застал Пушкина за рабочим столом, на котором, наряду с «принадлежностями уборного столика поклонника моды», «дружно... лежали Montesquieu с «Bibliothèque de campagne» и «Журналом Петра I»; виден был также Alfieri, ежемесячники Карамзина и изъяснение слов, скрывшееся в полдюжине альманахов».

Посетив в 1833 году тещу в ее имении, Полотняном заводе, Пушкин пишет жене: «Я нашел в доме старую библиотеку, и Наталья Ивановна позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и прибудут с вареньем и наливками».

В мае 1834 года Пушкин сообщает ей, что он вместе со своим приятелем, страстным библиофилом и автором остроумных эпиграмм С. А. Соболевским, приводил в порядок библиотеку. «Книги из Парижа приехали, и моя библиотека растет и теснится»,— добавляет он.

Осенью 1835 года, находясь в Михайловском, Пушкин просит жену: «Кстати, пришли мне, если можно, «Essais de M. Montaigne» — 4 синих книги на длинных моих полках. Отыщи...»

И одновременно пишет, что вечером ездит в Тригорское, роется в старых книгах да грызет орехи.

Наталья Николаевна после смерти мужа сразу уехала в деревню. Дети были малы, держать книги было негде, и библиотеку Пушкина отправили на хранение в кладовую Гостиного двора, а затем перевезли в подвал Конногвардейского полка, которым командовал второй муж Н. Н. Пушкиной, П. П. Ланской. Библиотеку перевозили из имения в имение, одно время она находилась в Коломне, и в конце концов попала в сельцо Ивановское Бронницкого уезда, под Москвой,— к внуку Пушкина.

Литератор К. А. Тимофеев, встретив в 1859 году в Михайловском Петра, кучера Пушкина, спросил:

— Случалось ли тебе видеть Александра Сергеевича после его отъезда из Михайловского?

— Видел его еще раз потом, как мы книги к нему возили отсюда,— ответил тот.

— Много книг было?

— Много было. Помнится, мы на двенадцати подводах везли, двадцать четыре ящика было; тут и книги его, и бумаги были.

«Где-то теперь эта библиотека,— записал свои впечатления К. А. Тимофеев,— любопытно было бы взглянуть на нее: ведь выбор книг характеризует человека. Простой каталог их был бы выразителен. Найдется ли досужий человек, который занялся бы этим легким, почти механическим делом? Если бы перелистать, хоть наудачу, несколько книг, бывших в руках у Пушкина, может быть, внимательный взгляд и отыскал бы еще какую-нибудь интересную черту для истории его внутренней жизни.

Может быть, и у Пушкина, как у его героя,—

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей,

и по этим отметкам и «чертам его карандаша» внимательный и опытный глаз мог бы уследить,

Какою мыслью, замечаньем
Бывал наш Пушкин поражен,
В чем молча соглашался он,

где он невольно обнаруживал свою душу

То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком».

К. А. Тимофеев перефразировал здесь пушкинские строки из двадцать третьей строфы седьмой главы «Евгения Онегина»...

Такой человек «с внимательным и опытным глазом» нашелся и занялся изучением библиотеки Пушкина. Но это вовсе не был «досужий» человек, и дело это оказалось не «легким, почти механическим».

Им занялся по поручению Академии наук крупнейший ученый, написавший десятки исследований о жизни и творчестве Пушкина,— Б. Л. Модзалевский.

«Перелистать и пересмотреть все три-четыре тысячи книг пушкинской библиотеки оказалось делом далеко не легким, и относиться к нему механически было нельзя,— вспоминал Модзалевский,— от книжной пыли серьезно разболелись глаза, и требовалось большое напряжение внимания, чтобы не пропустить чего-либо существенного; для исполнения работы потребовалось очень много времени: «досужий» человек выполнил бы эту задачу, конечно, скорее...»

Внук поэта, А. А. Пушкин, встретил Модзалевского в сельце Ивановском очень радушно, и ученому предоставлена была возможность спокойно и серьезно выполнить стоявшую перед ним задачу. Библиотека оказалась, к сожалению, в весьма плачевном состоянии: многие книги были попорчены сыростью и мышами, многие были помяты и растрепаны. Их пришлось реставрировать.

Одну за другой перелистывал Модзалевский страницы, к которым прикасался Пушкин, внимательным, любовным и опытным глазом изучал он каждую строку, каждую букву, каждый штрих, начертанный рукою поэта, и дал подробнейшее, в несколько сот страниц, описание книг пушкинской библиотеки. Между страницами он нашел несколько автографов Пушкина и закладок.

Не все, что должно было быть в библиотеке Пушкина, судя по его произведениям и переписке, сохранилось в ней. Многое при частых перевозках портилось и расхищалось.

Книги были уложены в тридцать пять ящиков и 1 октября 1900 года привезены в Петербург, а 21 апреля 1906 года, почти через семьдесят лет после смерти поэта, приобретены Пушкинским домом Академии наук.

Отдельные принадлежавшие Пушкину книги были впоследствии обнаружены в государственных библиотеках и в собраниях частных лиц.

Что читал Пушкин, какие книги останавливали на себе его внимание, какие книги стояли на полках его кабинета?

Ответ на этот вопрос дает составленный Б. Л. Модзалевским каталог и подробное описание пушкинской библиотеки.

В двадцати двух разделах каталога значилось 3560 томов — 1522 названия, из которых 529 на русском языке и 993 на четырнадцати иностранных языках.

Из этого общего количества названий 663 охватывают изящную словесность: 241 — собрания сочинений в прозе и стихах; 91 — романы, повести, рассказы; 133 — поэтические произведения; 92 — драматические произведения; 27 — народная словесность, собрания песен, сказок, пословиц, поговорок; 6 — теория словесности; 73 — история литературы.

Большое место занимают: историческая литература — 377 названий; география — 42; путешествия — 58; современные описания государств — 17; языкознание (учебники, хрестоматии, словари) — 51; периодические издания и альманахи — 135; книги по естествознанию и медицине — 15; лечебники, месяцесловы, письмовники, песенники, поваренные книги, руководства к играм, разные описания и т. д.— 107.

Остальные книги содержат сочинения из области философии, богословия, истории церкви, этнографии, статистики, юридических наук.

Пушкин свободно пользовался находившимися в его библиотеке книгами, изданными за границей. Он знал несколько иностранных языков — французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, латинский, греческий, языки славянских народов. Одни языки — в совершенстве, другие не переставал изучать на протяжении всей жизни. Имея в виду переводить библейскую «Книгу Иова», он изучал древнееврейский язык.

По словам современников, Пушкин глубоко понимал и чувствовал особенности каждого языка. «Одушевленный разговор его,— писал Н. А. Полевой,— был красноречивой импровизацией. Он страстно любил искусства и имел на них оригинальный взгляд. Тем особенно был занимателен и разговор его, что он обо всем судил умно, блестяще и чрезвычайно оригинально».

Пушкин имел обыкновение читать с пером или карандашом в руке, и многие книги его библиотеки испещрены собственноручными пометками поэта. При этом он часто

вносил в особые тетради те или иные заинтересовавшие его выписки из книг.

Внимательно знакомясь с пушкинской библиотекой, мы убеждаемся, что книги на эти полки случайно не попадали. Поэт приобретал лишь то, что его особенно интересовало и что ему необходимо было для его творчества.

Среди книг много старинных. Например, два тома великолепного издания произведений Данте Алигьери на французском языке, вышедшего в 1596 году.

Можно представить себе, с каким волнением Пушкин взял в руки эту прекрасно сохранившуюся, переплетенную в красный сафьян книгу своего любимого поэта, как внимательно он изучал нарисованный на первом томе графский герб бывшего владельца книги: щит, разделенный горизонтально пополам: на верхнем поле — лилия Бурбонов, на нижнем — дельфин. Пушкин, конечно, обратил внимание и на имя переплетчика, поставившего свою марку на переплетенных им томах творений Данте. Сохраним и мы для потомства имя этого талантливого художника шестнадцатого века: Антуан Шомон, проживал на улице де Фуань, святого Иакова, в доме № 18 — отеле Белой Королевы, в Париже.

В 1630 году была издана принадлежавшая Пушкину книга (на латинском языке), написанная неким Маркусом Боксгорном-Зуэриусом — «Respublica Moskoviae et urbes» — о Московском государстве и его городах.

Сочинение Иеремии Тейлора, изданное в 1655 году на английском языке, кто-то подарил поэту с шутливой надписью: «А. С. Пушкину на спасение души».

В Лионе вышла в 1666 году находящаяся в библиотеке Пушкина книга некоего Франсуа Россе на французском языке — «О трагических историях наших дней». На книге значатся имена ее бывших владельцев, и среди них имя какого-то католического епископа, чей герб и инициалы — H. A. Z. R.— изображены на титульном листе под епископской тиарой.

Книгой о Степане Разине, изданной в 1672 году в Париже на французском языке, пользовался Пушкин при создании «Истории Пугачевского бунта». Он цитирует ее и пишет: «Книга сия весьма редка: я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому». Сохранилась записка Пушкина к Норову, которую он написал, возвращая книгу. В 1856 году она была переиздана в Париже А. П. Голицыным.

В библиотеке Пушкина имеется несколько изданий сочинений Даниеля Дефо. Одно из них датировано 1722 годом.

В библиотеке есть редкие книги. Имеется, например, один из немногих уцелевших экземпляров первого издания, 1790 года, «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева — в красном сафьяновом переплете с золотым тиснением и обрезом. На книге рукою Пушкина написано: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачено двести рублей». В тексте много отметок красным карандашом.

Особенно привлекают к себе внимание книги с дарственными надписями.

Приехав в 1827 году в Москву, Пушкин остановился в доме своего знакомого, некоего Л. Н. Обера. Уезжая, он передал ему ключ от своего сундука с книгами, просил сохранить их до его возвращения и разрешил знакомиться с ними.

Обер воспользовался этим. Все находившиеся в сундуке и просмотренные им книги были на иностранных языках. Среди них оказались два тома сочинений аббата Шаппа Отероша «Путешествие в Сибирь, совершенное по приказу короля в 1761 году, содержащее в себе: описание нравов, быта и состояния Российской державы; географическое и историческое описание пути из Парижа в Тобольск; астрономические наблюдения. С приложением географических карт и планов, профильных разрезов почв и гравюр, изображающих нравы, быт, одежду и природу Сибири», изданные в Амстердаме в 1769 году на французском языке.

Оба тома — в старинных переплетах из цельной кожи. На титуле первого тома надпись: «Н. Гончаров». Имеется запись, что книги эти были кем-то поднесены маршалу наполеоновской армии Мортье в 1812 году в Москве, где и остались после бегства французов. Они попали впоследствии к Пушкину. Атлас, являвшийся приложением к этому сочинению аббата Шаппа Отероша, также принадлежавший маршалу Мортье, случайно оказался у Обера. Он подарил его Пушкину, когда тот вернулся в Москву, а у него взял себе на память книгу Г. П. Успенского «Опыт повествования о русских древностях».

Путешествие в Тобольск было предпринято Шаппом Отерошем, членом Французской Академии наук, для на-

блюдения за прохождением Венеры мимо солнечного диска.

Пушкин, видимо, особо интересовался этим трудом, так как в восьми местах обоих томов остались лежать бумажные закладки...

Любопытно, что в библиотеке Пушкина совсем не оказалось его собственных сочинений. Видимо, друзья разобрали их себе на память. Сохранился лишь переплетенный цензурный экземпляр третьей и четвертой частей собрания стихотворений Пушкина, изданных в 1832 и 1835 годах. На них имеются разрешительные надписи к печати. Пушкин внес в «Сказку о рыбаке и рыбке» две поправки:

На странице 76-й было напечатано:

Пришел невод с *золотою* рыбкой.

Пушкин зачеркнул слово «золотою» и на полях заменил его словом «одною»:

Пришел невод с *одною* рыбкой.

На странице 81-й было напечатано:

Жемчуги *окружили* шею.

Пушкин написал против этого стиха на полях карандашом — «огрузили»:

Жемчуги *огрузили* шею.

Последнее прижизненное издание стихотворений Пушкина вышло за несколько дней до кончины поэта. Сегодня «Сказка о рыбаке и рыбке» печатается с этими внесенными поэтом поправками.

Изучение описи книг пушкинской библиотеки, произведенной в 1837 году опекой над детьми и имуществом поэта, показало, что в библиотеке находилось еще 187 книг, не сохранившихся до наших дней. Всего, следовательно, в библиотеке Пушкина вместе с приобретенными Академией наук книгами в количестве 1522 названий, было 1709 названий.

Небольшой полутемный коридор отделяет хранилище личной библиотеки Пушкина от комнаты-сейфа, где находятся рукописи и рисунки поэта.

Снова открывается стальная дверь, и мы оказываемся в большой высокой комнате, перегороженной металлическими стеллажами. В нынешнем здании Пушкинского до-

ма когда-то была таможня, и в этой комнате хранились золото, платина, драгоценные камни. Сегодня здесь хранится бесценное национальное сокровище русского народа: рукописи Пушкина.

Сложный путь прошли они, прежде чем их собрали в Пушкинском доме. Кабинет Пушкина по приказанию Николая I опечатали через три четверти часа после смерти поэта.

Цензором произведений Пушкина был, как известно, сам Николай I, а шеф жандармов Бенкендорф часто писал на рукописях поэта своим размашистым почерком: «Позволено. Бенкендорф». После смерти Пушкина распорядиться его рукописным наследием предоставлено было начальнику штаба корпуса жандармов Дубельту.

Сразу после похорон, 6 февраля 1837 года, Бенкендорф предложил Жуковскому, по повелению царя, рассмотреть вместе с начальником штаба корпуса жандармов Дубельтом все находящиеся в кабинете поэта бумаги. При этом он дал такие указания: «Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения. Мера сия принимается отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на все возможные предметы. По прочтении этих бумаг, ежели таковые найдутся, они будут немедленно преданы огню в вашем присутствии».

Седьмого февраля 1837 года кабинет Пушкина был распечатан, и Жуковский приступил к разборке бумаг поэта.

Работа эта проводилась под наблюдением Дубельта, а явившиеся с ним жандармы ставили на каждой рукописи красным карандашом очередные порядковые номера. Эти жандармские цифры и помогли выдающемуся пушкинисту М. А. Цявловскому довольно точно установить, какие рукописи Пушкина находились в день его смерти в кабинете.

Распыление пушкинских рукописей началось сразу после смерти поэта: чуть ли не каждый, кто соприкасался с ними, брал себе что-нибудь «на память».

Около ста двадцати семи листов автографов Пушкина оставил у себя В. А. Жуковский, некоторое количество унес с собою помогавший ему при описи журналист и издатель А. А. Краевский.

Редактору сочинений Пушкина и его первому биографу П. В. Анненкову вдова поэта Наталья Николаевна передала за 5000 рублей право издания сочинений мужа. Она прислала ему два сундука пушкинских рукописей и документов, но он вернул ей лишь тетради черновых рукописей, а около четырехсот листов автографов и восемь писем Пушкина оставил у себя. Наследники Анненкова распродали и роздали доставшиеся им пушкинские рукописи. Часть их вошла позже в коллекцию редактора первого академического издания произведений Пушкина академика Л. Н. Майкова, а часть рукописей сын Анненкова продал в 1899 году профессору И. А. Шляпкину, причем в расписке значилось, что он продал их «в полную и безусловную собственность и в полное и безусловное владение... за триста рублей серебром».

Много автографов Пушкина вдова Майкова подарила тогдашнему президенту Академии наук великому князю К. К. Романову и его сыну князю Олегу. Среди них были автографы стихотворений: «Муза», «Анчар», «Поэт и толпа», «Монастырь на Казбеке», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Мадонна», «Для берегов отчизны дальной...», «Клеветникам России», «Он между нами жил...», «Полководец», «К бюсту завоевателя» и другие.

Сам Жуковский подарил разным лицам тринадцать автографов Пушкина. Сын его также раздарил друзьям попавшие к нему после смерти отца пушкинские рукописи. Около восьмидесяти отдельных листов он отдал в 1883 году своему жившему в Париже другу А. Ф. Отто, большому поклоннику творчества Пушкина, вскоре после этого даже принявшему фамилию Онегина. Рукописи эти вошли в так называемую «Пушкиниану А. Ф. Онегина», как значилось на каждой рукописи онегинского собрания.

Им переданы были Отто отдельные черновики «Евгения Онегина», титульный лист «Бориса Годунова», черновики «Египетских ночей» и «Анджело», наброски к «Братьям разбойникам», автографы стихотворений «Пора, мой друг, пора!», «Гусар», «Д. В. Давыдову», «Воевода», отрывки из «Арапа Петра Великого» и кишиневского дневника, а также подаренный Пушкиным А. О. Смирновой-Россет альбом с посвященным ей стихотворением «В тревоге пестрой и бесплодной», экземпляр «Руслана и Людмилы» издания 1820 года с многочисленными правками Пушкина.

В этот «подарок» вошли также три записки В. И. Даля и других врачей о ходе болезни и вскрытии тела Пушки-

на; журнал, который вел Жуковский при разборе и описи оставшихся после смерти Пушкина бумаг; письмо Жуковского к отцу поэта об обстоятельствах дуэли и смерти Пушкина; нарисованный Жуковским план последней квартиры Пушкина; записка Жуковского Николаю I об издании посмертного Собрания сочинений Пушкина с резолюцией царя: «Согласен, но с условием выпустить все, что неприлично из читанного мною в «Борисе Годунове», и строжайшего разбора еще неизвестных сочинений» и т. д.

В онегинском собрании была и посмертная маска Пушкина — одна из десяти, выполненных скульптором С. И. Гальбергом. Онегин заказал в 1899 году семнадцать копий и разослал в разные университеты.

В течение девяноста лет бесценные сокровища эти находились вдали от России. Они приобретены были Академией наук в 1909 году, но по условиям договора привезены в Ленинград только в 1928 году, после смерти Онегина.

Некоторое количество рукописей Пушкина попало за границу.

В музее Мицкевича в Париже находится записка Пушкина к известной пианистке Шимановской. В Авиньоне хранится рукопись «Гусара». В Праге, в чешском музее,— автограф стихотворения лицейской поры «К Делии», принадлежавший ранее академику Я. К. Гроту. У балетмейстера парижской Grand opéra С. М. Лифаря остались перешедшие к нему от известного театрального и художественного деятеля начала нашего века Дягилева одиннадцать писем Пушкина к жене и одно к ее матери.

Автографы Пушкина были обнаружены в Копенгагене, Стокгольме, Кракове, Варшаве, Нью-Йорке, Гарварде, Филадельфии, Марбурге, Берлине.

Так распылялось и с огромным трудом вновь собиралось на протяжении столетия драгоценное рукописное наследие гениального русского поэта.

Еще в 1927 году в статье «Архив А. С. Пушкина» Н. Ф. Бельчиков обратил внимание на необходимость «теперь же поставить вопрос об объединении разрозненных по частям («собраниям») фондов писателей, о воссоздании их в том виде, как они росли, жили, когда они были связаны с своим создателем и владельцем, т. е. тем или иным писателем минувшего столетия. В первую оче-

редь этот вопрос следует поставить и разрешить положительно в отношении фонда Пушкина».

Рукописи можно было найти у лицейских товарищей и многочисленных друзей поэта: у «милой Бакуниной», которой увлекался пятнадцатилетний Пушкин; в альбомах Ушаковых, А. О. Смирновой-Россет и других, куда поэт вписывал посвященные им стихи; в бумагах «Зеленой лампы» и в архивах братьев Тургеневых и Раевских; у Вяземского в Остафьеве и у Осиповых в Тригорском; в архивах III Отделения и в делах Главного военно-судного управления.

В июле 1897 года в усадьбе принадлежавшего Анненковым имения при селе Чирькове, близ Симбирска, нашли в сарае среди заплесневелых и отчасти полусгнивших книг шестнадцать нумерованных листов автографов Пушкина.

В особняке Горчаковых были обнаружены пушкинские рукописи и записи лицейских лет, а во дворце Юсуповых в Петрограде найдены замурованные в сейфе вместе с бриллиантами двадцать семь писем Пушкина к Е. М. Хитрово.

В 1949 году при разборе рукописей, входивших в состав библиотеки Зимнего дворца, найдены были секретные записки императрицы Екатерины II, списанные Пушкиным в библиотеке М. С. Воронцова. Это два переплетенных тома.

Разбросанными и разрозненными оказались и отдельные главы «Евгения Онегина».

В 1880 году, когда в Москве открывался памятник Пушкину, старший сын поэта Александр Александрович передал в Румянцевский музей (теперь Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина) хранившийся у него рукописный фонд отца. Он оставил у себя лишь дневник Пушкина, перешедший после его смерти к внуку поэта, который в 1919 году также передал его в Румянцевский музей.

Четырнадцатого февраля 1937 года на заседании Пушкинской сессии Академии наук СССР М. А. Цявловский «сообщил о громадной работе по собиранию пушкинских рукописей, проделанной в СССР за последние годы, и поставил вопрос о необходимости централизации, тщательной охраны этого «алмазного фонда» и фотографировании всех рукописей». В 1948 году, по распоряжению Совнар-

кома СССР и Президиума Академии наук СССР, все находившееся в музеях и хранилищах пушкинское рукописное наследие было сосредоточено в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР в Ленинграде.

Не все автографы пушкинских произведений, однако, еще обнаружены. От времени до времени рукописный фонд Пушкинского дома продолжает пополняться ими.

Неизвестно, в частности, сохранилась ли и где находится так называемая «Тетрадь Милорадовича», в которую Пушкин вписал по памяти свои получившие широкое распространение вольнолюбивые стихотворения.

Сегодня в Пушкинском доме собрано 12 000 написанных рукою Пушкина листов: черновые и беловые рукописи произведений, копии текстов с поправками поэта, многочисленные выписки из прочитанных книг, беглые заметки и записи, сотни писем, официальные и деловые документы, записи в альбомы, планы художественных произведений, материалы лицейского периода. Здесь хранятся также документы о службе Пушкина, о цензуре его произведений, о политическом надзоре, о материальном положении, наконец, о дуэли и гибели.

Здесь же находится до 2000 рисунков Пушкина, разбросанных поэтом на 900 страницах его рукописей.

Встреча лицом к лицу с подлинными рукописями Пушкина производит очень большое впечатление.

«Руслан и Людмила», «Деревня», «Цыганы», «Евгений Онегин», «Полтава», «Медный всадник», «Моцарт и Сальери», «Осень», «Капитанская дочка»... Сколько раз мы снова и снова перечитывали их в отдельных изданиях и Собраниях сочинений Пушкина.

Многие из них знакомы нам еще со школьных лет, но одно дело прочитать их в книге, другое — увидеть вылившиеся из-под пера Пушкина строки, проследить по черновикам весь творческий процесс. Мы как будто заново открываем для себя эти произведения...

Один большой и очень уважаемый советский писатель писал автору настоящей книги: «Я недавно был в Ленинграде, посетил Пушкинский дом. Его сотрудники показали мне библиотеку и рукописи поэта... Многие из его пометок на книгах я увидел своими глазами... Когда предо мною

раскрылась первая страница рукописи «Евгения Онегина», я насилу сдержал слезы. И вообще все это мое свидание с пушкинским «святая святых» горячо меня растрогало...»

Полки стеллажей, на которых лежат рукописи Пушкина,— невысокие. И на каждой из них — лишь одна папка с несколькими автографами: это предохраняет их от порчи. Особые приборы поддерживают и контролируют температуру и влажность воздуха. Электрические рубильники во избежание пожара на ночь выключаются.

Мы знакомимся с драгоценными папками и альбомами. Вот альбом-тетрадь необычно большого формата в переплете с замыкающимся клапаном. Раскрываем его, видим разбросанные на листе в разных направлениях пушкинские строки и невольно вспоминаем альбом Онегина:

В сафьяне, по краям окован,
Замкнут серебряным замком,
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом,
Среди бессвязного маранья
Мелькали мысли, примечанья,
Портреты, буквы, имена,
И думы тайной письмена...

Перед нами черновик одного из самых ранних пушкинских стихотворений — «Воспоминания в Царском Селе», прочитанного 16-летним Пушкиным 8 января 1815 года на лицейском экзамене. Судя по почерку, текст стихотворения переписан был лицейским товарищем поэта Ф. Ф. Матюшкиным, и Пушкин, прежде чем переписать стихотворение набело, внес в него свыше двадцати пяти поправок.

Сначала поэт дал стихотворению название — «Воспоминание в Царском Селе», но потом исправил: «Воспоминания в Царском Селе».

В седьмой строке девятой строфы было раньше:

Восстал Наполеон — и вскоре лютой брани
Зарделась грозная заря.

Пушкин изменил ее:

Восстал вселенной бич — и вскоре лютой брани
Зарделась грозная заря.

И когда в архиве Г. Р. Державина было найдено это окончательно выправленное и набело переписанное Пуш-

киным стихотворение, в нем оказалась еще одна поправка — первая строка начиналась в первом варианте:

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес...

В слове «ночи» была зачеркнута буква «ч» и сверху написана «щ»:

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес...

На лицейском экзамене, как известно, присутствовал Г. Р. Державин. Эта маленькая поправка приближала поэзию юного Пушкина к архаическому стилю творчества старого поэта...

Автограф «Медного всадника»... Мы читаем так хорошо знакомые нам рукою Пушкина написанные строки:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

И с удивлением видим, что четыре строки над ними перечеркнуты:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова.

Это Николай I, коронованный цензор, марал своей державною рукою «Медного всадника»...

Еще два автографа. Содержание их поражает: это набор каких-то бессвязных, лишенных всякого смысла строк. Мы с изумлением рассматриваем согнутый пополам лист: написанную в знаменитую болдинскую осень 1830 года и тогда же зашифрованную главу «Евгения Онегина».

Лишь через восемьдесят лет, в 1910 году, редактору сочинений Пушкина П. О. Морозову удалось расшифровать ее текст...

Это были лишь начальные стихи первых четырнадцати строф и три отдельные строфы. Остальные зашифрованные Пушкиным строки, видимо, безнадежно утеряны...

Большой альбом в кожаном переплете с металлической застежкой. В металлической рамке на верхней крышке под стеклом — вид Италии.

Альбом Пушкин купил 18 марта 1832 года на Невском проспекте и принес А. О. Смирновой-Россет в день ее рождения. «Вы так хорошо рассказываете,— сказал он ей,— что должны писать свои записки», и на первом листе появилось стихотворение Пушкина — своего рода эпиграф ко всему альбому:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

На листе с этим пушкинским стихотворением А. О. Смирнова-Россет написала по-французски: «Этот альбом дан был мне Пушкиным в 1832 году со стихами, которые он написал у меня».

После пушкинских стихов идет стихотворная запись друга Пушкина П. А. Плетнева — «Другая предо мной дорога...», и затем ряд стихотворений и записей, посвященных А. О. Смирновой-Россет, одной из замечательных современниц Пушкина, которая была в дружеских отношениях с В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем и другими выдающимися писателями и поэтами пушкинской поры.

Перед нами еще два автографа: одно из самых ранних стихотворений Пушкина и последнее письмо поэта.

«Казак» — лицейское стихотворение, написанное в 1815 году:

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Пушкин написал под стихотворением: «Любезному Ивану Ивановичу Пущину. От автора». И подписался: «А... Аннибал-Пушкин».

Стихотворение это в течение многих лет лежало в портфеле Пущина. Незадолго до восстания 14 декабря 1825 года, ожидая возможного ареста, Пущин, находясь в Москве, передал этот портфель П. А. Вяземскому на сохранение. В нем находились бумаги, которыми Пущин особенно дорожил: текст Конституции Никиты Муравьева, документы и стихи Пушкина и Рылеева.

Тридцать лет, в течение которых Пущин находился на каторге и в ссылке, друзья хранили этот драгоценный портфель, и Вяземский вернул его Пущину лишь в 1856 году, когда тот вернулся наконец из Сибири.

В портфеле оказалось и другое стихотворение — «К Пущину», написанное и подаренное ему Пушкиным 4 мая 1815 года, в день именин.

Оба были юны, и Пушкин писал тогда своему другу:

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

«Покрытый сединами» вернулся Пущин из Сибири, но Пушкина уже не застал: о гибели своего друга он узнал, находясь в каторжной тюрьме Петровского завода, от вернувшегося из Петербурга тюремного плац-адъютанта.

Еще одно послание посвятил своему другу Пушкин — «Мой первый друг, мой друг бесценный!». В декабре 1826 года, когда жены декабристов уезжали к мужьям в Сибирь, Пушкин отправил его Пущину с А. Г. Муравьевой. Это был список, а самый автограф поэт оставил у себя. Его нашли при описи оставшихся после смерти поэта бумаг, и на нем появилась поставленная жандармом большая красная цифра порядкового номера — 73...

Сегодня в Пушкинском доме встретились автограф Пушкина и отправленный им Пущину в 1826 году список этого стихотворения.

И последний автограф поэта — написанное им утром 27 января 1837 года, в день дуэли, письмо к молодой писательнице А. О. Ишимовой...

Мы с большим интересом следим за тем, как, заменяя одно слово другим, одну строку другой, Пушкин кропотливо работал над своими произведениями. Количество правок иногда так велико, что невероятно трудно проследить за ходом мыслей поэта. И когда, закончив стихотворение, Пушкин уже переписывает его набело — не просто переписывает, а снова творит: отдельные слова и рифмы все еще не удовлетворяют его, он зачеркивает их и заменяет другими. Беловой список превращается в черновик, и Пушкин вторично и в третий раз переписывает его набело.

Нас поражает и внешний вид пушкинских рукописей. Стихотворения часто начаты и не закончены. В процессе творчества поэта отвлекали другие мысли, иногда заботы. И мы неожиданно видим, между началом и концом стихотворения, сбоку, или на том же перевернутом листе, письмо к Бенкендорфу, записку к другу, какую-нибудь заметку для памяти или столбцы цифровых подсчетов.

Но вот, в минуту творческой заминки, застопорилась строфа. Будто удивленный этой досадной остановкой, говорит Анненков, Пушкин оставляет ее и под стихами о Марии — на рукописи «Полтавы» — пишет на том же листе:

Рифма — звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела,
Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда!

Тогда,— говорит Пушкин:

Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор...

В такие минуты творческих пауз на рукописи появляется рисунок. И рисунки эти обычно отражают настроения, владевшие Пушкиным в те мгновения.

Часто они иллюстрируют создаваемое произведение. На плане поэмы «Цыганы» Пушкин рисует, например, два шатра, цыганку, кормящую грудью ребенка, фигурку с бубном. Как архитектор, мысленно видящий уже готовым возводимое им здание, поэт зрительно представляет себе будущую поэму на фоне той самой обстановки, с которой когда-то познакомился в цыганском таборе...

Мы читаем в рукописи впервые строфы начатой 4 января 1826 года в Михайловском пятой главы «Евгения Онегина». Только что в Петербурге подавлено восстание декабристов. Поэт все это время находится, конечно, под впечатлением событий, и на рукописи «Евгения Онегина» появляются двенадцать профилей. Не всех, кого нарисовал Пушкин, можно опознать, но мы безошибочно узнаем среди них П. И. Пестеля, которого поэт считал «умным человеком во всем смысле этого слова», К. Ф. Рылеева, к которому накануне восстания собирался выехать из Михайловского. На рукописи Пушкин изобразил виселицы и пять повешенных декабристов, а сверху написал: «И я бы мог, как...» И здесь же нарисовал собственный автопортрет, портреты Мирабо, Вольтера и других.

Иногда среди текста появляется профиль пленившей поэта женщины, женская ножка, портрет друга, сатирический рисунок, пейзаж...

Из папок извлекается один черновик за другим, и каждый из них еще и еще раз свидетельствует об огромном труде поэта.

Часто Пушкин намечает будущее стихотворение отрывочными прозаическими записями. Например, письмо Татьяны к Онегину: «У меня нет никого... Я не знаю вас уже... Я знаю, что вы презираете... я долго хотела молчать, и думала, и думала, что все увижу. Я ничего не хочу — хочу вас видеть,— у меня нет никого, придите... Вы должны быть и то, и то, если нет, меня бог обманул... Зачем я вас увидела, но теперь уже поздно... Я не перечитываю письма, и письмо не имеет подписи, отгадайте, кто...»

Эти первоначально наспех набросанные заметки воплотились в волнующие строки письма Татьяны:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
. . . . . .

Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз,
В деревне нашей видеть вас...
. . . . . .
Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
. . . . . .
Кончаю! страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...

Анализируя творчество Пушкина, В. Я. Брюсов писал: «Следя за работой Пушкина, видишь, как он создает стройное целое из первоначального хаоса мыслей и образов, как постепенно он совершенствует стих и взамен слов, уже ярких и метких, умеет находить еще более прекрасные. Для русского поэта не может быть лучшей школы, как вникать в поправки Пушкина, стараясь разгадать, почему он отказался от такого-то сочетания звуков, почему он один эпитет предпочел другому, почему изменил или откинул то или иное выражение».

Брюсов отмечал: «Мы как бы присутствуем в лаборатории гения, который при нас совершает чудо превращения неясного контура в совершенную художественную картину, темного намека — в глубокую, блистающую мысль».

Занятие поэзией становится легкомысленным, «когда талант чуждается труда»... «Постоянный труд, без коего нет истинно великого, является необходимым условием художественного творчества»,— писал Пушкин.

Рукописи Пушкина показывают, как нелегко удовлетворялся он всем, что создавало его волшебное перо и какого огромного труда стоило ему совершенство формы написанных им произведений.

В этом отношении характерны все его произведения, и особенно показательны черновики «Вольности» и беловой, тщательно переписанный им экземпляр, который он направил Е. И. Голицыной вместе с посвященным ей стихотворением — «Простой воспитанник природы...».

Выступая как-то по вопросу о партийности литературы и проблеме художественного мастерства, А. В. Луначарский высказал меткое суждение о рукописях Пушкина и Льва Толстого: «Рукописи Пушкина — это пример

огромнейшей добросовестности, трудолюбия и самокритики... Толстой переделывал свои произведения по многу раз. Он замучил этим всех своих близких, и это было настоящее искание формы».

«Мало у нас писателей, которые бы учились, большая часть только разучивается»,— писал в свое время Пушкин, давая всем урок подлинной взыскательности художника...

Несколько часов среди книг личной библиотеки Пушкина и его рукописей... Мы точно перенеслись в прошлый век, в пушкинскую эпоху, встретились с живым Пушкиным, ощутили биение его сердца.

Этажом выше, в больших залах Литературного музея Пушкинского дома, отражено творчество тех, кто, по выражению Н. В. Гоголя, «зажигал свои свечи от творческого огня Пушкина».

Но мы слишком взволнованы, долго еще находимся под впечатлением встречи с книгами и рукописями Пушкина, покидаем хранилище и выходим на набережную Невы. Вокруг — нетронутый временем и хорошо сохранившийся до наших дней уголок «Петра творенья» — старого Петербурга: ростральные колонны, петровская кунсткамера, старая Академия наук, здание двенадцати коллегий — нынешний университет. Видны мрачные бастионы Петропавловской крепости и ангел с крестом над собором, под сводами которого спит вечным сном великий Петр, чей образ Пушкин ярко запечатлел в своих произведениях...

По другую сторону Невы раскинулась громада Зимнего дворца, блестит адмиралтейская игла. Вдали, на площади Петровой, вздымает копыта «гордый конь» —

Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне —

воспетый Пушкиным Медный всадник.

Нева неспокойна. Береговой гранит, сковывающий ее «державное теченье», ведет нас к Зимней канавке: здесь Германн встретился с Лизой. Мы проходим под аркою и направляемся в последнюю квартиру Пушкина, на набережную Мойки, 12.

В осенние дни 1836 года, когда

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом,

Пушкин часто возвращался к себе домой по этим набережным и тихим улицам старого Петербурга...

ПУШКИН В КНИЖНЫХ ЛАВКАХ

Пушкин был частым посетителем книжной лавки Смирдина на Невском проспекте, против Казанского собора.

Это была не обычная книжная лавка, и Смирдин был не обычный книгопродавец. Александр Филиппович Смирдин — значительная и интереснейшая фигура в литературном мире пушкинского времени. Страстный любитель книги, он был одновременно и культурным издателем. Его лавка являлась своеобразным литературным клубом, где «сочинители» почти ежедневно сходились для литературных бесед. С многими из них Смирдин находился в дружеских отношениях.

В пушкинское время книжные лавки вообще были в Петербурге своего рода профессионально-литературными клубами. Но «литературный салон» Смирдина занимал среди них особое место.

После переезда на Невский проспект Смирдин устроил торжественный обед, «новоселье». Стремясь объединить всех писателей, независимо от их взглядов и направлений — это было его мечтой,— он пригласил на свое новоселье весь цвет тогдашней литературы: Пушкина, Гоголя, Жуковского, Одоевского, Вяземского, Крылова, Языкова — и одновременно реакционнейших литераторов той поры: Булгарина, Греча и Сенковского.

Смирдин объединил их и на страницах выпущенного им по этому поводу двухтомного сборника «Новоселье». Недовольство такой всеядностью Смирдина нашло отражение в известной эпиграмме, которую приписывали Пушкину:

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь
Иль в Булгарина наступишь.

С Пушкиным у Смирдина сложились особые отношения. Смирдин был основным издателем произведений Пушкина. Он чуть ли не первым стал выплачивать писателям и поэтам гонорар за их литературные труды. До того поэты, большею частью состоятельные люди из аристократических кругов, считали неприличным получать деньги за свое поэтическое творчество.

Смирдину Пушкин предоставил впоследствии монопольное право издания его сочинений. Смирдин никогда не стремился снизить Пушкину авторский гонорар: он платил ему по червонцу за строку.

Пушкин не только передал Смирдину право издания созданных им произведений, но принимал постоянное и деятельное участие в издававшемся им журнале «Библиотека для чтения».

Известный собиратель редких книг Н. П. Смирнов-Сокольский приводит в своей последней книге о прижизненных изданиях Пушкина любопытный подсчет полученного гениальным поэтом авторского гонорара. За семнадцать лет своей литературной деятельности, начиная с 1820 года, Пушкин получил всего 230 180 рублей авторского гонорара и 25 000 рублей «государева жалованья», итого 255 180 рублей, что составляет округленно 15 000 рублей в год или 1250 рублей в месяц ассигнациями.

В переводе на золото это равнялось 358 рублям в месяц.

Половину всего заработанного Пушкиным литературного гонорара — 122 800 рублей — ему выплатил за эти годы Смирдин.

Развив широкую издательскую деятельность, издав ряд собраний произведений русских писателей, Смирдин, на редкость бескорыстный человек, не всегда руководствовавшийся материальными соображениями, разорился и умер в бедности...

Быть может, Смирдина видел пред собою мысленно Пушкин, когда писал в 1824 году свое стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом».

Книгопродавец четко и ясно определил их взаимоотношения:

Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Пушкин в письме к Вяземскому от 8 марта 1824 года и сам решительно подчеркнул свое желание и право жить только за счет литературного труда: «...я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег...»

Смирдин с большим размахом пошел навстречу этому необычному в пушкинское время желанию и праву писателя и поэта жить за счет своего литературного труда. Достаточно сказать, что, получив через Вяземского право на первое издание «Бахчисарайского фонтана», Смирдин уплатил за это Пушкину в 1824 году неслыханную по тем

временам сумму — 3000 рублей за тираж в 1200 экземпляров, по 5 рублей за строку.

Вяземский «вогнал цену сочинениям Пушкина в «байроновскую», как он писал об этом А. Тургеневу, и Пушкин был доволен. Находясь в то время в михайловской ссылке, поэт, со своей стороны, стремился оградить интересы книгопродавца: в письме к брату Льву он выражал недовольство по поводу того, что тот дает всем желающим переписывать «Бахчисарайский фонтан». «Остается узнать,— писал он брату в начале февраля 1824 года,— раскупится ли хоть один экземпляр, печатный теми, у которых есть полные рукописи...».

По возвращении Пушкина из михайловской ссылки в Петербург, в конце 1827 года, Смирдин приобрел право выпустить вторым изданием три поэмы Пушкина: «Бахчисарайский фонтан», «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник».

Давая разрешение на новое издание книги, Пушкин писал Смирдину:

«Милостивый государь мой
Александр Филиппович,

По желанию Вашему позволяю Вам напечатать вторично поэму мою «Бахчисарайский фонтан» числом тысячу экземпляров.

Ваш покорный слуга *Александр Пушкин.*
25 октябрь. 1827. С.-Петербург».

Как и за первое издание, Смирдин заплатил Пушкину за «Бахчисарайский фонтан» 3000 рублей, а за «Руслана и Людмилу» и «Кавказского пленника» — 7000 рублей, всего 10 000 рублей.

Получив деньги, Пушкин дал для своих друзей обед в ресторане Доминика. Вошедший лейб-гусар граф Завадовский с некоторым сарказмом заметил:

— Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник.

— Да ведь я богаче вас,— ответил Пушкин.— Вам приходится иной раз проживаться и ждать денег из деревни, а у меня доход постоянный — с тридцати шести букв русского алфавита...

«Деревенькой на Парнасе» называл еще Пушкин постоянный источник своих поэтических доходов.

Своеобразным литературным клубом была в начале XIX века и книжная лавка Ивана Сленина. Ее также часто посещал Пушкин, о чем рассказывает книгопродавец той поры И. Т. Лисенков: «К Ивану Васильевичу Сленину по Невскому проспекту заходили мимоходом во время прогулок литераторы, так как в его магазине принимались подписки на получение газеты «Русский инвалид», и он был комиссионером редакции... Поэт барон Дельвиг, издатель «Литературной газеты», бывший у него часто на чае, приводил с собою всех своих литературных тружеников на перепутье по Невскому к Сленину, где и отличались один перед другим разными остротами и сарказмами на все им знакомое. Сленина, который понимал французский их разговор и любил шутки, это весьма интересовало. Поэты Воейков, Розен, Пушкин и прежние литераторы и журналисты тянулись побеседовать вкупе с Слениным о прежнем и новом житье-бытье русской литературы. Торговля была Ивана Васильевича умеренная и спокойная, и он мало заботился о ней».

В течение тридцати лет Лисенков имел книжную лавку в Петербурге на Садовой, в доме Пажеского корпуса. Он приводит любопытные подробности о посещении его лавки Пушкиным, причем пишет о себе в третьем лице:

«Пушкин посещения делал к Лисенкову довольно часто, когда издавал журнал «Современник»; ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в его журнале «Современник»; иногда ему приходила охота острить у Лисенкова в магазине над новыми сочинениями; взявши книгу в руки в прозе, быстро пробегал ее, читая гласно однò лишь предисловие, и по окончании приговаривал, что он имеет об ней полное понятие; стихотворные же книги он просматривал еще быстрее и забавнее, и Лисенков иногда невольно хохотал, и сам Пушкин улыбался, читая одни кончики слова, рифмы, и, закрывая книги, произносил: «а! бедные!», а заглавия их выписывал дома, из газет своих. Но как литераторы не все были достаточны, то Лисенков одолжал их без процентов на короткое время, но время это проходило иногда до конца их жизни; так за А. С. Пушкиным, по смерти его, Лисенков получил в уплату по акту 5 тысяч рублей от попечителя семейства Пушкина, графа Строганова, по сборам за отпечатанные его сочинения...

В последний раз А. С. Пушкин посетил Лисенкова за три дня до своей смерти, где в магазине пробыл два часа

с знакомым Лисенкову автором Б. М. Федоровым; целые два часа не переставая вели они трактат о литературе...»

Помимо Смирдина, Сленина и Лисенкова, в Петербурге в ту пору пользовались известностью книгопродавцы и издатели: Глазуновы, Заикин, Ширяев, Овсянников.

Книжные лавки размещались по преимуществу на Невском и Литейном проспектах и на Большой Морской.

В 1825 году в Петербурге было 22 типографии, в Москве — 10, а всего в России — 61. Каждая из них выпускала в год лишь по нескольку новых книг. Это дает представление о состоянии издательского и книготоргового дела в России в первой четверти прошлого столетия.

Помимо русских книжных лавок, было в Петербурге несколько иностранных. Ими владели: Беллизар, Ашер, Диксон, Греф, Гаугер. Пушкин бывал и у них частым гостем.

Академик Я. К. Грот рассказывал, как летом 1832 года, только что окончив лицей, он случайно встретился с Пушкиным в английском книжном магазине Диксона. «Увидя Пушкина,— писал он,— я забыл свою собственную цель и весь превратился во внимание: он требовал книг, относящихся к биографии Шекспира, и, говоря по-русски, расспрашивал о них книгопродавца».

Приезжая в Москву, Пушкин также часто посещал книжные лавки. В Москве в то время было три государственных книжных лавки и тридцать частных. Из них четырнадцать помещались на Никольской улице, сейчас улице 25 октября, и рядом, у Китайской стены. При лавке Базунова на Никольской улице была библиотека для чтения.

Шесть лавок торговали иностранными книгами, из них: Готье — на Большой Дмитровке, сейчас Пушкинской улице, Бува — в Столешниковом переулке, Урбен и Рисс — на Петровке. Два брата Глазунова, Иван и Матвей, торговали на Никольской.

К концу тридцатых годов книжные лавки перекочевали на Кузнецкий мост. Появилось пять новых французских книжных лавок, одна немецкая и много русских: Ширяева, еще двух Глазуновых, двух Кольчугиных, двух Свешниковых, Салаева, Логинова, К. Полевого, Ферапонтова, Ступина, Наливкина и других.

Книжные лавки находились близко друг от друга, и их нетрудно было обойти в один день. Нередко Пушкин встречался в них с друзьями, такими же книголюбами, как и сам он.

Пушкин охотно посещал и книжные ларьки. Их было в Москве великое множество на нынешней площади Дзержинского. Люди старшего поколения хорошо помнят эти ларьки и книжный «развал», где среди всякого книжного и журнального хлама можно было неожиданно отыскать и купить за гроши драгоценную книжную жемчужину или гравюру...

Внимательно следя за выходившей в свет литературой, Пушкин чуть ли не ежедневно посещал книжные лавки и тратил значительные суммы на покупку книг. В течение одного месяца 1836 года, когда нужда особенно давила поэта, он истратил на книги: 16 июня — 58 руб.; 18 июня — 199 руб.; 20 июня — 5 руб.; и в тот же день в другом магазине — 68 руб.; 23 июня — 40 руб.; 25 июня — 19 руб; 2 июля — 316 руб. 75 коп.; 7 июля — 16 руб.; 8 июля — 9 руб.; 17 июля — 27 руб. 75 коп. Всего 758 руб. 50 коп.

Это была по тем временам значительная сумма. И мы еще более ощутим ее, если познакомимся с сохранившимся листком из приходо-расходной книжки Пушкина, в которой поэт ежедневно отмечал свои мелкие расходы. 8 марта 1836 года, выйдя из дому, Пушкин, например, израсходовал: на извозчика 40 коп. и на булку 6 коп.; 18 марта — на извозчика 15 коп. и на яблоко 5 коп.; 30 марта — на извозчика 45 коп. и на свечи 25 коп. и т. д.

Всего в течение месяца — 39 рублей 30 копеек на мелкие личные расходы и 758 рублей 50 копеек на покупку книг!

Пушкин между тем всегда нуждался.

В конце сентября 1835 года он писал жене из Михайловского:

«А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000».

Пушкин вынужден был вести огромные расходы еще потому, что Николай I навязал ему оскорбительное для его положения и возраста придворное звание камер-юнке-

ра. Выезды жены ко двору требовали расходов, которые были поэту непосильны. И потому он часто занимал деньги под векселя и расписки. После его смерти осталась большая сумма неоплаченных долгов.

В связи с этим здесь интересно познакомиться с любопытным рассказом, приводимым А. Панаевой-Головачевой в своих известных воспоминаниях.

«Панаеву понадобилась какая-то старая книга, и мы зашли в магазин Смирдина. Хозяин пил чай в комнате за магазином, пригласил нас туда и, пока приказчики отыскивали книгу, угощал чаем; разговор зашел о жене Пушкина, которую мы только что встретили при входе в магазин.

— Характерная-с, должно быть, дама-с,— сказал Смирдин.— Мне раз случилось говорить с ней... Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с; он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, потому что их супруга, кроме золота, не желала брать других денег в руки. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел-с в кабинет: «Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть», и повел меня; постучались в дверь; она ответила: «Входите». Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушел; я же не смею переступить порога, потому что вижу-с даму, стоящую у трюмо, опершись одной коленой на табуретку, а горничная шнурует ей атласный корсет.

— Входите, я тороплюсь одеваться,— сказала она.— Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесите деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...

Все это она-с проговорила скоро, не поворачивая головы ко мне, а смотрелась в зеркало и поправляла свои локоны, такие длинные на обеих щеках. Я поклонился, пошел в кабинет к Александру Сергеевичу и застал его сидящим у письменного стола с карандашом в одной руке, которым он проводил черты по листу бумаги, а другой рукой подпирал голову-с, и они сказали-с мне:

— Что? с женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобилось заказать новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь.

— Что же, принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме! — ответил Смирдин».

Речь, видимо, шла здесь о стихотворении «Гусар» —

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!..»

Стихотворение это написано было Пушкиным 12 апреля 1833 года, через два года после женитьбы. В нем было, к слову сказать, двадцать девять строф, по четыре строки в каждой, всего сто шестнадцать строк...

В 1862 году заканчивался 25-летний срок авторского права детей Пушкина на сочинения отца. Вдова поэта, Наталья Николаевна, возбудила ходатайство о предоставлении ее детям пожизненного права пользоваться доходами с издания произведений Пушкина.

Ходатайство это удовлетворено было лишь частично: право наследования было продлено детям Пушкина еще на двадцать пять лет.

Пятидесятилетний срок со дня смерти Пушкина истек 29 января 1887 года, и произведения поэта уже можно было печатать, не выплачивая наследникам авторского гонорара за них.

К этому дню было подготовлено и выпущено в свет несколько полных дешевых Собраний сочинений Пушкина; десятитомное Собрание сочинений поэта стоило всего полтора рубля.

Газеты той поры передают, как набросились читатели на эти издания произведений любимого поэта.

«Такого дня не было никогда. Книжный магазин подвергся решительной осаде. Несмотря на то, что приняты были меры, усилен состав приказчиков, экземпляры запакованы были заранее, толпа сказалась в этом случае как хорошими своими, так и дурными сторонами. Еще до открытия магазина стояла толпа, с минуты на минуту она увеличивалась. Магазин был битком набит, была давка и смятение. Приказчики и артельщики сбились с ног; некоторые из публики влезли на столы, забирались за прилавки, сами хватали сдачу. К 11 часам магазин представлял картину разрушения — в углах, за прилавками, были беспорядочно нагромождены груды разорванных, запачканных, истоптанных ногами различных книг, кото-

рых не успели вовремя убрать с прилавка, разломана мебель и повержена на пол, конторка с кассой опрокинута, конторские книги измяты и растоптаны... С помощью полиции магазин был закрыт, и публику стали пускать частями, в очередь. Покупатели входили уже с заранее сжатыми в кулаке деньгами. Их прямо совали в карманы артельщикам, брали что нужно и уходили, пробираясь через толпу... В двенадцатом часу дня все 600 экземпляров, приготовленные на этот день, были проданы...»

Необходимо сказать, что одно из лучших собраний произведений Пушкина вышло в те дни тиражом всего в 15 000 экземпляров.

Как незначительна эта цифра в сравнении с нынешними тиражами... Завершенное в 1962 году в Москве десятитомное издание Сочинений Пушкина отпечатано тиражом почти в 300 000 экземпляров. Но и при этом огромном тираже не все желавшие могли на него подписаться.

Всего за годы Советской власти в нашей стране произведения Пушкина были изданы 2054 раза общим тиражом в 96 203 000 экземпляров на 84 языках населяющих Советский Союз народов.

Лишь в советское время Пушкин получил полное всенародное признание...

Еще находясь в Лицее, в 1815 году, Пушкин написал стихотворение «Городок». Оно продиктовано было мечтою 16-летнего поэта о городке книг, которые мерещились ему в трех простых комнатах воображаемого светлого дома. Этюдом «Городок» мы и открываем наши рассказы о книгах и друзьях Пушкина.

ЭТЮДЫ

«ГОРОДОК»

Большое, в четыреста тридцать строк, стихотворение «Городок» посвящено было кому-то из друзей, вероятнее всего, лицейскому товарищу. Поэт просит простить его двухлетнее молчание, ему недосуг было писать, так как он

От утра до утра
Два года все кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах...

И вот, устав от такой жизни, он поселился в городке, «безвестностью счастливом», нанял светлый дом, в тишине святой зажил философом ленивым и «с толпой бесстыдных слуг навеки распростился».

«Городок» этот — городок книг. Поэт живет среди них, не скучая, «часто целый свет с восторгом» забывая:

Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
. . . . . .
На полке за Вольтером
Вергилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.

Здесь и Державин, и «чувствительный Гораций», и Вольтер —

Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый...

Здесь и «Ванюша Лафонтен», «мудрец простосердечный», и «Дмитриев нежный» с Крыловым,

Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин...

На самой нижней полке хозяин «городка»

...спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь —

«свиток драгоценный» своих озаренных поэзией школьнических дней...

Пушкину было шестнадцать лет, когда, увлекаемый поэтической фантазией, он поселился в этом «городке». Никакого светлого дома в три комнаты с диваном и камельком у него, конечно, не было. Он жил на четвертом этаже лицейского здания. Ни в каком свете он два года не кружился и вовсе не веселился, зевая, в театре и на пирах.

Пушкин-лицеист мог в тот год лишь «с моим Мароном» — римским поэтом Вергилием — сидеть у царскосельского пруда,

Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.

И еще мог он в те дни мечтать о Катеньке Бакуниной, которую полюбил своей первой отроческой, трепетной любовью: «Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов — ах! Какое положенье, какая мука! Но я был счастлив 5 минут!»

Этот «городок» с волнующими, как первая любовь, книжными полками — лишь поэтически преображенные поэтом торжественные залы библиотеки Царскосельского лицея. Или, быть может, воспоминания юного поэта об отцовской библиотеке в Харитоньевском переулке, где маленький Александр с жадностью поглощал одну французскую книгу за другой...

ЛИЦЕЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Их было тридцать. Тридцать маленьких лицеистов. Один был исключен из Лицея. Осталось двадцать девять, и среди них — Пушкин.

Императорский Царскосельский лицей — привилегиро-

ванное учебное заведение — призван был готовить юношество, «особо предназначенное к важным частям службы государственной». Он должен был воспитывать своих питомцев в духе, непримиримом к идеям французской революции.

Император Александр I лично утвердил в 1811 году список первых воспитанников Лицея и лично роздал им через шесть лет награды и дипломы.

Но вышло так, что именно в Царскосельском лицее, где расцветал гений Пушкина, зрели свободолюбивые настроения. Из его стен вышли и отправленные позже на каторгу и в крепости самые близкие друзья Пушкина — И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер.

«Лицейский дух», царивший в «лицейской республике», был враждебен самодержавному крепостническому строю, и журналист Ф. В. Булгарин, редактор «Северной пчелы» и одновременно агент ведавшего секретным политическим розыском III Отделения, доносил царю, что «в лицее начали читать все запрещенные книги, там находится архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и, наконец, пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в лицей».

Булгарин не назвал в своем доносе Пушкина, но его, конечно, он имел в виду.

Среди двадцати восьми лицейских товарищей Пушкина, как во всяком человеческом обществе, были люди различных взглядов, склонностей и характеров.

Всем хорошо известны имена особо его близких друзей и тех, с кем Пушкин больше всего общался в лицейские годы. Он знакомит нас с ними в стихотворениях — «Пирующие студенты», написанном в 1814 году, и «19 октября», написанном в 1825 году.

Каждому Пушкин дает короткую, но меткую характеристику.

Его самый близкий в первые лицейские годы друг — И. И. Пущин. Их «кельи» на четвертом этаже Лицея — рядом, под номерами тринадцатым и четырнадцатым, их разделяет лишь дощатая перегородка. До глубокой ночи беседуют друзья, и никто не слышит их потаенных бесед.

Покидая Лицей, Пушкин вписал Пущину «В альбом»:

> Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
> Неволю мирную, шесть лет соединенья,
> Печали, радости, мечты души твоей,
> Размолвки дружества и сладость примиренья...

Пущин навестил своего друга в его михайловской ссылке, и Пушкин вспомнил это в своем отправленном Пущину на каторгу стихотворении «Мой первый друг, мой друг бесценный...».

Такими же очень любимыми друзьями Пушкина были Дельвиг и Кюхельбекер.

Как Пущин, Дельвиг посетил друга в михайловском изгнании. Юноша большого душевного благородства, он был талантливым поэтом, и это особенно сблизило его с Пушкиным, который говорил, что оба они рождены под «одинаковой звездой» и «шумный встретил их восторг».

Дельвигу через год после поступления в Лицей дана была лицейским воспитателем такая характеристика: «Способности его посредственны, как и прилежание, а успехи весьма медленны. Мешковатость вообще его свойство и весьма приметна во всем, только не тогда, когда он шалит или резвится: тут он насмешлив, балагур, иногда нескромен... приметное в нем добродушие, усердие его и внимание к увещаниям, при начинающемся соревновании в российской истории и словесности, облагородствуют его склонность и направят его к важнейшей и полезнейшей цели».

«Любовь к поэзии,— читаем мы в характеристике, данной Дельвигу Пушкиным,— пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей (Кюхельбекером.— *А. Г.*), живым лексиконом и вдохновенным комментарием. Горация изучил в классе под руководством профессора Кошанского...»

В поэтическое соревнование с Пушкиным Дельвиг вступил уже в 1814 году. Он первым дебютировал в «Вестнике Европы», поместив в журнале стихотворение «На взятие Парижа» за подписью «Русской». После него в «Вестнике Европы» за тот же, 1814 год Пушкин напечатал свое стихотворение «К другу стихотворцу».

В самом Лицее поэтическое творчество Дельвига вызывало вначале остроты и насмешки товарищей. Появилась шутка:

Ха-ха-ха! хи-хи-хи!
Дельвиг пишет стихи!

«Каково же было нам, Дельвигу и мне,— много позднее, через полтора десятилетия, вспоминал Пушкин,— в прошлом 1830 году, в первой книжке важного «Вестника

Европы» найти следующую шутку: «Альманах Северные цветы разделяется на прозу и стихи — хи-хи!..» Это хи-хи! показалось, видно, столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в «Северной пчеле».

Так поднимались на Парнас два лицейских товарища: Пушкин и Дельвиг. И в стихотворении «Пирующие студенты» Пушкин посвящает своему другу строфу:

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей,
Бутыль вином налита,
За здравье нашей Музы пей,
Парнасский волокита.

В Лицее зародилась дружба двух поэтов, после Лицея никто не был Пушкину ближе Дельвига.

— Дельвиг, где ты учился языку богов? — спросил его однажды Плетнев.

— У Кошанского!— ответил Дельвиг.

Их общий друг Баратынский называл Дельвига «мой Гораций».

Самым близким лицейским другом Пушкина и Дельвига был Кюхельбекер — Кюхля... «мой брат родной по музе, по судьбам».

«Что за прелестный человек этот Кюхельбекер! Как он любит тебя! *Как он молод и свеж!*» — писал Рылеев Пушкину в апреле 1825 года.

Декабрьские события 1825 года вырвали Кюхельбекера из круга друзей. И Пушкин, не раз ранивший Кюхельбекера в Лицее своими эпиграммами, но всегда относившийся к нему с неизменной, чисто братской любовью, не забывал его, когда тот находился на каторге.

С остальными лицейскими товарищами Пушкина связывали не такие теплые и глубокие дружеские отношения.

С грустью вспоминал Пушкин богато одаренного поэта и музыканта Н. А. Корсакова, скончавшегося в 20-летнем возрасте во Флоренции.

А. Д. Илличевский. На первых лицейских порах — соперник Пушкина в области поэзии, мастер эпиграммы. Его называли вторым Державиным, Пушкина именовали вторым Дмитриевым. О его поэтическом даре Пушкин писал: «...стихи посредственные, заметные только по неко-

торой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены, как... чудо». В «Пирующих студентах» Пушкин обращался к Илличевскому:

Остряк любезный, по рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

Илличевский, окончив Лицей, уехал на службу в Сибирь, где пробыл несколько лет. Печататься начал также в 1814 году, а в 1827 году выпустил сборник своих стихов «Опыты в антологическом роде», в котором давал сам себе такую оценку:

Я для забавы пел, и вздорными стихами
Не выпрошу у славы ни листка,
Пройду для зависти неслышными шагами
И строгой критики не убоюсь свистка:
Стрела, разящая орла под облаками,
Щадит пчелу и мотылька.

Илличевский был остроумен в беседе, но вспыльчив, задорен и сварлив. И потому товарищи не стремились к близкой дружбе с ним.

С И. В. Малиновским, сыном первого директора Лицея, Пушкина связывала любовь к проказам. В «Пирующих студентах» Пушкин писал:

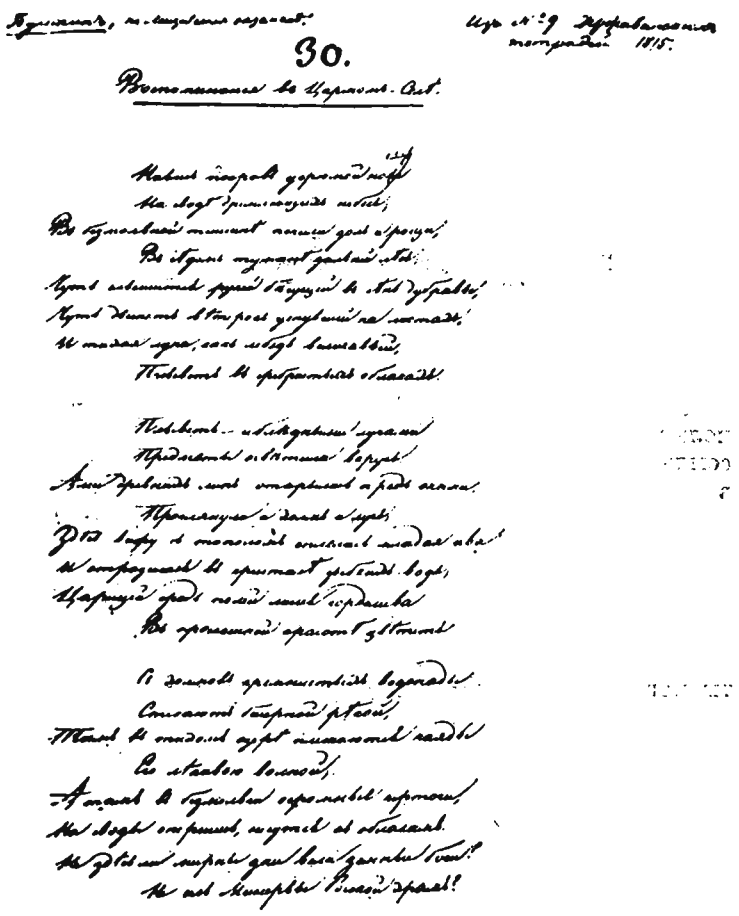
А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный...

Вспоминая в стихотворении «19 октября» 1825 года о посещении его в михайловской ссылке Дельвигом и Пущиным, Пушкин обращался к Малиновскому со стихами, впоследствии изъятыми поэтом из беловой рукописи:

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
Ты, наш казак и пылкий и незлобный,
Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?
Мы вспомнили б, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы впервой все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ!..

Три друга — он, Пущин и Малиновский — одновременно влюбились в Катеньку Бакунину.

В Лицее Пушкин и Малиновский были очень близки, но впоследствии совсем не встречались. Но Малиновский был одним из тех, кого Пушкин вспомнил на смертном одре...

«Воспоминания в Царском Селе» (1814). Автограф.

М. Л. Яковлев — бессменный староста лицейских собраний их выпуска, хранитель лицейских традиций и архива лицеистов. Ему Пушкин посвятил в «Пирующих студентах» такие строки:

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо баспи пишешь...

Яковлев стал впоследствии директором типографии «собственной его величества канцелярии». Его казенную

квартиру при типографии лицеисты называли «лицейским подворьем» и у него собирались не раз в дни лицейских праздников.

В. Д. Вальховский, первый ученик среди лицеистов первого выпуска, прекрасный товарищ, которого все любили и уважали. В черновых строфах стихотворения «19 октября» Пушкин писал:

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховский сядет первый,
Последним я, иль Брольо, иль Данзас...

К. К. Данзас, по прозвищу «Медведь», в Лицее учился плохо. Был выпущен офицером в инженерный корпус. Под его началом служил М. Ю. Лермонтов в Тенгинском полку. Пушкин встречался с ним в годы кишиневской ссылки. В январе 1837 года Данзас был его секундантом в дуэли с Дантесом.

С Ф. Ф. Матюшкиным, впоследствии контр-адмиралом, Пушкин в Лицее мало общался, но после окончания Лицея они относились друг к другу сердечно. Узнав о смерти Пушкина, Матюшкин писал Яковлеву из Севастополя: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как ты мог допустить это? Наш круг редеет, пора и нам убираться...»

А. М. Горчаков. Впоследствии видный сановник, «светлейший князь», государственный канцлер. «Благородство с благовоспитанностью, ревность к пользе и чести своей, всегдашняя вежливость, усердие ко всякому, дружелюбие, чувствительность с великодушием. Опрятность и порядок царствуют во всех его вещах» — такова была данная ему воспитателями Лицея характеристика. Товарищи не любили его, но Пушкин был с ним в дружеских отношениях и посвятил ему несколько стихотворений.

Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный,—
Моя стезя печальна и темна,—

писал Пушкин по выходе из Лицея.

Встретившись с Горчаковым в 1825 году, через восемь лет после окончания Лицея, Пушкин, однако, сообщил Вяземскому: «Мы встретились и расстались довольно холодно,— по крайней мере, с моей стороны. Он ужасно высох,— впрочем, так и должно: зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием; первое все-таки лучше».

Таковы были те из его товарищей, с которыми Пушкин был ближе всего и чаще общался в лицейские и послелицейские годы.

Но были среди первых лицеистов и люди бесцветные или с отрицательными чертами характера. Товарищи не любили и не уважали их.

С. Д. Комовский — по прозвищу «Лиса», «Лисичка-проповедница», «Смола» — был «благонравен, скромен, крайне ревнителен к пользе своей, послушен без прекословия».

М. А. Корф имел «счастливые способности и прилежание, поддерживаемые честолюбием и чувством собственной пользы». Оставил злобно недобросовестные, местами клеветнические воспоминания о Пушкине.

Д. Н. Маслов, вписавший в альбом директора Лицея Энгельгардта свое благонамеренное кредо: *«Повиновение и должность* (видимо, исполнение долга) могут быть несравненно приятнее *независимости»*.

А. А. Корнилов, о котором А. И. Герцен писал: «Он был умен, но ум его как-то светил, а не грел. К тому же он был страшный формалист...»

К. Д. Костенский, безличный и бестемпераментный человек, по прозвищу «Старик». Им лицейские товарищи нисколько не интересовались, и сам он позже редко встречался с ними.

П. Н. Мясоедов, которого Илличевский всегда изображал в своих карикатурах с ослиною головою.

Пронырливый, по прозвищу «Крот», С. Г. Ломоносов.

Степенный, невозмутимо ко всему равнодушный А. И. Мартынов.

Пассивный и скромный «Швед» — Ф. Х. Стевен.

Мало развитой и мало способный, ленивый Н. Г. Ржевский...

Многие из этих лицеистов первого выпуска прошли свой жизненный путь, не оставив следа— их имена давно забыты,— но живут и всегда будут жить имена тех, кто во главе с Пушкиным образовал в Царском Селе, рядом с императорским дворцом, вольнолюбивую «лицейскую республику».

Что питало в Лицее вольнолюбивые настроения Пушкина и его друзей и кто первый направил музу поэта на путь смелой революционной борьбы с крепостничеством и самодержавием?

Уже директор Лицея Е. А. Энгельгардт предупреждал их, знакомя с правилами внутреннего лицейского распорядка: «Все воспитанники равны, как дети одного отца и семейства, а потому никто не может презирать других или гордиться пред прочими чем бы то ни было. Если кто замечен будет в сем пороке, тот занимает самое нижнее место по поведению, пока не исправится... Запрещается воспитанникам кричать на служителей и бранить их, хотя бы они были крепостные люди...»

В день открытия Лицея большое впечатление произвело на лицеистов прочитанное преподавателем нравственных и политических наук профессором А. П. Куницыным «Наставление воспитанникам Царскосельского лицея». Отрешившись от штампованного архаического казенного славословия, Куницын ни разу не упомянул в своем наставлении имени присутствовавшего на торжестве императора Александра I. Он призывал юных лицеистов не к проявлению раболепных верноподданнических чувств, а к гражданскому служению родине. Он приглашал их действовать так, как «думали и действовали древние россы: любовь к славе и отечеству должна быть вашим руководителем!».

Речь Куницына произвела на юных лицеистов большое впечатление. Его вышедшая впоследствии книга «Право естественное», заключавшая в себе основы либерального учения о государстве, стала для многих настольной. Но царское правительство, естественно, признало изложенное в ней учение «весьма вредным, противоречащим истинам христианства и клонящимся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных». Книгу в 1821 году отбирали и сжигали, а самого Куницына отстранили от преподавания.

Е. А. Энгельгардт, поддерживавший дружеские отношения даже со своими осужденными на каторгу питомцами, вспоминал в письмах к Кюхельбекеру, что «Куницын на кафедре беспрестанно говорил против рабства и за свободу».

В «Послании цензору», написанном в 1828 году, Пушкин гневно обрушился на чиновника, осудившего книгу Куницына, а в рукописной редакции стихотворения «19 октября» благодарно вспоминал в 1825 году своего профессора:

Куницину дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Рядом с Куницыным нельзя не упомянуть другого лицейского учителя Пушкина, профессора российской и латинской словесности А. И. Галича. На полках пушкинской библиотеки стояла книга Галича «Картина человека. Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образов людей».

Она вышла в 1834 году, и уже 22 февраля того же года Пушкин приобрел ее.

Лекции по истории заслуженного профессора И. К. Кайданова лицеисты всегда слушали с большим вниманием. В библиотеке Пушкина сохранилось его вышедшее в 1833 году «Краткое изложение дипломатии Российского двора с 1613 до 1762 года».

Большой популярностью пользовался в Лицее и доктор философии и свободных искусств профессор российской и латинской словесности Н. Ф. Кошанский. Он читал лицеистам русские и иностранные журналы «при неумолкаемых толках и прениях,— вспоминал позже Пущин.— Профессора приходили к нам и научали нас следить за ходом дел и событий, объясняя иное, нам недоступное».

Один из лучших знатоков античной литературы, Кошанский приобщал лицеистов к поэзии. В самом начале их лицейского пути он организовал первое открытое состязание лицейских поэтов. Победителем вышел Пушкин, но проявили себя на состязании еще Илличевский, Кюхельбекер и особенно Дельвиг. «С ним читал я Державина и Жуковского,— вспоминал впоследствии Пушкин,— с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит...»

Колоритной фигурой среди лицейских педагогов был профессор французской словесности Д. И. де Будри, родной брат Жана Поля Марата, знаменитого деятеля французской революции...

У Пушкина было в лицее несколько прозвищ. Одно из них — «Француз». Надо думать, что он не раз тайком беседовал на великолепном французском языке со своим профессором, слушая его рассказы о событиях Великой французской революции.

Уже с первых лицейских лет Пушкин занял особое место среди товарищей. Свет его гения озарял всю жизнь Царскосельского лицея. С Пушкина начиналась и Пушкиным заканчивалась его история.

Стоило стайке лицеистов появиться в аллеях царскосельского парка в своих треуголках и темно-зеленых сюртуках с отороченными красным сукном воротниками и обшлагами, как все обязательно искали среди них Пушкина...

В Лицее Пушкина навещал Жуковский. Прославленный поэт старшего поколения угадывает в юном лицеисте гения и охотно читает ему свои произведения. Если Пушкин, обладая изумительной памятью, не сразу запоминает их, значит стихи неудачны, решает Жуковский и уничтожает их или переделывает. Между ними возникают и крепнут сердечные, дружеские отношения.

В те дни рождается общество «Арзамас», в которое входят корифеи тогдашней литературы. 16-летний Пушкин душою с ними и, не будучи еще членом «Арзамаса», уже некоторые свои лицейские стихотворения подписывает «Арзамасец». Он внимательно следит за деятельностью кружка.

В эту насыщенную творческим горением жизнь юного поэта неожиданно врывается любовь: Катенька Бакунина, сестра его лицейского товарища. Ей он посвящает стихотворение «Мое завещание». К друзьям обращается Пушкин с просьбою:

Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, *ей!*..

Это первое из двадцати двух стихотворений Пушкина, посвященных Бакуниной...

1814 год, третий год пребывания Пушкина в Лицее, стал для юного поэта особенно радостным и значительным: в «Вестнике Европы» было напечатано его первое стихотворение «К другу стихотворцу», обращенное к поэту В. К. Кюхельбекеру.

Пушкину было тогда всего пятнадцать лет, и редактора «Вестника Европы» поразила зрелость юного лицеиста. Пушкин, направив в журнал свое первое стихотворение, уже давал другу стихотворцу совет «не спешить за лаврами опасною стезей» на Парнас:

Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!

Как какой-нибудь маститый служитель муз, юный Пушкин предупреждает начинающего поэта:

На Пинде лавры есть, но есть там и крапива,
Страшись бесславия! Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит — спасительной лозою?

Хорошо знакомый с современной ему литературой, Пушкин пишет:

Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор
читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Юный Пушкин рекомендует другу стихотворцу не слишком обольщаться и ожидающими поэта грядущими житейскими благами:

Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.

И заканчивает:

Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Это свое первое напечатанное в журнале стихотворение, безукоризненное по форме и зрелое по содержанию, Пушкин даже не решился подписать полным именем. Под ним стояла подпись: Александр Н. к. ш. п. Но уже через год, в 1815 году, за полной подписью — Александр Пушкин — в «Российском музеуме» появляется несколько стихотворений юного поэта.

Стихотворения эти производят большое впечатление. Поражают высоким патриотическим подъемом «Воспоминания в Царском Селе», читанные на экзамене:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад: летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За веру, за царя.

И рядом с этим стихотворением неожиданно — несколько фривольное «Старик». Мысленно воображая себя изрядно уже пожившим стариком, юный темпераментный поэт, в жилах которого течет горячая африканская кровь, пишет:

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста младого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

Вслед за этой шуткой Пушкин пишет в том же 1815 году стихотворение — «Наполеон на Эльбе». Ему чудится:

Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор
угрюмый
Свирепо прошептал:
«Вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...»

Падшему императору изменило так долго служившее ему счастье — «злобный обольститель», он не сдается и «в безмолвии ночей» дерзновенно мечтает:

Страшись, о Галлия! Европа! Мщенье, мщенье!
Рыдай, твой бич восстал — и все падет во прах,
Все сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!

Через шесть лет, в 1821 году, получив известие о смерти сосланного на остров Святой Елены Наполеона, Пушкин дает ответ на этот вызов развенчанного императора:

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Гармоничность и зрелость первых опубликованных Пушкиным стихов поражают. Популярность его растет.

Товарищи гордятся им. «Старик Державин», вспоминая, как Пушкин читал в его присутствии, на лицейском экзамене, «Воспоминания в Царском Селе», говорит приехавшему к нему в гости С. Т. Аксакову:

— Нового не пишу ничего. Мое время прошло... Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в Лицее перецеголял всех писателей...

Творчество юного поэта привлекает общее внимание. В Лицее его посещают не только Жуковский, но и Карамзин, Александр Тургенев, Вяземский.

Из Петербурга проникают в это время известия о рождении тайного общества — Союза спасения, учредителями которого являлись будущие декабристы А. Н. Муравьев, С. П. Трубецкой, Никита Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин.

В Лицей приезжают: «прапорщик Муравьев», «адъютант Пестель», «полковник Глинка». Пушкин знакомится с будущими декабристами.

Поэт принят в доме Карамзиных. Здесь он однажды встречается с императором Александром I. И как-то, гуляя с товарищами по царскосельскому парку, снова встречается с ним. Царь спрашивает:

— Кто из вас первый?

— У нас нет, ваше императорское величество, первых, все — вторые,— отвечает Пушкин.

Ответ, видимо, понравился самодержцу. Царь не мог еще знать, что этот юный лицеист — будущий автор стихов «Вольность» и «Деревня», за которые он через несколько лет сошлет его на юг России...

Пушкин и его друзья знакомятся с офицерами стоящего в Царском Селе лейб-гвардии гусарского полка и посещают их квартиры — гнезда вольнолюбивых мыслей. Среди офицеров П. Я. Чаадаев и П. П. Каверин, с которыми Пушкин особенно сблизился, и А. Н. Зубов.

1817 год... Последний год пребывания в Лицее...

Прощаясь с товарищами, Пушкин думает о том, с какими мыслями «каждый смотрит на дорогу»:

Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,

А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя...

Касаясь самого себя, Пушкин пишет:

Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора...

«Красный колпак» ему больше по душе — это символ свободы французских революционеров. В таких шапочках восседали на своих собраниях члены литературного общества «Арзамас» и «вольного общества» «Зеленая лампа»...

К Каверину юный поэт обращается со стихами, в которых выражает свои мысли о том, как нужно жить:

Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви.
И черни презирай ревнивое роптанье;
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и
с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

И одновременно, еще на лицейской скамье, 16-летний Пушкин четко и ясно определяет свой дальнейший жизненный путь в стихотворении «Лицинию»:

Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа...
. . . . . .
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу...

По этому пути поэт и прошел всю свою жизнь...

Одиннадцатого июня 1817 года Пушкин покинул Лицей. Его указательный палец украсило надетое директором Лицея Е. А. Энгельгардтом чугунное кольцо. Такие кольца Энгельгардт надел на руки всех лицеистов в качестве символа вечной, крепкой и неразрывной связи их дружеского лицейского круга. «Чугунниками» ласково называл он их впоследствии.

И, разлучаясь с «лицейской жизни милым братом», Пушкин завещает:

Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!

Из «лицейской республики» поэт увозит с собою свободолюбивые настроения и враждебный самодержавию «лицейский дух».

Юный Пушкин — желанный гость в доме Муравьевых — штабе будущих декабристов — и в доме трех братьев Тургеневых на той же Фонтанке.

В дневнике С. И. Тургенева появляется запись о развертывающемся таланте юного Пушкина: «Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность, и вместо оплакиваний самого себя пусть первая песнь его будет: Свободе».

Пушкин как будто подсмотрел эту запись С. И. Тургенева и в декабре 1817 года, глядя из окон комнаты его брата, Н. И. Тургенева, на «забвенью брошенный» Михайловский замок, где был убит император Павел I, создает свою первую песнь Свободе — оду «Вольность»:

Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок...
. . . . . .
Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Пушкина просят написать стихи в честь императрицы Елизаветы Алексеевны. Он отвечает:

Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей...

В 1818 году появляются в списке его «Сказки» («Noël»), эпиграммы на Александра I.

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот...

В. Н. Каразин, умеренно либеральный деятель пушкинской поры, интересовавшийся делами Лицея и «нравственностью» его воспитанников, недовольный вольнолюбивыми стихами Пушкина, записывает в своем дневнике: «Иной наш брат, украинец, подумает, что в столице-то, а особливо в Петербурге, в присутствии двора, под глазами государя, соблюдается на особе его уважение и дается пример преданности... Какой-то мальчишка Пушкин, питомец лицейский, в *благодарность,* написал презельную оду, где досталось фамилии Романовых вообще, а государь Александр назван кочующим деспотом... К чему мы идем?»

Но в гениальном поэте живет «добрый повеса», как назвал его А. Тургенев. Блистательный Петербург поглощает вырвавшегося из тесных лицейских стен юношу. Страстная африканская натура часто влечет его по путям, чуждым и непонятным наиболее близким ему людям. Лишь самые закадычные лицейские друзья — Дельвиг, Пущин и Яковлев — понимают его, когда, переодевшись простолюдинами, вместе посещают простую харчевню в соседнем с Публичной библиотекой Толмазовом переулке.

Это неприлично и экстравагантно, с точки зрения чопорных представителей петербургского «света», но четыре друга наблюдают здесь жизнь простого, отличного от этого «света» русского народа. Они должны знать его.

О Пушкине, гениальном Пушкине, который уже с семи лет не расставался с книгой, бывший директор Лицея Энгельгардт пишет своему питомцу Горчакову:

«Сколько раз я вздыхал: «Ах, если бы этот бездельник захотел заниматься, он был бы выдающимся человеком в нашей литературе».

И маститый поэт Батюшков, узнав, что Пушкин работает над «Русланом и Людмилой», справляется у А. Тургенева, кончил ли поэт свою поэму, и пишет: «Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою... Как ни велик талант «Сверчка», он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши».

«Сверчок» — эта была кличка Пушкина в кружке арзамасцев...

Юный поэт питается между тем совсем другой пищей: встречаясь со своим другом, офицером гусарского полка, писателем-философом П. Я. Чаадаевым, он беседует с ним на серьезные философские, моральные и исторические темы и посвящает ему замечательные строки:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Такие же серьезные беседы Пушкин ведет с офицером М. С. Луниным, одним из самых оригинальных, ярких и светлых умов среди будущих декабристов...

В 1818 году, заболев, Пушкин «с жадностью и со вниманием» читает только что вышедшие восемь томов «Истории государства Российского» Карамзина. Он находит, что в отрывке «Осада и взятие Казани» больше поэзии, чем в поэме Хераскова. Но, недовольный общим духом «Истории...» Карамзина, пишет на автора ее злую эпиграмму:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

— Мы на первой станции образованности,— заметил как-то молодому поэту Н. Тургенев.

— Да, мы в Черной Грязи,— ответил Пушкин.

Черная Грязь... Так называлась первая станция на пути из Москвы в Петербург, о которой Н. А. Радищев писал в своем известном произведении «Путешествие из Петербурга в Москву».

Молодой Пушкин самолюбив. Нередко за чашей вина ссорится с друзьями, вызывает их на дуэль. «У г. Пушкина всякий день дуэли; слава богу, не смертоносные, так как противники остаются невредимы»,— пишет жена историка, Е. А. Карамзина, находящемуся в Варшаве своему брату, другу поэта П. А. Вяземскому...

Отец и мать сетуют на предосудительное поведение сына, а Пушкин отвечает им:

— Без шума никто не выходит из толпы!..

Больше всего «шума» производят, однако, вольнолюбивые стихи Пушкина. Широко распространяется его эпиграмма на временщика Аракчеева:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель.
А царю он — друг и брат.

Узнав, что Аракчеев запорол в Чугуеве двадцать пять восставших солдат, Пушкин пишет:

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

«Венчанным солдатом» называет Пушкин самого императора Александра I в эпиграмме на монархиста и реакционера — «На Стурдзу».

Запоздав как-то на балет Дидло в царскосельском театре, Пушкин рассказывает приятелям, что он только что из Царского Села, где произошел такой случай: медвежонок сорвался с цепи и побежал по аллеям парка, «где мог встретиться глаз на глаз с Александром I». И рассказ свой заканчивает словами: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь!..»

Снова заболев, Пушкин уезжает летом 1819 года в Михайловское. Там он наблюдает горестную жизнь крепостного крестьянства и, вернувшись, привозит с собою в Петербург революционную «Деревню».

Поэт И. И. Дмитриев в письме к А. Тургеневу просит передать благодарность Пушкину, которого он «и по заочности любит, как прекрасный цветок поэзии, который долго не побледнеет... Не знаю еще, что выйдет, но он исполнен священным негодованием, зияет молнией и громом говорит».

Стихи Пушкина имеют большой успех. Слава его растет. 19-летнего поэта единогласно избирают членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Он заседает там среди самых маститых поэтов своего времени.

Особенно большой успех имеют вольнолюбивые стихи Пушкина. Они производят революционизирующее действие.

Пятнадцатилетний мальчик, М. П. Бестужев-Рюмин, будущий декабрист, один из пяти повешенных, с восторгом читает их и заявляет в 1826 году, после восстания декабристов, на следствии, что стихи Пушкина, с восторгом читанные, все более и более укрепляли в нем либеральные мнения.

Пушкин твердо идет по избранному им пути. О нарождающихся тайных обществах он жадно расспрашивает своего самого близкого лицейского товарища — Пущина. Поэт готов стать членом тайного общества. Но Пущин уверяет друга, что, и не вступая в общество, он своими политическими стихотворениями «действует как нельзя лучше для благой цели»...

Каразин спешит донести министру внутренних дел Кочубею: «В самом лицее Царскосельском государь воспитывает себе и отечеству недоброжелателей... это доказы-

вают почти все вышедшие оттуда... из воспитанников более или менее есть почти всяк Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом, похожим на масонство, некоторые же и в действительные ложи поступили. Кто сочинители карикатур или эпиграмм, каковые, например, *на двуглавого орла, на Стурдзу,* в которой высочайшее лицо названо весьма непристойно и пр. Это лицейские питомцы!..»

Так юный Пушкин «действовал как нельзя лучше для благой цели». Это был «лицейский дух», дух «лицейской республики» в действии.

Теперь уже не нужно было «прямо относиться в лицей, если надлежало отыскать что-либо запрещенное»: «архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам», широко распространялся по всей России.

За эти «действия для благой цели» император Александр I в 1820 году выслал Пушкина из Петербурга.

СЕСТРА ПОЭТА

Семилетний Пушкин по вечерам долго не засыпает.

— Что ты, Саша, не спишь? — спрашивает сестра Ольга.

— Сочиняю стихи! — отвечает мальчик.

Начитавшись в библиотеке отца книг французских писателей и поэтов, находясь под впечатлением Мольера, чьи произведения отец читает детям, десятилетний Пушкин сам сочиняет пьесу на французском языке «L'Escamoteur» — «Похититель». В детской комнате маленький драматург сооружает сцену. Он — и автор, и режиссер, и актер на все роли. Сестра Ольга — единственный зритель «в партере». Она на два года старше брата.

Комедия ей не понравилась, и она освистала автора:

— Ты сам и есть похититель, ибо ты похитил комедию у Мольера!..— упрекает сестра братца.

Маленький Пушкин сам на себя написал после этого эпиграмму по-французски:

За что, скажи мне, «Похититель»
Был встречен шиканьем партера?
Увы! за то, что сочинитель
Его похитил у Мольера!

Вскоре после этого мальчик сочинил поэму «Толиада» — подражание Вольтеру. В поэме речь шла о войне между карликами и карлицами; героем поэмы был карлик

короля Дагобара, Толи. Гувернантка Пушкиных пожаловалась гувернеру Шеделю: Александр не занимается уроками, а сочиняет стихи. Оскорбленный насмешками Шеделя, Пушкин бросил свою поэму в огонь.

Десятилетний Пушкин бывает с сестрой на танцевальных вечерах. Он слушает у Бутурлиных стихи какого-то поэта, моряка, и хохочет над ними. Мать высылает его за это из комнаты.

— Чудное дитя! — говорит француз Жиле, гувернер Бутурлиных.— Как он рано все начал понимать! Дай бог, чтобы этот ребенок жил и жил, вы увидите, что из него будет...

В другой раз у тех же Бутурлиных кто-то снова читает стихи. Маленький Пушкин убегает в библиотеку. Один из гостей находит его там и заводит разговор о книгах. Александр отвечает ему:

— Поверите ли, этот господин так меня озадачил, что я не понимаю даже книжных затылков...

Отношения брата с сестрой овеяны нежной дружбой. Она — добрая и любимая подруга детства поэта и остается ею в самые трудные минуты его жизни.

«Я думаю, он никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры»,— читаем мы в воспоминаниях Анны Керн, которая бывала у родителей Пушкина и хорошо знала сестру поэта.

Пушкина увозят в Лицей. Сестра навещает его по праздникам вместе с родителями и младшим братом Львом. Их дружеские отношения крепнут. Смиренной кельей кажется поэту после их отъезда его маленькая комнатка. Изображая себя в этой келье монахом, юный поэт именно к сестре обращается с лирическим посланием:

И быстрою стрелой
На невский брег примчуся,
С подругой обнимуся
Весны моей златой...
. . . . . .
О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?
Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой
В поля...
. . . . . .

Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини и Рамо?

Все эти авторы и композиторы, о которых Пушкин пишет сестре, были бесспорно лицейскими спутниками поэта. Брат и сестра любили читать, и Пушкин часто дарил Ольге книги. От него перешли к ней: четыре изданных в 1821 году тома «Торжества Евангелия»; семь альманахов «Северные цветы» за 1825—1832 годы; четыре тома «Писем по астрономии» Монтемона, изданных в 1723 году на французском языке; девятитомное издание 1828 года «Философского словаря» Вольтера; семь томов романов и переписки Вольтера; три тома «Истории Екатерины II» Кастера на французском языке.

Последняя книга имеется в библиотеке Пушкина в позднейшем четырехтомном издании 1809 года...

Окончив Лицей, Пушкин приехал в 1817 году в Михайловское. Это было чудесное лето в кругу веселых тригорских друзей.

Об этих июльских днях в Михайловском напоминают две принадлежавшие Ольге Сергеевне и сохранившиеся в библиотеке Пушкина книги. Одна из них — избранные произведения французского баснописца Лафонтена, в кожаном переплете, с надписью на французском языке рукою отца, Сергея Львовича: «Моей дорогой Олиньке».

Неизвестною рукою на книге написана цитата из Лагарпа на французском языке: «Лафонтена нужно не хвалить, а читать, еще раз читать и снова перечитывать».

В конце книги, на листке перед переплетом, рукою Пушкина написано по-французски: «13 июля 1817, в Михайловском».

На обороте титула еще одна надпись карандашом, тоже по-французски: «Эта книга принадлежит Ольге Пушкиной, которая отдала ее Александру Пушкину, чтобы он читал ее в Лицее. К несчастью, он забыл ее на столе, когда уезжал в Петербург».

И еще одна книга на французском языке, изданная в 1787 году,— «Разные мысли, анекдоты, нравоучительные истории и т. п., собранные маркизой де Севиньи». На обороте верхней крышки переплета надпись по-французски: «Эта книга принадлежит Ольге Пушкиной».

Уже по окончании Лицея, живя в Петербурге, Пушкин пишет сестре:

Позволь душе моей открыться пред тобою
И в дружбе сладостной отраду почерпнуть.
Скучая жизнию, томимый суетою,
Я жажду близ тебя, друг нежный, отдохнуть...
Ты помнишь, милая,— зарею наших лет,
Младенцы, мы любить умели...
Как быстро, быстро улетели...

Проходит еще два года. Пушкин отбывает южную ссылку. На четыре года расстается он с сестрой. Пишет ей изредка. И лишь в 1824 году снова встречается с ней в Михайловском. Но поэт живет здесь не вольной жизнью, как в былые годы,— из южной ссылки он попал в новую, северную.

Родители недовольны мятежным сыном: он компрометирует их перед лицом царя. Обстановка в доме тягостная. Возникают ссоры — и наконец — происходит полный разрыв. Ольга Сергеевна стремится примирить брата с родителями и не хочет покидать его, но Пушкин решительно возражает. Все уезжают. Поэт остается в Михайловском со своей старой няней.

Лето 1825 года Ольга Сергеевна проводила в Ревеле, на морских купаньях. Здесь она встретилась с близкими друзьями брата, поэтом П. А. Вяземским и его женой. Они часто беседовали об Александре Сергеевиче и очень подружились. Свое отношение к сестре поэта Вяземский выразил тогда в стихотворном послании:

Нас случай свел; но не слепцом меня
К тебе он влек непобедимой силой:
Поэта друг, сестра и гений милый,
По сердцу ты и мне давно родня.

Так, в памяти сердечной без заката
Мечта о нем горит теперь живей:
Я полюбил в тебе сначала брата;
Брат по сестре еще мне стал милей.

Удел его — блеск славы вечно льстивой,
Но часто нам сияющей из туч;
И от нее ударит яркий луч
На жребий твой, в беспечности счастливой.

Но для него ты благотворней будь:
Свети ему звездою безмятежной,
И в бурной мгле отрадой, дружбой нежной
Ты услаждай тоскующую грудь...

Ольге Сергеевне шел уже тридцатый год, и брат писал сестре: «Выходи замуж». К тому же обстановка в доме родителей была по-прежнему тягостной. В ней было душно и брату, и сестре. Возможно, что это побудило Ольгу Сергеевну тайно обвенчаться 28 января 1828 года со скромным чиновником Н. И. Павлищевым.

Брак этот не был счастливым. Муж сестры поэта был заурядный человек с тяжелым характером, постоянно вымогал у Пушкина деньги. Тот в раздражении часто оставлял письма Павлищева к нему нераспечатанными.

Это не могло не отразиться на взаимоотношениях брата и сестры: в эти годы между ними не было уже былой дружбы...

У Павлищевых были дети, но все они умирали в раннем возрасте. Вырос лишь один сын, оставивший весьма неправдоподобные, отчасти вымышленные воспоминания о своем знаменитом дяде.

С мужем Ольга Сергеевна то расходилась, то снова сходилась и наконец окончательно покинула его.

В ее небольшом петербургском домике в Казачьем переулке часто бывал Адам Мицкевич, читали свои стихи В. А. Жуковский и А. А. Дельвиг, импровизировал М. И. Глинка. Нередко здесь устраивались веселые любительские концерты.

Здесь же прожила свои последние годы няня Арина Родионовна...

Похоронив мать, отца, обоих братьев, одинокая и больная, Ольга Сергеевна осталась одна доживать свой век. Старая, почти ослепшая, терпеливо ожидая смерти, она обращалась к ней с призывом:

Смерть! не страшилищем вижу тебя!
Вижу тебя я с улыбкой приветливой;
Очи исполнены нежной любви;
Вижу тебя я в одежде, сияющей
Цветом весенних небес голубых;
Крылья распущены благоуханные,
Вея прохладою, белы, как снег;
Вижу вокруг тебя радугу ясную,
Ветвь примиренья во длани твоей!
Что же так медлишь полет твой, прекрасная?..

Второго мая 1868 года сестра поэта скончалась. Ей шел семьдесят первый год...

«МУЗ НЕВИННЫХ ЛУКАВЫЙ ДУХОВНИК»

На полках пушкинской библиотеки стоят маленькие изящные томики альманаха «Северные цветы» за несколько лет и комплект «Литературной газеты» за 1830 год в обложке. Редактором и издателем их был А. А. Дельвиг.

На страницах этих изданий Пушкин и Дельвиг неизменно встречались на протяжении многих лет. По этим же страницам шли рука об руку их близкие друзья: П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, Н. И. Гнедич, Д. В. Давыдов, баснописец И. А. Крылов...

Временами, когда Дельвиг уезжал из Петербурга, Пушкин садился за редакторский стол.

Поэт ценил «чувство гармонии», «классическую стройность», «слог могучий и крылатый» сонетов и идиллий Дельвига. Он любил его любовью нежной и трогательной, называл «братом названым», «братом парнасским».

В то же время они были так непохожи друг на друга. «Пушкин,— писал один из современников,— быстрый, сильный, иногда свирепствующий поток, шумно падающий из высоких скал в крутое ущелье; Дельвиг — ручеек, журчащий тихо через цветущие луга и под сенью тихих ив».

Под впечатлением огромного успеха «Воспоминаний в Царском Селе» Дельвиг посвятил ему восторженное стихотворение, заканчивавшееся строфой:

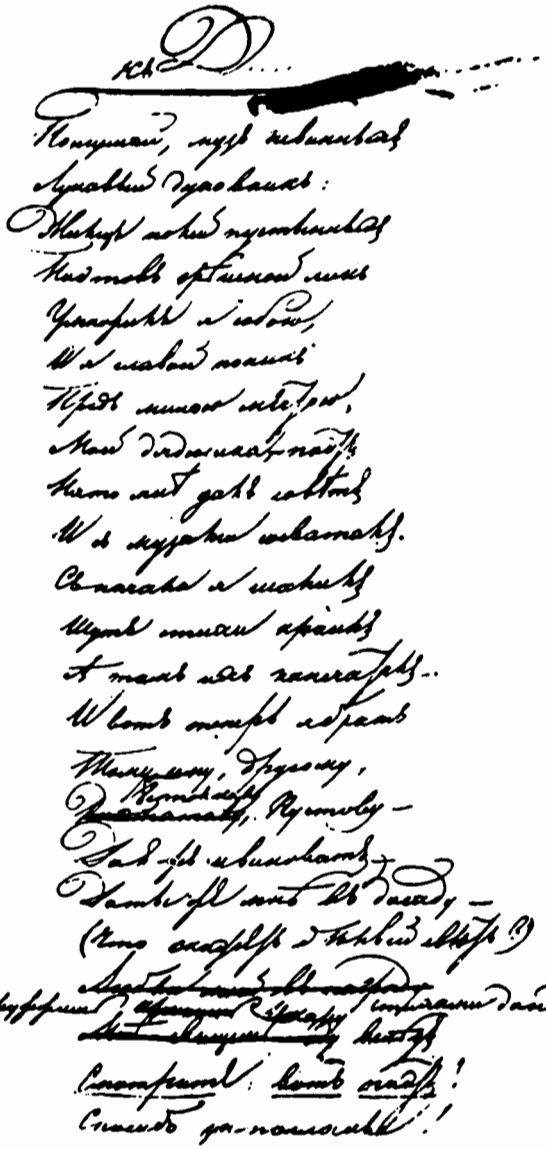
Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

Пушкин ответил ему стихотворением «К Дельвигу», которое начиналось словами:

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник...

Пушкин впервые встретился с Дельвигом 12 августа 1811 года. В этот день они оба поступали в Царскосельский лицей. К первым дням их лицейской жизни относятся стихи Пушкина:

С младенчества дух песни в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел...

«К Дельвигу» («Послушай, муз невинных лукавый духовник...»). Автограф.

Одними тропами, до Пушкина не хоженными, поднимались оба поэта на Парнас, но по-разному относились они к своему творчеству. Пушкин писал Дельвигу:

Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души,
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья:
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Юноша веселого, шутливого нрава, один из первых лицейских остряков, Дельвиг редко принимал участие в товарищеских играх. Он предпочитал им одинокие прогулки по тенистым аллеям царскосельского парка. И здесь юный поэт впервые встретился со своей музой.

Дельвигу было шестнадцать лет, когда он написал стихотворение «Первая встреча», положенное на музыку А. С. Даргомыжским и до наших дней пользующееся большой популярностью:

Мне минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет
Наш бор, поток и поле.

В 1817 году друзья покинули Лицей.

Оба они стали членами «вольного общества» «Зеленая лампа».

Здесь Дельвиг сблизился с некоторыми будущими декабристами. Имя Дельвига было внесено в известный «Алфавит декабристов», но к суду он не привлекался.

Будучи носителем баронского титула, он был беден. И не вязалась с его поэтической лирой служба в департаменте горных и соляных дел и в канцелярии министерства финансов. Дельвиг перешел в Публичную библиотеку, помощником к И. А. Крылову, но и оттуда скоро ушел: он был слишком ленив и беспечен.

И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой...—

писал впоследствии Пушкин, вспоминая, как Дельвиг посетил его в михайловской ссылке.

Окончив Лицей, Дельвиг открывает свою рукописную тетрадь стихами:

В сей книге, в кипе сей стихов
Найду следы моих мечтаний...

Этот новый период творчества Дельвига характеризуется созданием произведений на античные темы, романов и песен, которые уже при жизни его перелагались на музыку А. С. Даргомыжским, А. С. Варламовым, А. А. Алябьевым. Широко известны и в наше время его романсы: «Только узнал я тебя», «Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане», элегия «Когда, душа, просилась ты» и романс —

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Часто исполняется «Разочарование»:

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

В 1825 году Дельвиг стал издателем. Выпущенный им альманах «Северные цветы» сразу привлек к себе внимание читателей высоким качеством и тщательным подбором литературного материала.

В том же году Дельвиг женился на одной из красивейших девушек Петербурга С. М. Салтыковой. Дом их стал значительным литературно-музыкальным салоном того времени. По средам и воскресеньям здесь собирались поэты: Пушкин, Мицкевич, Жуковский, Крылов, Плетнев, Одоевский, Подолинский, Вяземский, Катенин и другие. Дельвиг читал и пел свои песни, жена аккомпанировала ему.

Песням Дельвиг уделял в своем творчестве большое внимание. Песни постепенно вытесняли романсы. Многие его песни до сих пор звучат в концертных залах. Более ста лет исполняется знаменитый «Соловей», положенный на музыку А. А. Алябьевым и дополненный вариациями М. И. Глинки:

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?

Если верить напечатанной в газете «Молва» за 1880 год заметке известного книгопродавца того времени Лисенкова, Дельвиг ему лично рассказывал, что он написал

это стихотворение в связи с высылкой из Петербурга Пушкина, и «голосистый соловей» — это Пушкин.

«Соловей» обошел эстрады всего мира. «Соловья» пела в прошлом веке знаменитая итальянская певица Аделина Патти, в начале нашего века — А. В. Неждановa.

Шесть композиторов, и среди них М. И. Глинка и А. Г. Рубинштейн, писали музыку на слова песен Дельвига.

Уже незадолго до смерти поэт создал ставший очень популярным романс:

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

Написанную на эти слова музыку М. И. Глинка ввел впоследствии в свою оперу «Иван Сусанин» для романса Антониды — «Не о том скорблю, подруженьки...».

На протяжении двух десятилетий, от первых лет Лицея до раннего конца жизни Дельвига, его дружба с Пушкиным не нарушалась.

Получив в 1827 году от своего приятеля и соседа по Михайловскому, дерптского студента, А. Н. Вульфа череп, Пушкин подарил его Дельвигу с шутливым дружеским посланием:

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу...

Прерывая рифмы, Пушкин переходит на прозу и продолжает:

«Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастию, похищенье совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслась по городу... студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будущего,* то разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая

часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием».

После этого прозаического отступления Пушкин продолжал свое стихотворное послание:

Прими ж сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти
Да запивай уху да кашу.

Это была веселая дружеская шутка...

Альманах «Северные цветы» выходил ежегодно и пользовался большим успехом. Но русской печатью завладела в то время реакционная группа писателей, среди которых на первом месте были Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин. Для борьбы с ними у Пушкина и Дельвига возникла мысль издавать «Литературную газету». Газета начала выходить под редакцией Дельвига 1 января 1830 года, но через год, 14 января 1831 года, редактор неожиданно скончался, и газета вскоре прекратила свое существование.

Посетив в 1836 году мастерскую скульптора Б. И. Орловского, Пушкин, вспомнив Дельвига, писал в стихотворении «Художнику»:

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
. . . . . .
Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

Незадолго до смерти Дельвиг написал два стихотворения. Одно из них обращено было к жене — талантливой, но увлекавшейся и эксцентричной женщине, всегда находившейся под чьим-нибудь влиянием, особенно под влиянием поселившейся у них Анны Керн, с которой она очень дружила. Дельвиг писал:

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я проснл,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

Второе стихотворение обращено было к смерти:

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я,
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночною тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчанье
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданье
Протекает ночь моя.

Ранняя смерть Дельвига потрясла его друзей. Все его очень любили. Трудно назвать еще кого-нибудь из русских поэтов, к кому обращено было при жизни так много дружеских посланий.

Пушкин особенно тяжело пережил эту смерть. В самые трудные для него дни Дельвиг всегда был с ним. 6 мая 1820 года, когда Пушкин уезжал в южное изгнание, Дель-

виг проводил его до Царского Села и затем через несколько лет навестил в михайловской ссылке.

Десятого августа 1830 года, за полгода до смерти, Дельвиг снова провожал Пушкина, когда тот уезжал из Петербурга в Москву. Они позавтракали в придорожном трактирчике, и Дельвиг сказал, что собирается наконец написать свою русскую идиллию, о которой говорил ему еще в Лицее. Вскоре он читал ее Пушкину...

По поводу смерти Дельвига Пушкин писал П. А. Плетневу: «Вот первая смерть, мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе. Помимо его прекрасного таланта, это была отлично устроенная голова и душа склада необычного... Он был лучший из нас».

И далее: «Говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! Согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так».

Портрет Дельвига всегда висел в кабинете Пушкина над письменным столом, рядом с портретами Жуковского и Баратынского. И сейчас они висят на том же месте в последней квартире Пушкина...

ТЕТРАДЬ ВСЕВОЛОЖСКОГО

Весною 1819 года Пушкин начал готовить первый сборник своих стихотворений. Их накопилось много. Имя поэта уже было известно, и он решил выпустить сборник по подписке. Поэт отпечатал подписные листы и, всегда нуждаясь в деньгах, принял даже от друзей и знакомых 30—40 подписок.

В начале лета он простудился и серьезно заболел. Друзья волновались и сообщали друг другу подробности о ходе болезни. Дядя Пушкина, Василий Львович, писал Вяземскому: «Пожалей о нашем поэте Пушкине. Он болен злою горячкою...»

«Пушкин спасен музами»,— сообщил Карамзин из Царского Села в Москву Дмитриеву, когда опасность миновала.

Поэт стал поправляться, решил уехать в деревню и прощался с друзьями. В. В. Энгельгардту, внучатому племяннику Потемкина, такому же расточительному богачу и любителю карточной игры, каким был основатель вольного общества «Зеленая лампа» Н. В. Всеволожский, Пушкин написал:

Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

Пушкин имел здесь, очевидно, в виду вольные беседы за круглым столом под зеленой лампой, в которых принимал участие и Энгельгардт. Его он любил за то, что тот «охотно играл в карты и очень удачно играл словами» в своих ходивших по городу забавных куплетах.

В начале июля Пушкин уезжает из Петербурга в Михайловское и в средине августа возвращается, навещает друзей и снова посещает собрания «Зеленой лампы». Голова его после болезни обрита, вместо роскошных кудрей ее украшает парик. Стоя как-то у раскрытого окна квартиры Всеволожского, он приветствует проходящих мимо приятелей. Проходит танцовщик кордебалета Дембровский. Сняв с головы парик, Пушкин размахивает им и декламирует:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.

В ноябре Всеволожский собирается надолго в Москву, и Пушкин провожает его поэтическим посланием:

Прости, счастливый сын пиров,
Балованный дитя свободы!
Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву...
. . . . . .
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И глупость в золотых очках,
И тяжкой знатности веселье,
И скуку, с картами в руках...

Пушкин вплотную принялся за прерванную болезнью работу по подготовке к печати задуманного сборника. Он составил его план и дал писарю переписать намеченные стихи. Переписанные одним почерком на листах плотной

бумаги большого формата, они составили довольно объемистую тетрадь в черной обложке.

Рукопись была уже готова к печати, когда весною 1820 года Пушкин и Всеволожский встретились как-то за зеленым полем. Неизвестно, была ли у Пушкина с собою в тот вечер тетрадь подготовленных им к печати стихотворений, но в азарте карточной игры он «полупроиграл», «полупродал» Всеволожскому эту рукопись за тысячу рублей, из которых пятьсот шли в счет карточного проигрыша, а пятьсот поэт получал наличными. Всеволожский приобрел, таким образом, право на издание сборника, и Пушкин был уверен, что тот издаст его.

Тетрадь эта получила название «Тетрадь Всеволожского»...

Политическая обстановка в России в то время накаляется. В Петербурге активизируются тайные общества.

Одно за другим проходят заседания Коренной думы Союза благоденствия с участием таких активных его членов, как Никита Муравьев, С. М. Лунин, Н. И. Тургенев, Илья Долгоруков и наезжающие с юга П. И. Пестель, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Единогласно принимается решение о необходимости уничтожения самодержавия и учреждения в России республиканского образа правления. Впервые встает вопрос о цареубийстве.

Со многими из будущих декабристов Пушкин знаком лично и часто встречается. Знакомится с Рылеевым и Каховским. В 1835 году, уже находясь на каторге, декабрист Лунин получил от сестры, Е. С. Уваровой, письмо, в котором та сообщила, что Пушкин сохраняет у себя его «прядь волос, которую он утащил у тетки Катерины Федоровны (Муравьевой.— *А. Г.*), когда ты велел побрить голову перед отъездом...».

В Петербург доходит известие об убийстве в Париже 1 (13) февраля 1820 года рабочим-седельщиком Лувелем герцога Беррийского, сына наследника французского престола.

В первые дни апреля Пушкин появляется в петербургском Большом театре и, расхаживая по рядам кресел, показывает друзьям и знакомым литографированный портрет Лувеля со своей надписью: «Урок царям».

Все это вынуждает петербургского военного генерал-губернатора Милорадовича дать приказ достать написанные Пушкиным оду «Вольность» и несколько ходивших

по городу его эпиграмм. Полиция отыскивает их «не без труда и издержек», и Александр I приказывает Милорадовичу произвести у Пушкина обыск и арестовать его.

Пушкин сам является к Милорадовичу, предупреждает, что бумаги его сожжены и обыск у него бесполезен. Он помнит все свои недозволенные стихи наизусть и готов их тут же написать. В присутствии Милорадовича Пушкин заполняет ими целую тетрадь, тот со смехом читает их и от имени Александра I объявляет Пушкину прощение.

Царь недоволен этим. В беседе с директором Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардтом он говорит:

— Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть читает их. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем, но это не исправляет дела.

За Пушкина заступается перед царем Карамзин, и поэта отправляют не в Сибирь, а в южную ссылку, в распоряжение наместника Бессарабии генерала Инзова.

«Быть по сему»,— пишет Александр I на официальном письме по этому поводу, адресованном Инзову. К письму прилагается краткая записка на французском языке с объяснением вины поэта: «Несколько поэтических пиес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства».

Пушкин получает тысячу рублей на проезд до места назначения и 6 мая выезжает из Петербурга в южную ссылку в сопровождении своего дядьки Никиты Козлова.

Волнует и не перестает волновать поэта мысль об оставшейся у Всеволожского подготовленной к печати тетради стихотворений. Отнесется ли к ним Всеволожский с вниманием и, как товарищ по «Зеленой лампе», любовно выпустит их в свет или «минутный друг минутной младости», занятый своими обширными рыбными промыслами, табачными и рисовыми плантациями, виноградниками и «прелестницами», будет держать их в забвении на одной из полок своего большого барского кабинета...

Всего минутный наблюдатель,
Ты посмеешься под рукой,—

писал Пушкин Всеволожскому. И дальше:

Я вижу мысленно тебя:
Кипит в бокале опененном
Аи холодная струя;

В густом дыму ленивых трубок,
В халатах, новые друзья
Шумят и пьют! — задорный кубок
Обходит их безумный круг,
И мчится в радостях досуг;
А там египетские девы
Летают, вьются пред тобой;
Я слышу звоикие напевы,
Стон неги, вопли, дикий вой;
Их исступленные движенья,
Огонь неистовых очей,
И все, мой друг, в душе твоей
Рождает трепет упоенья...
Но вспомни, милый: здесь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхает пленница младая...

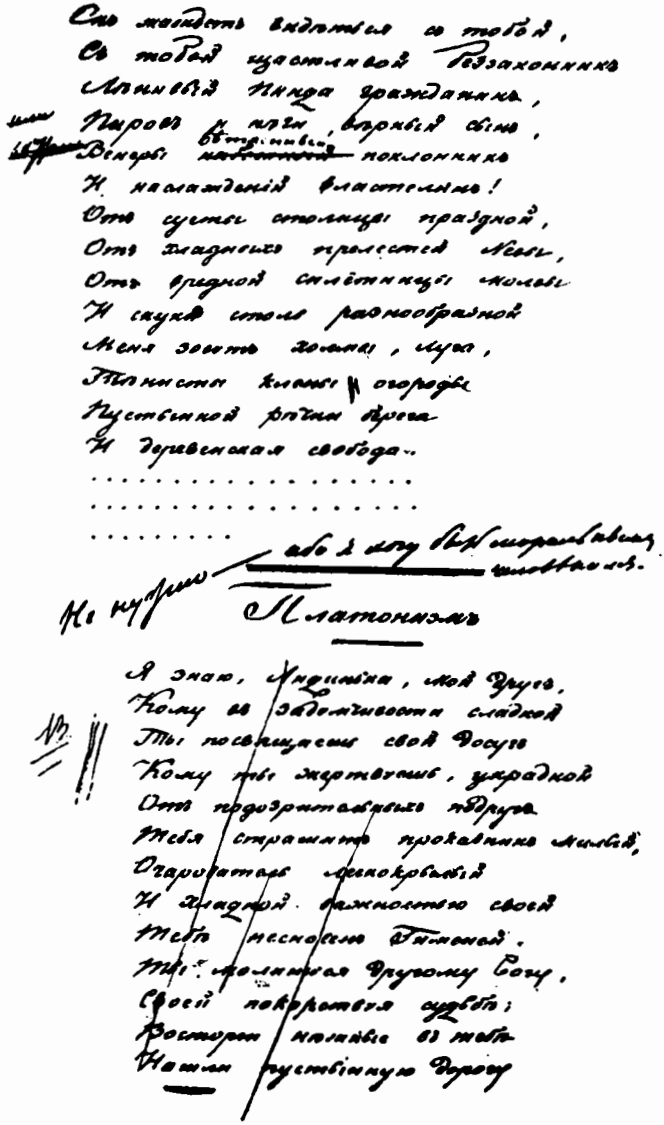
«Пленница младая»... Это была воспитанница Театрального училища, танцовщица кордебалета Авдотья Ивановна Овошникова, которой увлекался Всеволожский.

Сейчас Пушкин сам был «пленником». Предполагая, что, быть может, Всеволожский уже издал его стихотворения, он пишет 27 июля 1821 года брату Льву из Кишинева: «...постарайся свидеться с Всеволожским — и возьми у него на мой счет число экземпляров моих сочинений (буде они напечатаны)...— экземпляров 30. Скажи ему, что я люблю его, что он забыл меня, что я помню вечера его, любезности его..., Овошникову его, Лампу его — и все елико друга моего».

Какой глубокой тоской пронизано это короткое письмо ссыльного поэта — тоской по далеким друзьям, по «Зеленой лампе», по Петербургу!..

Пушкин пишет друзьям одно письмо за другим. «Ветренность моя и ветренность моих товарищей наделала много беды»,— с горечью признается он. И в письме от 29 июня 1824 года просит своего друга А. А. Бестужева (Марлинского): «...постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений за 1000 рублей ассигнациями. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится ли Аристипп Всеволодович? Я бы в придачу предложил ему мою дружбу... он располагает ею уже давно, вообще же дело идет только о 1000 рублях. Покажи ему мое письмо».

Пушкин назвал в этом письме Никиту Всеволожского именем жившего в IV веке до нашей эры греческого фило-

Страница из Тетради Всеволожского с собственноручными исправлениями Пушкина.

софа Аристиппа, учившего, что счастье человеческое заключается в наслаждениях.

Самому Всеволожскому поэт пишет в конце октября того же 1824 года из Одессы: «Не могу поверить, чтоб ты забыл меня, милый Всеволожский,— ты помнишь Пушкина, проведшего с тобою столько веселых часов,— Пушкина, которого ты видал и пьяного и влюбленного, не всегда верного твоим субботам, но неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей, того Пушкина, который отрезвил тебя в страстную пятницу и привел тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову. Сей самый Пушкин честь имеет напомнить тебе ныне о своем существовании и приступает к некоторому делу, близко до него касающемуся... Помнишь ли, что я тебе полупродал, полупроиграл рукопись моих стихотворений? Ибо знаешь: игра несчастливая родит задор. Я раскаялся, но поздно — ныне решился я исправить свои погрешности, начиная с моих стихов, большая часть оных ниже посредственности и годится только на совершенное уничтожение, некоторых хочется мне спасти. Всеволожский милый, царь не дает мне свободы! продай мне назад мою рукопись,— за ту же цену 1000 (я знаю, что ты со мной спорить не станешь; даром же взять не захочу). Деньги тебе доставлю с благодарностью, как скоро выручу... Передумай и дай ответ. Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку Всеволодчика. Когда-то свидимся... когда-то...».

Лишь 13 марта 1825 года Пушкин получил наконец через брата Льва возвращенную ему Всеволожским тетрадь стихотворений.

Открывалась она ранними, еще лицейскими, элегиями — «Гроб Анакреона» и «Пробуждение» — и позднейшими — «Выздоровление» и «К ней». Обращаясь «к ней», к своей музе, Пушкин говорил:

В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.

И вслед за этим — строки о своем возрождении как поэта, с особой силой прозвучавшие в послелицейский период его творчества:

Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвело! Я жизнью трепетал...

Дальше в «Тетради Всеволожского» шли стихотворения: «Разлука», «Уныние», «Месяц», «Друзьям» («К чему, веселые друзья...»), «Мечтателю», «Наездник», «Подражание» («Я видел смерть...»), «К Лиле», «Желание», «Морфей», «Веселый пир», «В альбом Пущину», «Твой и мой», «К портрету Жуковского», «Именины», «Усы», «Заздравный кубок», «Романс», «Жуковскому», «N. N. (Энгельгардту)», «Амур и Гименей», «Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...»), «Торжество Вакха», «Лицинию».

На протяжении двух дней Пушкин работает над сборником стихотворений, вносит правки, уточняет названия, вычеркивает одни стихи, вписывает новые, распределяет стихотворения по жанрам, готовит их к печати. Вся писарская рукопись тетради испещрена пометками Пушкина. Некоторые первоначальные варианты стихотворений коренным образом перерабатываются.

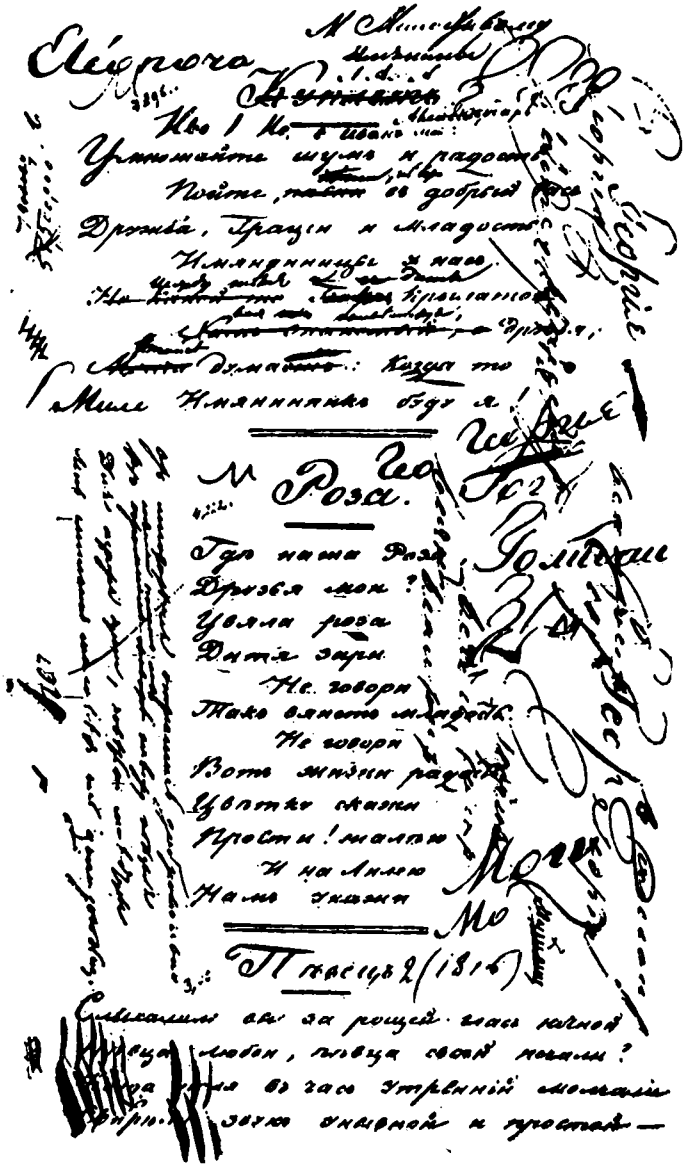
Не имея права выезжать из Михайловского, Пушкин посылает рукопись в Петербург Плетневу, просит его связаться с Жуковским и Гнедичем, вместе с ними все проверить, исправить ошибки и по своему усмотрению исключить лишнее.

Отправляя в Петербург рукопись, он пишет 15 марта 1825 года: «Брат Лев и брат Плетнев! Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал черное белье наскоро, а новое сшил на живую нитку. Но с вашей помощью надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьет, как непотребную прачку».

Пушкин заботливо вникает во все подробности оформления будущей книги, просит друзей не забыть о виньетке. Он пишет: «Печатайте каждую пиесу на особенном листочке, исправно, чисто... и пожалуйста без ❧ и без — * — и без = вся эта пестрота безобразна и напоминает Азию. Заглавие крупными буквами — и à la ligne [1].— Но каждую штуку особенно — хоть бы из четырех стихов состоящую — (разве из двух, так можно à la ligne и другую)».

Лишь 30 декабря 1825 года сборник «Стихотворения Александра Пушкина» вышел наконец в свет. Он помечен был 1826 годом. В нем помещено было 17 элегий, 24 разных стихотворения, 21 эпиграмма, надписи, 12 подражаний древним, 16 посланий, 9 подражаний Корану. Всего

[1] С красной строки *(фр.)*.

Страница из Тетради Всеволожского с собственноручными исправлениями Пушкина.

ЦЫГАНЫ.

(Писано въ 1824 году)

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА

при Императорской Мед.-Хирур. Академіи.

1827.

Титульный лист первого издания поэмы «Цыганы».

99 произведений на 192 страницах. Сборник был выпущен тиражом в 1200 экземпляров по цене 10 рублей за экземпляр.

Он явился первым изданием стихотворений Пушкина. С большинством из них читатели познакомились впервые. До этого были изданы поэмы: «Руслан и Людмила» — в 1820 году, «Кавказский пленник» — в 1822 году, «Бахчисарайский фонтан» — в 1824 году и первая глава «Евгения Онегина» — в 1825 году. Стихотворения же поэта распространялись в многочисленных списках, и выход сборника стал подлинным праздником для всей читающей публики.

Имя Пушкина было в то время уже широко известно. Жена Всеволожского как-то, уже позднее, совершила поездку на Кавказ и в Грузию. После этого в 1829 году появилась книга за подписью скрывшегося под инициалами Н. Н. автора. На страницах 46—47 этой книги мы читаем:

«...часто любители литературы являются с журналами, с кипами стихов, и там (на кавказских минеральных водах), где за несколько десятков лет собирались черкесы, чтобы с высот нетерпеливыми взорами приветствовать возвращающихся с добычи хищных своих собратий, там гремит теперь поэзия и вторится имя Пушкина».

Книга эта сохранилась на полках пушкинской библиотеки.

Одна за другой начали выходить в то время в свет отдельные главы «Евгения Онегина», в 1827 году — «Цыганы» и «Братья разбойники», в 1829 году — новое издание «Стихотворений Александра Пушкина» в четырех книгах, в 1831 году — «Борис Годунов», в 1833 — «Евгений Онегин» (весь роман в стихах полностью).

Карамзин получил сборник стихотворений Пушкина от Плетнева. Его несколько смутил пушкинский эпиграф: «Первая молодость воспевает любовь, более поздняя — смятения». Сборник вышел через две недели после восстания декабристов, и эпиграф этот Карамзин воспринял как выражение симпатий восставшим. Он заметил Плетневу:

— Что это вы сделали! Зачем губит себя молодой человек?

Плетнев поспешил успокоить Карамзина: поэт разумел не что иное, как смятение чувств...

Необходимо сказать, что рискованный эпиграф к сборнику стихотворений Пушкина был напечатан по-латыни (из римского поэта Проперция). И потому, может быть, никто, кроме Карамзина, не обратил внимания на его злободневный смысл — латынь знали немногие.

В середине января 1826 года Пушкин получил в Михайловском от Плетнева пять экземпляров вышедшего сборника... 5 января 1826 года в официальной печати появилось сообщение об образовании Следственной комиссии для расследования «ужасного заговора» 14 декабря 1825 года, а в газете «Русский инвалид» — того же 5 января 1826 года объявление: «Стихотворения Александра Пушкина. 1826. Собрание прелестных безделок, одна другой милее,

одна другой очаровательнее. Продается в магазине И. В. Сленина у Казанского моста, цена 10 р., с пересылкою 11 р.».

«Прелестными безделками» названы были в объявлении такие произведения Пушкина, как «Андрей Шенье», «К Овидию», «Песнь о вещем Олеге», «Вакхическая песня», «Лицинию», «Чаадаеву», «Муза», «Наполеон», «К морю», «Черная шаль»...

Пушкин благодарит Плетнева за издание его стихотворений и просит Жуковского похлопотать перед Николаем I о разрешении ему выехать из Михайловского «куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге...». Обращаясь с этой просьбой к Жуковскому, Пушкин все же просит старого поэта не ручаться перед царем за его будущее поведение...

Известно, что 8 сентября 1826 года Пушкин получил наконец разрешение покинуть Михайловское...

Уже к концу февраля «Стихотворения Александра Пушкина», вышедшие тиражом в 1200 экземпляров, были полностью распроданы. Плетнев писал 27 февраля Пушкину: «Стихотворений Александра Пушкина у меня уже нет ни единого экземпляра, с чем его и поздравляю. Важнее того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше от меня ничего получить. Это быстрое растечение твоих сочинений вперед заставит их прежде отпечатания скупать их гуртом на наличные деньги».

Плетнев излагает в письме «форму», коей он руководствовался при продаже сборника стихотворений своего друга: «1. Покупщику, требующему менее 50 экземпляров, нет уступки ни одного процента. 2. Кто берет на чистые деньги 50 экземпляров, уступает ему 10 процентов. 3. Кто 100 экземпляров, уступается 15 процентов. 4. Кто 300 экземпляров, уступается 20 процентов. 5. Кто 500 экземпляров, уступается 25 процентов. 6. Кто 1000 экземпляров, уступается 30 процентов.

На будущее время я отважусь предложить им одну общую статью: кто бы сколько ни брал, деньги должны взносить чистые и уступки больше 10 процентов не получит».

Так отразил Плетнев в письме к Пушкину новую «форму» взаимоотношений с книгопродавцами.

LA PRINCESSE NOCTURNE

Под этим именем в Петербурге была известна княгиня Евдокия Ивановна Голицына. Какая-то цыганка предсказала ей однажды, что она умрет ночью... Женщина суеверная, Голицына превратила ночь в день, а день в ночь, чтобы не встретиться со смертью, когда та придет за ней. Лишь ночью принимала она друзей в своем великолепном салоне.

«Княгиня Голицына была очень красива,— писал о ней П. А. Вяземский,— и в красоте ее выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этим преимуществом. Не знаю, какова была она в своей первой молодости; но и вторая, и третья молодость ее пленяли какою-то свежестью и целомудрием девственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная; придайте к тому голос, произношение необыкновенно мягкие и благозвучные — и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее. Вообще, красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние... В своем салоне, вернее сказать — в этой храмине хозяйку можно было признать жрицею какого-то чистого и высокого служения».

Только что окончив Лицей и приехав в Петербург, восемнадцатилетний Пушкин увлекся этой умной и образованной женщиной. Н. М. Карамзин писал 24 декабря 1817 года П. А. Вяземскому: «Поэт Пушкин... у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви».

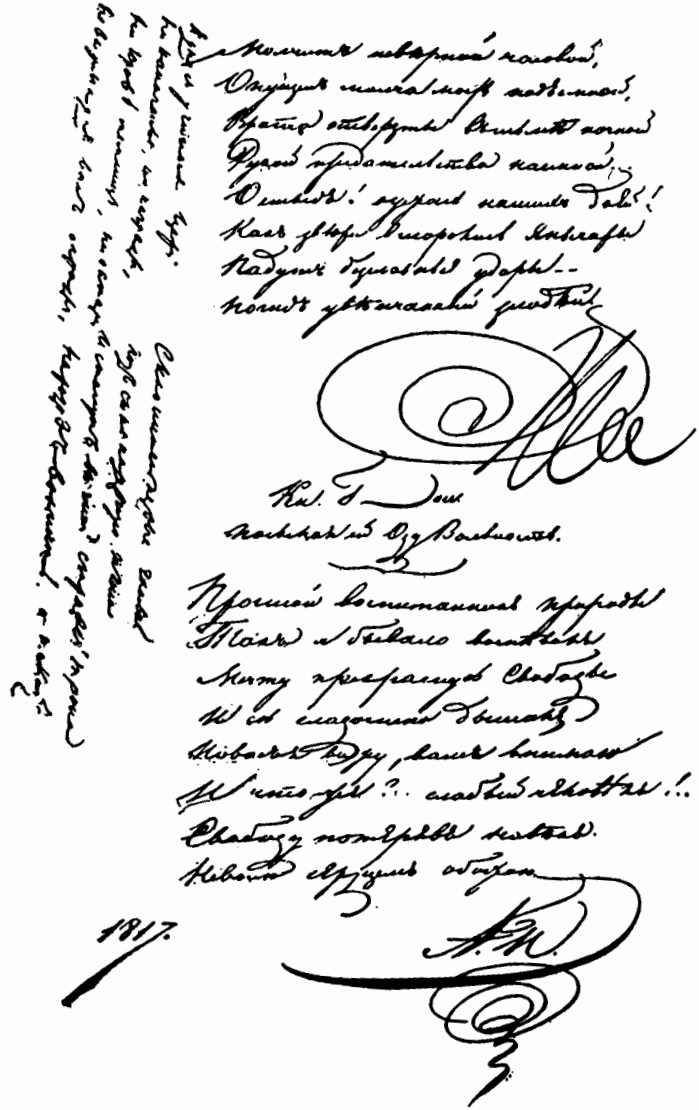
Пушкин, однако, вскоре «написал от любви»: он посвятил Голицыной мадригал — «Краев чужих неопытный любитель», в котором спрашивал:

Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?

И сам же отвечал на свой вопрос:

Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

В салоне «Княгини Ночи» бывали друзья Пушкина — Карамзин, Жуковский, Вяземский, Александр Бестужев, Александр Тургенев. Грибоедов читал здесь «Горе от

Последние строфы оды «Вольность» и стихотворение «Кн. Голицыной». Автограф.

ума». Уже спустя десятилетия после смерти Пушкина Голицына, не будучи знакома с приехавшим в Петербург Бальзаком, послала за ним карету с приглашением посетить ее.

Французский писатель удивился необычному ночному приглашению и написал в ответ: «У нас, милостивая государыня, посылают ночью только за врачами, да и то за теми, с которыми знакомы. Я не врач...»

И не поехал...

Женщина незаурядная, Голицына проявляла большой интерес к математике и философии и даже печатала свои труды. В пушкинской библиотеке имеется написанная ею книга на французском языке — «Анализ силы», вышедшая в 1835 году. Пушкин, видимо, хранил ее как память о своем юношеском увлечении.

Голицына была «обворожительна, как свобода», и юному поэту пришла в голову мысль послать ей только что написанную им тогда оду «Вольность» со стихами:

Простой воспитанник природы,
Так я, бывало, воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал.
Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же?.. слабый человек!..
Свободу потеряв навек,
Неволю сердцем обожаю.

В изгнании Пушкин не раз вспоминал Голицыну. 7 мая 1821 года он писал А. И. Тургеневу из Кишинева: «Вдали камина княгини Голицыной замерзнешь и под небом Италии»...

Голицына была почти на двадцать лет старше Пушкина. Не сохранилось предания о том, когда настигла ее смерть — днем или ночью...

ЮНЫЙ АРУЭТ

Михаил Орлов писал 8 июля 1820 года Александру Раевскому: «Поклон юному Аруэту Пушкину».

Пушкин в те дни совершил с Раевским путешествие по Кавказу, о котором писал брату Льву, что это были «счастливейшие дни его жизни». В Железноводске поэт жил в калмыцких кибитках, а переехав осенью в Гурзуф, нашел в старинной библиотеке томик Вольтера и зачитался им, как, бывало, еще в Лицее зачитывался «Жизнью

Вольтера», повестями и трагедиями знаменитого французского мыслителя, писателя и драматурга...

Вольтер носил имя — Франсуа Мари Аруэ. За увлечение Вольтером Пушкина и назвали юным Аруэтом...

Особенно высоко ценил Пушкин поэму «Орлеанская девственница», в которой Вольтер высмеивал политический строй Франции, царивший в ней дух католицизма.

Второго марта 1818 года Пушкин подарил экземпляр этой поэмы Вольтера своему приятелю Н. И. Кривцову, уезжавшему в Лондон на службу в российское посольство. Кривцов объехал всю Европу, был знаком с Гете, госпожой Сталь и другими выдающимися людьми своего времени.

Герой Бородина, плененный французами, беседовавший после этого в Кремле с Наполеоном, Кривцов импонировал Пушкину своим остроумием и свободомыслием. Поэт отправил ему «Орлеанскую девственницу» с надписью на книге: «Другу от друга» — и в книгу вложил листок с посланием:

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую библию харит?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости младой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранит тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби недевственного брата,
Страдальца чувственной любви!..

В библиотеке Пушкина находится 42-томное собрание сочинений Вольтера на французском языке и свыше десяти томов отдельных произведений Вольтера и книг, в которых упоминается имя французского мыслителя. Все они носят на своих страницах следы настойчивой и углубленной работы Пушкина, во многих томах остались положенные Пушкиным закладки.

Вольтер оказал сильнейшее влияние на творчество Пушкина. Подражая ему, Пушкин в 1814 году начал и не закончил поэму «Бова», а в 1821 году написал «Гаври-

Вольтер. Рисунок А. С. Пушкина.

илиаду». Влияние «Орлеанской девственницы» сказалось и на «Руслане и Людмиле».

В 1817 году появляются «Стансы (Из Вольтера)».

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
С моей вечернею зарею
Мое ты утро съедини!

Стихи эти, созданные Вольтером в сорокасемилетнем возрасте, привлекли к себе внимание совсем еще юного Пушкина: в то «утро» Пушкину шел всего восемнадцатый год, это была лишь его восемнадцатая вечерняя заря. А он писал:

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

В 1825 году он переводит из Вольтера:

Короче дни, а ночи доле,
Настала скучная пора...

Пушкин внимательно изучал вольтеровскую библиотеку, приобретенную после смерти французского писателя Екатериной II. В ней насчитывалось около семи тысяч томов, привезенных в Петербург в 1779 году секретарем Вольтера, Ваньером, который разобрал и разместил эти книги в нижних залах Эрмитажа. В 1862 году ее передали петербургской Публичной библиотеке, где она хранится и сегодня.

Многое интересовало Пушкина в библиотеке французского писателя и мыслителя и прежде всего написанная Вольтером «История Российской империи при Петре Великом».

Внимательно читал Пушкин и другие исторические сочинения Вольтера. Его «Историей Карла XII», шведского короля, он пользовался, когда писал «Полтаву».

Как и Пушкин, Вольтер имел обыкновение читать книгу с пером в руке, и многие принадлежавшие ему книги испещрены его собственноручными пометками. На полях книг Вольтер вел иногда полемику с их авторами, высказывал свои замечания по поводу стиля. И если Пушкин писал на полях книги Бибикова о Пугачеве: «Вздор!», то на полях книг из вольтеровской библиотеки можно найти, например, такое замечание по адресу автора: «Убирайся, ты мне надоел!»

В 1758 году 64-летний Вольтер приобрел небольшое имение в Швейцарии, около Женевы,— Ферне. Отсюда он вел пропаганду своих политических и философских идей, и сюда к нему приезжали его многочисленные поклонники из разных стран мира. Вольтер переписывался с многими виднейшими людьми своего времени. Фернейским мудрецом называли Вольтера друзья.

Как и Вольтер, Пушкин числился придворным: Вольтер — камергером прусского короля Фридриха II, Пушкин — камер-юнкером при дворе императора Николая I. Пушкин открыто тяготился своим званием придворного, с царями держался гордо и независимо, а Вольтер, напротив, был очень честолюбив, заискивал перед монархами, и не всегда ему удавалось при этом сохранять свое личное достоинство.

Свою большую статью о Вольтере Пушкин закончил в 1836 году словами: «...гений имеет свои слабости, кото-

рые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества... настоящее место писателя есть его ученый кабинет... независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

Незадолго до смерти Пушкин написал для «Современника» статью «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» по поводу письма к Вольтеру некоего Дюлиса, потомка родного брата героини французского народа. Письмо это Пушкин привел в своей статье вместе с ответом на него Вольтера.

Франсуа Мари Аруэ Вольтер и юный Аруэт Пушкин оказались рядом в показаниях декабристов. Давая следственной комиссии ответ на допросе по делу о восстании 14 декабря 1825 года, М. П. Бестужев-Рюмин писал: «...первые литературные мысли почерпнул в трагедиях Вольтера... Между тем везде слыхал стихи Пушкина...»

ОВИДИЙ, ЮЛИЕЙ ВЕНЧАННЫЙ

В одном ряду с именами любимых и внутренне близких Пушкину людей может быть поставлено имя замечательного римского поэта Овидия Назона.

Они жили в разные эпохи, даже в разные эры. Почти два тысячелетия отделяли их друг от друга: Пушкин родился в 1799 году нашей эры, Овидий — в 43 году до нашей эры. Но их связывала удивительная общность судьбы. Овидий был сослан римским императором Октавианом Августом на берег Черного моря, в Молдавию. И в той же Молдавии влачил годы изгнания Пушкин, сосланный на юг императором Александром I.

С Овидием, автором блестящих по форме, но нескромных по содержанию произведений — «Науки любви», любовных элегий и «Метаморфоз», Пушкин познакомился еще в Лицее. 15-летним юношей он написал в послании «К Батюшкову»:

Играй: тебя младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

Но душевно близким стал Овидий Пушкину в годы изгнания, особенно в 1821—1822 годах, когда поэт жил в Кишиневе. Друзья даже называли его «Овидиевым племянником»...

На полках пушкинской библиотеки находилось несколько изданий произведений римского поэта: одно, пятитомное, на латинском языке, 1822 года, с гравированным портретом Юлии, дочери императора Октавиана Августа; три перевода произведений Овидия на французский язык: десятитомное, разрозненное, 1835 года, семитомное, 1799 года, и перевод «Метаморфоз», 1827 года.

На полках библиотеки стояло еще старинное, 1795 года, издание на русском языке — «Плач Публия Овидия Назона», в кожаном переплете, на верхней крышке которого были вытиснены слова: «Придворной библиотеки». Книга, очевидно, попала на полку пушкинской библиотеки из какого-нибудь дворца. Наконец, были еще «Овидиевы любовные творения, переработанные в Энеевском вкусе Николаем Осиповым», на русском языке, издания 1803 года.

В стихотворном послании к поэту Н. И. Гнедичу (1821) Пушкин впервые сопоставляет свою судьбу изгнанника с судьбою Овидия:

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.

Стремясь вырваться из южного заточения, Пушкин пишет своему другу Чаадаеву:

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
. . . . . .
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?
Как обниму тебя!..

Берега Черного моря находились когда-то под эгидой «великого Рима», и местом ссылки Овидия называли Аккерман. Пушкин совершает из Кишинева поездку в Измаил и Аккерман и пишет большое послание — «К Овидию»:

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов,
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил...

С тенью Овидия бродит Пушкин по местам своей ссылки и создает одно за другим произведения, в которых незримо присутствует далекий римский изгнанник:

Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!

«Безотрадный плач» — это пять книг элегий Овидия — «Tristia» («Скорби»). Поэт просит в них императора Октавиана Августа простить его: ведь он автор нецеломудренных стихов, но в жизни человек целомудренный. Пушкин предостерегает Овидия:

Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут...

Своему другу поэту Е. А. Баратынскому Пушкин пишет из Бессарабии в 1822 году:

Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

Пушкин живет в доме наместника Бессарабии, масона и либерала, добрейшего генерала И. Н. Инзова.

Оберегая поэта от серьезных последствий его частых столкновений с бессарабскими боярами, помещиками и чиновниками, Инзов подвергает Пушкина домашнему аресту. 8 марта 1822 года он посадил его за бурное столкновение с Тодором Балшем.

У двери поставил часового...

К ссылке прибавился домашний арест... Это была уже тюрьма в тюрьме... Просидел поэт двадцать дней... На третий день своего заключения он направляет одному из друзей меланхолическое послание:

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом...
. . . . . .
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник...
. . . . . .
К моей конурке строгой
Приставил караул.
. . . . . .
...мараю
Небрежные черты,
Пишу карикатуры...

На листке с этим стихотворением Пушкин рисует портреты Тодора Балша и рядом — гречанки Калипсо Полихрони, которой посвятил стихотворение:

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов...

Проходит год. 13 января 1823 года Пушкин обращается к министру иностранных дел К. В. Нессельроде с просьбою разрешить ему отпуск на два-три месяца в Петербург. Александр I пишет на ходатайстве поэта: «Отказать».

Поэт стремится вырваться из бессарабской глуши. В марте 1823 года он пишет Вяземскому: «Я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает, когда выкарабкаюсь...» И вслед за этим, в апреле: «Мои надежды не сбылись: мне нынешний год нельзя будет приехать ни в Москву, ни в Петербург».

Пушкин приглашает его по пути на Кавказ заехать к нему в Кишинев, обещает познакомить с героями греческого восстания и с гречанкой, «которая целовалась с Байроном»,— Калипсо Полихрони, бывшей возлюбленной английского поэта.

Перед окнами дома Инзова — унылый кишиневский пейзаж... И у поэта свои унылые служебные обязанности: он переводит с французского языка на русский молдавские законы и иностранную корреспонденцию начальника.

Обязанности эти не по душе поэту. Он признается одному из навестивших его приятелей, что предпочел бы быть заточенным всю свою жизнь, чем заниматься в течение двух часов делом, в котором должен отчитаться...

Уже давно в душе поэта зреет замысел романа в стихах. И рядом с молдавскими законами, переведенными на русский язык пером гения, рядом с «небрежными чертами» и «карикатурами» 9 мая 1823 года ложатся строки эпиграфа к «Евгению Онегину», на французском языке:

«Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière» [1].

---

[1] Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще той особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках,— следствие чувства превосходства, быть может, мнимого.

Из частного письма (фр.).

И дальше — первые стихи знаменитого романа: «Мой дядя самых честных правил...»

Пушкин получает в это время сообщение, что в январе в Петербурге состоялось первое представление балета Дидло на музыку Кавоса — «Кавказский пленник, или Тень невесты». Роль черкешенки исполняла Е. И. Истомина.

Поэма Пушкина «Кавказский пленник» вышла незадолго перед тем из печати и имела огромный, совершенно исключительный успех. И Пушкин писал своему брату Льву: «Пиши мне о Дидло, о Черкешенке-Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому пленнику...».

И уже в девятнадцатой строфе первой главы «Евгения Онегина» появляются посвященные Истоминой строки ссыльного поэта:

Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?

Пушкин не перестает одновременно думать о печальной судьбе своего римского собрата. В восьмой строфе той же первой главы «Евгения Онегина» он пишет:

...Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

Эти стихи Пушкин сопровождает в первом издании первой главы примечанием: «Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Аккерман, ни на чем не основано. В своих элегиях «Ex ponto» («Послания с Понта».— *А. Г.*) он ясно назначает местом своего пребывания город *Томы* при самом устье Дуная [1].

Столь же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его изгнания тайную благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около пятидесяти лет, а развратная Юлия, десять лет тому прежде, была сама изгнана ревнивым своим родителем. Прочие догадки ученых не что иное, как догадки. Поэт сдержал свое слово, и тайна его с ним умерла: «Alterius facti culpa silenda mihi...» [2]

---

[1] Ныне город Кюстенджи в Добрудже.

[2] О другой моей вине мне следут молчать *(лат.)*.

В 1824 году Пушкин уже из михайловской ссылки приглашает Н. М. Языкова навестить его и снова вспоминает римского поэта:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.

Наконец в Михайловском во время работы над поэмой «Цыганы» Пушкину, очевидно, приходит на память записанное румынским поэтом И. К. Стамати предание о том, что «приехал из Рима человек необыкновенный, который был невинен, как дитя, и добр, как отец. Этот человек всегда вздыхал, а иногда сам с собою говорил, но когда он рассказывал что-либо, то, казалось, истекает из уст его мед». Легенду эту рассказывает Старик цыган:

Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозванье.)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар...
. . . . . .
Он ждал: придет ли избавленье.
И все несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальный град воспоминая.
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости...

Вспоминая свои бессарабские впечатления и дни, проведенные в цыганском таборе, Пушкин говорит устами Алеко:

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!..
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

И все же, находясь в изгнании и сопоставляя свою судьбу с судьбой Овидия, униженно просившего импера-

тора Октавиана и его преемника Тиберия освободить его и вернуть из изгнания в Рим, Пушкин гордо писал:

Все тот же я — как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою...

«Октавием» Пушкин иносказательно называл здесь Александра I.

ОТМЕТКА РЕЗКАЯ НОГТЕЙ

В кабинете онегинского «пустынного замка» Татьяна перелистывает страницы читанных Онегиным книг. Она встречает на полях «черты его карандаша», видит нанесенные им «кресты» и «вопросительные крючки».

Оказавшись сегодня в Пушкинском доме в окружении книг личной библиотеки Пушкина, мы видим, что некоторые из них сегодня хранят на своих страницах «отметку резкую ногтей».

Одна из них останавливает на себе особое внимание.

Пушкина всегда интересовала личность Наполеона и судьба поверженного французского императора. Еще находясь в Лицее, он вспоминает в 1814 году в «Бове» о забытом «Эльбы императоре». Вслед затем пишет большое стихотворение «Наполеон на Эльбе», в котором проникает в думы плененного императора:

И вспыхнет брань! за галльскими орлами
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!..

Так мечтал Наполеон. Но низвергнутым оказался сам император — бегство с острова Эльбы, Ватерлоо и 23 апреля 1821 года — смерть на острове Святой Елены. Пушкин находился в то время в Кишиневе. Известие о гибели «могучего баловня побед» дошло туда лишь 18 июля. Поэт отметил это в своем «Дневнике» и тогда же написал стихотворение «Наполеон».

Чудесный жребий совершился;
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.

В библиотеке Пушкина было много посвященных Наполеону сочинений: «История Наполеона», написанная и выпущенная в 1825 году в Париже генералом Сегюром; изданная в 1823—1824 годах в Брюсселе летопись жизни Наполеона на острове Святой Елены, которую день за днем вел на протяжении восемнадцати месяцев Лас-Каз; история наполеоновых войн, записанная на острове Святой Елены Маршаном под диктовку бывшего императора и вышедшая в 1836 году в Штутгардте; опубликованные в 1825 году в Париже записи доктора Антомарши о последних днях и минутах Наполеона.

Пушкин берет с полки и читает книгу Барри О'Меара «Наполеон в изгнании, или Отклики с острова Св. Елены. Рассуждения Наполеона о важнейших обстоятельствах и моментах его жизни и управления Францией». На ее полях он делает много пометок, отчеркивает фразы и абзацы, а на странице 54 сохранилась резкая отметка ногтем против строк:

«C'est toujours ma maxime qu'un homme montre plus de vrai courage en supportant les calamités et en résistant aux malheurs qui lui arrivent, qu'en s'en débarrassant» [1].

Так мыслил Наполеон... Много истинной храбрости и смелости проявил и сам Пушкин, когда в январе 1837 года на него обрушилась клевета...

«НАШ ПЕРВЫЙ ЭЛЕГИЧЕСКИЙ ПОЭТ»

На полках пушкинской библиотеки стоят два томика стихотворений Е. А. Баратынского издания 1827 и 1835 годов. На первом из них надпись: «Пушкину от Е. Баратынского и Комп.».

«Компания» Баратынского — это все те же известные поэты той поры, близкие друзья Пушкина.

Пушкин называл Баратынского «нашим первым элегическим поэтом», был его восторженным поклонником и считал, что он выше Жуковского. В поэзии Баратынского Пушкину нравились «верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность», он ценил его «гармонию стихов, свежесть слога, живость».

---

[1] Мое всегдашнее убеждение в том, что человек показывает больше настоящего мужества, перенося клевету и противостоя несчастьям, чем отделываясь от них *(фр.)*.

Белинский ставил Баратынского на первое место после Пушкина, Максим Горький говорил, что его стихи «часто не уступают по красоте и силе Пушкину».

Но Баратынский как поэт был очень скромен — в стихотворении «Муза» он писал:

Не ослеплен я музою моею:
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей, чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

Сам Баратынский больше, чем «едких осуждений», боялся похвал. Это он выразил в своих обращенных к Мицкевичу стихах:

Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал:
Не раз в чаду их мощный гений
Сном расслабленья засыпал...

Баратынский рос в глуши тамбовского селения, был привезен в Петербург 11-летним мальчиком и поступил в Пажеский корпус — одно из самых привилегированных учебных заведений того времени. Начитавшись книг о разбойниках, он организовал «общество мстителей» корпусным начальникам и похитил вместе с приятелем у частного лица пятьсот рублей, за что по повелению императора Александра I его исключили из корпуса.

Баратынский был еще очень юн, когда совершил этот проступок. Жестокая кара глубоко травмировала его и надолго выбила из колеи нормальной жизни.

«Разве, если пожелает, в солдаты»,— соблаговолил заметить царь.

Баратынский уезжает в деревню, но в 1818 году возвращается в Петербург.

Он мечтает стать поэтом. «Я более всего люблю поэзию»,— писал Баратынский матери еще из корпуса. В Петербурге он познакомился и поселился вместе с Дельвигом. Как жили два поэта, они рассказывали в совместно написанном ими шутливом стихотворении:

Там, где Семеновский полк, в пятой роте,
в домике низком,
Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом,

Тихо жили они, за квартиру платили немного,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они в дождик пешком, в панталонах
трикотовых тонких,
Руки спрятав в карман (перчаток они не имели),
Шли и твердили, шутя: какое в россиянах чувство!

Вместе с Дельвигом и приятелями поэтами Баратынский написал и другое стихотворение «Певцы 15 класса». Он подписал его: «Сочинил унтер-офицер Евгений Баратынский с артелью».

Дельвиг знакомит Баратынского с Пушкиным, Жуковским, Грибоедовым, Гнедичем, братьями Тургеневыми. Баратынский все больше и больше увлекается поэзией и начинает печатать свои стихи.

Уже в самом начале поэтического пути ему создали славу элегии. Широко известно и в наши дни «Разуверение», положенное на музыку Глинкой:

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!..

Вслед за этим появляется «Признание» («Притворной нежности не требуй от меня...»):

Мы не сердца под брачными венцами —
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новых избери;

Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Пушкин считал эту элегию Баратынского «совершенством» и писал, что после него сам он никогда не станет печатать своих элегий...

Большой популярностью пользовалась «Разлука»:

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

Пять лет прослужил Баратынский унтер-офицером стоявшего в Финляндии Нейшлотского пехотного полка, но связи с петербургскими друзьями не терял. Пушкин в те годы находился в своем южном изгнании и писал: «Бедный Баратынский! Как об нем подумаешь, так поневоле постыдишься унывать...»

В послании из Бессарабии Пушкин просит Баратынского:

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне, Феба ради,
И награди тебя Амур.

Он высоко оценивает написанную Баратынским в конце 1820 года поэму «Пиры» и в «Послании цензору» пишет:

Ни слог певца «Пиров», столь чистый,
благородный,—
Ничто не трогает души твоей холодной.

Пушкин вспоминает Баратынского, когда создает письмо Татьяны Онегину. Его, «певца «Пиров» и грусти томной», он просит «заняться письмом красавицы моей» с тем, чтобы переложить написанное по-французски письмо русскими стихами:

Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...

В Финляндии Баратынский создал поэму «Эда», о которой Пушкин писал:

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей...

Свой критический разбор «Эды» Пушкин закончил словами: «Перечитайте сию простую восхитительную повесть».

В 1825 году Баратынский был наконец произведен в офицеры, ушел в отставку и поселился в Москве. К этому времени его творчества относится поэма «Бал». Пушкин писал о ней, что «сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной». В 1828 году «Бал» вышел из печати под одной обложкой

с пушкинским «Графом Нулиным» в виде «двух повестей в стихах».

Пушкин писал в то время «Полтаву» и на черновой рукописи поэмы нарисовал профиль Баратынского. По словам современника, Пушкин сумел передать облик Баратынского — «как бы сквозь туман, горящий тихим пламенем взор, придававший ему нечто привлекательное и мечтательное».

Стихи Баратынского Пушкин берет в качестве эпиграфов к седьмой главе «Евгения Онегина» в повести «Выстрел».

Близилось 14 декабря 1825 года. Баратынский познакомился с Рылеевым, Бестужевым, Кюхельбекером, и свободолюбивые настроения не раз отражались в его стихах. В поэме «Пиры» Баратынский даже о шампанском говорит, что оно

...свободою кипит,
Как пылкий ум, не терпит плена.

В разбушевавшейся стихии петербургского наводнения 1824 года Баратынский видел символ борьбы и свободы. Он писал в элегии «Буря»:

В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины...
. . . . . .
Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев...

В адрес временщика России Аракчеева он направил гневную эпиграмму:

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов — самовластью,
Какой-то адскою любовию горя,
Он незнаком с другою страстью.
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней.

Как и вся передовая Россия, Баратынский тяжело переживал разгром восстания и казнь пяти декабристов. Он писал:

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

В 1826 году Баратынский женился на дочери генерала Энгельгардта и поселился в их подмосковном имении Муранове. Сближение с Чаадаевым, декабристом М. Орловым, И. Киреевским и Адамом Мицкевичем настраивает лиру Баратынского на философский лад.

Он жил в Москве в доме № 6 по Большому Чернышевскому переулку (ныне улица Станкевича). Этот дом сохранился. Здесь у него не раз бывали Пушкин и Дельвиг. На противоположной стороне улицы, в доме № 9, жил их общий друг Вяземский, у которого, приезжая в Москву, Пушкин иногда останавливался. Все они связаны были давней дружбой.

С годами, однако, пути Баратынского и Пушкина разошлись. В мае 1836 года, приехав в последний раз в Москву, Пушкин писал жене: «Баратынский... очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу».

Осенью 1843 года Баратынский отправился с женой и детьми в заграничную поездку, о которой давно мечтал. Он познакомился за границей с Огаревым, с Альфредом де Виньи, Мериме и другими писателями и поэтами того времени.

Собираясь в Италию, Баратынский писал:

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам падшего Рима!
Сняться мне долы, леса благовонны
Снятся упадших чертогов колонны!

Находясь в Средиземном море, на пароходе, поэт мечтал:

Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной!

Баратынский увидел «Элизий земной», но в Россию не вернулся: он скончался 11 июля 1844 года в Неаполе. Прах его был перевезен в Петербург и похоронен на кладбище Александро-Невской лавры.

Он любил Россию и был уверен, что ее ждет великое будущее. Старый календарный стиль отставал в то время от нового, принятого Западной Европой, на двенадцать дней. Россия была моложе Запада, и Баратынский писал своему другу Путяте: «Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо... Поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе двенадцатью днями других народов, а посему переживем их, может быть, двенадцатью столетиями».

Скромно считая себя младшим братом Пушкина в поэзии, Баратынский верил, что его стихи тоже найдут своего читателя в потомстве. Он писал:

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И, как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

Первые стихи Баратынского были напечатаны в журнале «Благонамеренный» в 1819 году. Жена его писала по этому поводу: «Никогда бы он не удостоился славы, если бы один из его лучших друзей, барон Дельвиг, не напечатал одно из его стихотворений без его ведома...»

Баратынский нашел своего читателя в потомстве, и в советское время его сочинения не перестают издаваться.

Все трое: Пушкин, Дельвиг и Баратынский — родились на пороге XIX века. Рука об руку шли эти три поэта все свои недолгие годы. И когда Дельвиг ушел первым, Пушкин писал П. А. Плетневу: «Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все»...

Вскоре после Дельвига «туда, в толпу теней родных», ушел и Пушкин, а вслед за ним Баратынский. Дельвиг словно предвидел это, когда за несколько лет перед смертью писал Е. А. Баратынскому в идиллии «Друзья»:

Долгая жизнь пролетела, как вечер веселый в рассказах.
Счастлив я был! Не боюсь умереть! Предчувствует сердце —
Мы не надолго расстанемся: — скоро мы будем, обнявшись,
Вместе гулять по садам Елисейским и с новою тенью
Встретясь, мы спросим: «Что на земле? все так ли, как прежде?
Други так ли там любят, как в старые годы любили?»

«ЛАЙОН, МОЙ КУРЧАВЫЙ БРАТ»

Лев — по-английски Лайон. Так назвал Пушкин своего брата Льва в стихотворном письме к А. Н. Вульфу из михайловской ссылки:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик,
Запируем уж, молчи!

Их было шесть братьев Пушкиных и две сестры. Павел, Михаил, Платон и Софья умерли в младенчестве. Николенька, родившийся в 1801 году, скончался в шестилетнем возрасте. Остались два брата, Александр и Лев, и сестра Ольга.

Александру исполнилось шесть лет, когда в 1805 году родился Лев. В 1811 году старшего брата увезли в Лицей, они почти не знали друг друга. Переехав из Москвы в Петербург, родители почти каждый месяц выезжали вместе с детьми в Царское Село навестить Александра...

Окончив Лицей, Пушкин не раз посещал брата Льва в петербургском университетском Благородном пансионе, где тот учился. Здесь он познакомился с товарищами младшего брата: будущим композитором М. И. Глинкой и С. А. Соболевским, страстным любителем литературы, библиофилом и автором остроумных эпиграмм, ставшим впоследствии и его близким другом.

Двадцать пятого января 1821 года в Благородном пансионе произошло исключительное событие: ученики побили одного из учителей «за невежество в русской литературе». Видимо, в связи с этим Лев Пушкин был исключен с 3-го курса пансиона.

Нежно и трогательно относясь к брату, Пушкин пишет Дельвигу 23 марта того же года из Кишинева:

«Друг мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мне, что делается с братом,— ты его любишь, потому что меня любишь, он человек умный во всем смысле слова — и в нем прекрасная душа. Боюсь за его молодость,

боюсь воспитания, которое дано будет ему обстоятельствами его жизни и им самим — другого воспитания нет для существа, одаренного душою. Любя его, я знаю, что будут стараться изгладить меня из его сердца,— и в этом найдут выгоду.— Но я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови».

Осенью 1822 года Пушкин направил брату из Кишинева большое письмо на французском языке, в котором давал советы, как тот должен вести себя, вступая в жизнь, в обществе и «свете».

Этот составленный Пушкиным свод житейских правил очень интересен.

«Ты в том возрасте, когда следует подумать о выборе карьеры: я уже изложил тебе причины, по которым военная служба кажется мне предпочтительнее всякой другой. Во всяком случае, твое поведение надолго определит твою репутацию и, быть может, твое благополучие.

Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это — средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоем в свет.

Будь холоден со всеми: фамильярность всегда вредна; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унизить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе.

Никогда не принимай одолжений. Одолжение чаще всего — предательство.— Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает.

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, ко-

торую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.

Никогда не забывай умышленной обиды,— будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения.

Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и, во всяком случае, она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым.

Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к тому вынужден. Они могут избавить тебя от дней тоски и бешенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если дело идет о счастии твоей жизни».

Таковы мудрые советы, которые старший брат дает младшему. В них чувствуется и братская любовь, и нежная дружба, и стремление оградить юношу от будущих житейских бурь. Александру Пушкину только что исполнилось тогда двадцать три года, но он уже много пережил, многому научила его жизнь. И весь свой опыт он стремился передать брату...

Работая через три года над «Борисом Годуновым», 26-летний Пушкин некоторые из этих мыслей вкладывает в уста умирающего 54-летнего царя Бориса:

О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно —
В дни бурные державу ты приемлешь...
. . . . . .
Но ты, младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет...
. . . . . .
О милый сын! ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:

Кто чувствами в порочных наслажденьях
В младые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет...
. . . . . .
...люби свою сестру —
Ты ей один хранитель остаешься.

Пушкин заканчивает письмо: «когда-нибудь ты услышишь мою исповедь» — и не скрывает, что это будет дорого стоить самолюбию, но не остановит его, если дело идет о счастии жизни брата.

И Борис Годунов говорит, прощаясь с сыном:

...и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья...

«О милый сын...» — обращается Борис к царевичу Федору. И брату Льву Пушкин писал:

Брат милый, отроком расстался ты со мной —
В разлуке протекли медлительные годы.
Теперь ты юноша — и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для
свободы.
Какое поприще открыто пред тобой,
Как много для тебя восторгов, наслаждений,
И сладостных забот, и милых заблуждений!
Как часто новый жар твою волнует кровь!
Ты сердце пробуешь в надежде торопливой,
Зовешь, вверяясь им, и дружбу и любовь!

Задумав в 1824 году бежать за границу, Пушкин прощается с братом:

Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе,
В последний раз сожмем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта.

Но побег не состоялся. Тогда же Пушкина выслали из Одессы в Михайловское. Вместе с родителями его здесь встретили младший брат и сестра. В крупной ссоре, возникшей между отцом и вернувшимся поэтом, оба они встали на сторону брата.

Лев уехал в Петербург и поступил на службу в департамент духовных дел иностранных исповеданий. Пушкин часто обращается к нему с разными просьбами, они касаются главным образом издания его произведений.

Пушкин написал брату из Кишинева и Михайловского около тридцати писем. Но тот не слишком аккуратно выполнял поручения поэта. Получая от издателей гонорар за произведения брата, Лев нередко оставлял его без денег. Это раздражало Александра. В течение последнего года своей михайловской ссылки он уже вовсе не писал Льву, а в дальнейшем написал лишь несколько деловых писем. В них не было уже прежней теплоты и былых дружеских настроений. Письма Льва к поэту не сохранились...

В 1827 году, когда Александр жил в Петербурге, Лев определился на военную службу. С 1836 по 1841 год служил на Кавказе под начальством генерала Н. Н. Раевского-сына.

Здесь он встретился со служившими в кавказской армии декабристами. В его лице они нашли доброго и остроумного собеседника.

Где бы ни появлялся Левушка Пушкин, как звали его друзья, там всегда образовывался веселый кружок.

Как и брат, Лев Пушкин обладал памятью необыкновенной, стихи Александра он читал наизусть, часто вписывал в альбомы друзей. Еще живя в Петербурге, он переписал по памяти набело для сдачи в печать всю поэму «Цыганы».

Человек веселый и легкомысленный, Лев Пушкин любил покутить и повеселиться. Поэт послал ему изданную в 1819 году книгу К. Бриль-Крамера «О запое и о лечении оного. В наставление каждому, с прибавлением подробного изъяснения для неврачей о способе лечения сей болезни» с надписью на внутренней стороне верхней крышки переплета: «Милостивому государю братцу Льву Сергеевичу Пушкину»...

Таков был младший брат поэта. Но он никогда не переставал любить Александра. Узнав о его гибели, Лев написал отцу: «Если бы у меня было сто жизней, я все бы их отдал, чтобы выкупить жизнь брата...»

«ВСЕ В ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ...»

В январе 1834 года Пушкин получил письмо. В таких конвертах поэт получал десять лет тому назад, осенью 1824 года письма из Одессы. Они всегда волновали его...

Пушкин посмотрел на подпись. Она была неразборчива. Но по почерку узнал, от кого эти строки. С каким нетерпением он, бывало, ожидал ее писем, когда, высланный

из Одессы, оказался в Михайловском. Судорожно сжимая их в руках, он уходил в свою комнату и запирался, чтобы никто не мешал ему беседовать с той, которая оставила большой и глубокий след в его сердце.

Потом одно за другим сжигал их:

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.

И вот письмо от нее. От «дальней подруги». Через десять лет после волнующих, страстных и сладостных одесских переживаний и михайловских писем...

Пушкин читает написанные знакомой рукою строки, и перед ним встает ее образ. Образ обаятельной «принцессы Бельветриль» — так поэт любил называть ее, когда, глядя на море, она повторяла вслед за ним строки из баллады Жуковского «Ахилл»:

Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?

Письмо от Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой...

Обращаясь к Пушкину с просьбою принять участие в благотворительном альманахе, Воронцова писала: «Право, не знаю, должна ли я писать Вам и будет ли мое письмо встречено приветливой улыбкой или же тем скучающим взглядом, каким с первых же слов начинают искать в конце страницы имя навязчивого автора... Могу ли я не напомнить Вам о наших прежних дружеских отношениях, воспоминание о которых Вы, может быть, еще сохранили... Будьте же добры не слишком досадовать на меня, и, если мне необходимо выступать в защиту своего дела, прошу Вас, в оправдание моей назойливости и возврата к прошлому, принять во внимание, что воспоминания — это богатство старости и что Ваша старинная знакомая придает большую цену этому богатству...»

«Воспоминания — это богатство старости»... Воронцовой было всего сорок два года, когда она писала это письмо. Пушкину — и того меньше. Мудрая мысль о богатстве воспоминаний старости в устах Воронцовой говорила скорее о кокетстве обаятельной и прекрасной женщины.

Пушкин снова перечитал письмо. Здесь же, рядом с собою, он ясно ощущал присутствие Воронцовой...

«Молода она была душою, молода и наружностью,— писал о Воронцовой приятель Пушкина по «Зеленой лампе» Ф. Ф. Вигель.— В ней не было того, что называют

красотою; но быстрый, нежный взгляд ее небольших глаз пронзал насквозь; улыбка ее уст, которой подобной я не видал, так и призывает поцелуя».

Встречаясь с Воронцовой уже в более поздние годы, писатель В. А. Соллогуб также восторженно отзывался о ней: «Елизавета Ксаверьевна была одной из привлекательнейших женщин своего времени. Все ее существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною грацией, такою приветливостью, таким неукоснительным щегольством, что легко себе объяснить, как такие люди, как Пушкин, Раевский и многие, многие другие, без памяти влюблялись в Воронцову...»

Пушкин, конечно, ничего не забыл...

«Осмелюсь ли, графиня,— писал он Воронцовой в ответном письме на французском языке,— сказать Вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив Ваше письмо, при одной мысли, что Вы не совсем забыли самого преданного из Ваших рабов?»

В апреле того же 1834 года, через три месяца после письма Воронцовой, Пушкин получил только что вышедшую тогда в Одессе книгу— «Путеводитель по Крыму» на французском языке. Книга снабжена была большим числом иллюстраций, среди которых — изображения Бахчисарайского дворца, большого двора с Фонтаном слез и монастыря близ Бахчисарая.

На странице 210 Пушкин прочитал: «В большом вестибюле находится знаменитый Фонтан слез, получивший известность благодаря превосходной поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан».

И дальше, в самом конце, имя Пушкина значилось в списке авторов, чьи произведения посвящены описанию Крыма.

Поэту приятно было получить эту книгу с надписью на французском языке: «Господину А. Пушкину с уважением от автора». Но неприятно поразило, что на титульном листе рядом с именем его, Пушкина, стояло имя М. С. Воронцова, которому автор, некий Монтандон, посвятил свою книгу.

Совсем иные воспоминания будило в душе Пушкина имя Воронцова, его начальника, новороссийского генерал-губернатора.

Воронцов был, бесспорно, умным и образованным человеком. В годы Отечественной войны 1812 года он проявил себя бесстрашным и талантливым полководцем.

Когда декабрист и писатель А. А. Бестужев (Марлинский) был направлен Николаем I из Якутска рядовым на Кавказ, Воронцов даже обратился к Николаю I за разрешением перевести его «на другое место, по части гражданской, чтоб он мог быть полезным отечеству и употребить свой досуг на занятие словесностью».

И не его вина была в том, что царь-жандарм отказал, ответив: «Мнение гр. Воронцова совершенно неосновательно: не Бестужеву с пользой заниматься словесностью... Бестужева не туда нужно послать, где он может быть полезен, а туда, где он может быть безвреден. Перевесть его можно, но в другой батальон...»

Но у Пушкина сложились с Воронцовым крайне неприязненные отношения. Начальник видел в нем не поэта, а мелкого служащего своей канцелярии в скромном чине коллежского секретаря. Пушкин, очевидно, не импонировал самодержавному новороссийскому генерал-губернатору. К тому же он осмелился еще увлечься его женой, блистательной графиней Воронцовой...

Холодный, надменный вельможа, сухой англоман, Воронцов относился к поэту пренебрежительно. Пушкин его презирал и заклеймил эпиграммой:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

И позже второй, которую закончил словами:

Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

Когда отношения с Воронцовым достигли крайнего напряжения, Пушкин подал прошение об отставке и написал своему другу А. Тургеневу: «...он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дождаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаю, думаю о себе что-то другое...»

Пушкин познакомился с Воронцовой 6 сентября 1823 года. Он только что переехал тогда из Кишинева в Одессу. В Кишиневе он начал и в Одессе заканчивал первую главу «Евгения Онегина». Воронцова произвела на поэта большое впечатление. На листах его рукописей часто появляются ее портреты.

Е. К. Воронцова. Рисунок А. С. Пушкина на рукописи «Евгения Онегина».

Пушкин принят в доме Воронцовых, присутствует на их больших обедах, балах и маскарадах. Но здесь он встречается с соперником. Это — А. Н. Раевский, сын известного героя 1812 года генерала Н. Н. Раевского, в семье которого поэт провел счастливейшие дни своей жизни во время путешествия по Крыму и Кавказу. Оба они оказались в то время на службе у Воронцова, и Раевский уже давно преследовал Воронцову своей страстью.

Злоязычный Ф. Ф. Вигель, наблюдая их отношения, сравнивал Пушкина с ревнивым Отелло, а Раевского — с коварным Яго...

Прикрывая свое собственное увлечение Воронцовой, Раевский искусно направлял на Пушкина ревнивые подозрения мужа. При помощи тонко задуманной интриги он добился полного разрыва между Пушкиным и Воронцовым и высылки поэта из Одессы в Михайловское.

Когда-то Александр Раевский произвел на молодого Пушкина большое впечатление своим язвительным остроумием, насмешливым скептицизмом и байронической разочарованностью. Позже с именем Раевского связывали написанное Пушкиным в Одессе стихотворение «Демон»...

Пушкин охвачен ревностью. Он видит, как много внимания Воронцова оказывает Раевскому, и пишет ей:

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее быть может позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

Охвачен ревностью и муж Воронцовой. Он начинает добиваться удаления от него поэта. «Что же касается Пушкина, то я говорю с ним не более четырех слов в две недели»,— сообщает он в Петербург генералу П. Д. Киселеву.

Министру иностранных дел Нессельроде Воронцов пишет: «Поклонники его поэзии... кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем, пока он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон)... Удалить его отсюда — значить оказать ему истинную услугу...»

Нессельроде не сразу отвечает, и Воронцов посылает ему одно письмо за другим, в которых настойчиво просит «избавить его от поэта Пушкина». Он пишет: «Это может

быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе...»

В Херсонской губернии появляется в то время саранча, и Воронцов отправляет Пушкина бороться с ней. Поэт вынужден расстаться с героями своего «Евгения Онегина» и ехать на встречу с саранчой. Его друг М. Ф. Орлов пишет по этому поводу своей жене в Киев шутливое письмо: «Пушкин был послан на саранчу. Он воевал с нею и после весьма трудной кампании вчера (28 мая) вернулся, отступив пред несметным неприятелем...»

Поэт взбешен. Он пишет злую эпиграмму «На Воронцова» и подает в отставку. Воронцов отставку принимает, и 8 июля 1824 года Александр I «высочайше повелевает» Пушкина «уволить вовсе от службы». «За дурное поведение»,— добавляет Нессельроде.

Четырнадцатого июля в Петербурге распространился слух, что Пушкин застрелился. Находящаяся в это время в Одессе В. Ф. Вяземская, жена близкого друга Пушкина, поэта Вяземского, опровергает этот слух...

Поэта высылают в Михайловское. Он собирается в путь. Получает от Вяземской 1260 рублей, которые остался ему должен ее муж, раскрывает окно своей комнаты, зовет извозчиков, которым задолжал за поездки, и расплачивается с ними. В течение трех дней веселится с моряками на стоящих в порту кораблях, 30 июля присутствует на представлении оперы Россини «Турок в Италии». Получает из канцелярии Воронцова 150 рублей жалованья, занимает у Вяземской 600 рублей и с своим дядькою Никитою Тимофеевичем Козловым едет из одесской ссылки в михайловское изгнание.

Воронцова дарит ему на память свой портрет в золотом медальоне и кольцо-«талисман» с сердоликовым восьмиугольным камнем и надписью на древнееврейском языке: «Симха, сын почтенного рабби Ианфа, да будет благословенна его память».

Какова была официальная причина настойчивых требований Воронцова удалить от него Пушкина?

Пущин писал в позднейших воспоминаниях: «Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего удаления в деревню; он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова из ревности; думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе,

эпиграммы на управление и неосторожные частые его разговоры о религии».

Совершенно естественно, что в сложившейся обстановке ревность могла явиться основной причиной резко враждебных отношений Воронцова и поэта.

И Пушкину, конечно, принадлежит первое слово в оценке причин высылки его из Одессы в деревню.

Но, чтобы не ставить себя в смешное положение, Воронцову требовался какой-то официальный повод для удаления от него Пушкина. Такой повод был найден: на почте перехвачено было письмо поэта, отправленное в апреле или мае 1824 года из Одессы кому-то из друзей, видимо, В. К. Кюхельбекеру. Пушкин писал в нем: «...читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, по предпочитаю Гете и Шекспира.— Ты хочешь знать, что я делаю,— пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur [1], мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная». Афей — англичанин, о котором писал Пушкин,— доктор В. Гутчинсон, домашний врач Воронцова.

Нессельроде сообщил Воронцову, что по дошедшим до императора сведениям о поведении и образе жизни Пушкина в Одессе его величество находит пребывание в этом шумном городе для молодого человека во многих отношениях вредным и считает необходимым направить его в Псковскую губернию под надзор местного начальства. Воронцов ответил, что совершенно согласен с высочайшим определением и вполне убежден, что Пушкину нужно больше уединения для собственной его пользы.

Такова была официальная причина удаления Пушкина из Одессы в деревню.

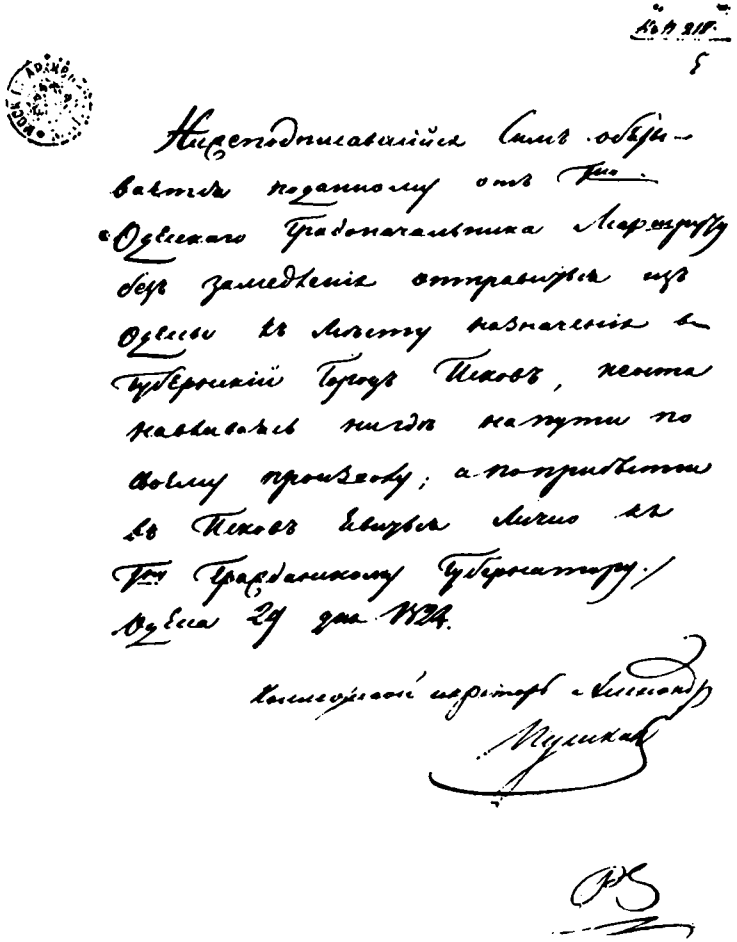
Вся эта история нашла отклик в письме, отправленном Пушкиным в мае — июне 1826 года из Михайловского в Петербург императору Николаю I:

«Всемилостивейший государь!

В 1824 году, имев несчастие заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афе-

---

[1] Что не может быть существа разумного, творца и правителя *(фр.)*.

Подорожная А. С. Пушкина из Одессы в Михайловское.

изма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства.

Ныне с надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Всемилостивейший государь,

Вашего императорского величества

верноподданный

Александр Пушкин».

На отдельном листе приложена была к этому письму подписка:

«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь никаким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

10-го класса *Александр Пушкин*

11 мая 1826».

На это письмо Пушкина Николай I ничего не ответил...

«9 августа приехал в Михайловское»,— отметил Пушкин день своего приезда. От времени до времени поэт получает от Воронцовой письма. Он сразу узнает их: они с такою же печатью, как и на подаренном ему ею парном кольце. На полях рукописи «Евгения Онегина» поэт рисует в минуты раздумья портрет Воронцовой...

Пушкин работает над третьей главой романа в стихах и продолжает после письма Татьяны к Онегину:

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке...

И внизу на рукописи помечает, что в тот день, 5 сентября, получил письмо от Воронцовой...

Пушкин не перестает думать о ней и пишет в стихотворении «Ненастный день потух»:

Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей
белоснежных.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Никто ее любви небесной недостоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь...
я спокоен;
Но если... . . . . .

Но если... Пушкин снова вспоминает Александра Раевского. Его охватывают и волнуют ревнивые подозрения, и к нему он обращает стихотворение «Коварность»:

Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье...
. . . . . .
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

Поэт берет подаренный ему Воронцовой золотой медальон, вглядывается в любимые черты:

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награда долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Никто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной,
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

А на руке — подаренное Воронцовой кольцо, к которому поэт обращает строки:

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан...

Пушкин много работает... Одна за другой ложатся на бумагу строфы третьей и четвертой глав «Евгения Онегина».

Грустно проходит день 19 октября, седьмой лицейской годовщины. Друзья пируют в этот день в Петербурге без него. Дельвиг сочинил, и все пропели хором его экспромт: «Семь лет пролетело...»

Конечно, и его, изгнанника, вспомнили друзья за заздравной чашей... И сам он в тот день был всей душой с ними...

Отношения отца с сыном между тем все ухудшаются. Отец напуган ссылкою сына в родовое Михайловское, ему предлагают шпионить за ним, следить за его перепиской.

Пушкин возмущен и обращается к псковскому губернатору Адеркасу с просьбой: «Решился для его (отца — *А. Г.*) спокойствия и своего собственного просить его императорское величество, да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей...»

Жуковскому Пушкин пишет: «Посуди о моем положении... спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем... Голова кругом идет...»

В середине ноября отец и мать уезжают из Михайловского. Уезжает брат Лев и увозит с собою приготовленную поэтом для печати первую главу «Евгения Онегина».

В этом тяжком душевном разладе с отцом, с самим собою рождается и зреет замысел «Бориса Годунова»... Из Петербурга приходит известие, что 8 декабря 1824 года в Большом театре состоялось первое представление волшебно-героического балета в пяти действиях «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника» с А. Е. Истоминой в роли Людмилы.

Чего бы не дал Пушкин, чтобы вырваться из своего михайловского заточения и вместо крепости и Соловецкого монастыря оказаться в Петербурге и, сидя в партере, снова встретиться с своей Людмилой — «блистательной полувоздушной» Истоминой!..

Мысли о Воронцовой по-прежнему не покидают его. Он пишет ей:

Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтобы ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

Одиннадцатого января 1825 года Пушкина навестил И. И. Пущин. Это была радостная улыбка жизни в его михайловской неволе. Друзья всю ночь беседовали. Пушкин читал отрывки из «Цыган» и стихи, расспрашивал о Петербурге, о друзьях. И тут поэт узнал от лицейского товарища о существовании тайного общества...

Пущин привез с собою список «Горя от ума» Грибоедова, и Пушкин читал его вслух. Но о приезде гостя уже осведомился следивший за поэтом игумен Святогорского монастыря Иона. Он как будто невзначай зашел к Пушкину, напился чаю с ромом и ушел.

Поужинали с шампанским и пяню угостили... Наутро Пущин уехал. Под впечатлением этого посещения Пушкин в то же утро набросал в первом варианте посвященное Пущину стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный...».

Пушкин остался один... И снова в мыслях Воронцова... В предельно кратком, потрясающем по силе послании Пушкин обращается к ней:

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

Снова осень и вьюжный зимний вечер. Пушкин тягостно одинок. Самое близкое ему существо в Михайловском — старая няня. Он подходит к окну. На улице непроглядная темень. Воет ветер. «Буря мглою небо кроет...»

Стремясь заглушить свою неизбывную душевную боль, свои мучительные страдания, стремясь забыться, Пушкин обращается к няне, Арине Родионовне:

Выпьем, добрая подружка,
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

И, как в далекие детские годы, просит няню:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Проходит два года. Образ Воронцовой не перестает волновать воображение поэта, и, глядя на кольцо-«талисман», Пушкин вспоминает:

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

Наконец, в 1830 году, накануне женитьбы, Пушкин уже навсегда прощается с Воронцовой:

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

Полученное Пушкиным в 1834 году письмо Воронцовой всколыхнуло в душе поэта далекие воспоминания о пережитом в годы южной ссылки.

Через три года Пушкина не стало. Ему было всего тридцать семь лет, когда он скончался. Настоящая старость Воронцовой наступила много позже: она умерла в 1880 году, пережив на сорок три года своего поэта...

ДЖОРДЖ БАЙРОН

Имя Байрона было одним из самых значительных для Пушкина. В годы южной ссылки он от Байрона «с ума сходил», называл его гением, а произведения его бессмертными.

Получая новые непереплетенные книги, Пушкин обычно не полностью разрезал их, а выбирал для ознакомления лишь отдельные, интересовавшие его главы и страницы. Но тома Байрона разрезаны им от начала до конца. В опубликованных Томасом Муром в 1830 году мемуарах Байрона им отмечены на полях отдельные фразы и целые абзацы.

В библиотеке Пушкина было пятитомное Собрание сочинений Байрона и несколько томов мемуаров и переписка английского поэта.

Отпрыск одной из самых старинных аристократических фамилий Англии лорд Джордж Байрон явился родоначальником литературного течения, известного под именем байронизма. Происхождению и жизни Байрона Пушкин посвятил очерк, в котором между прочим писал: «Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему и мелочные оскорбления, часто унижавшие...»

Этот очерк Пушкин закончил словами: «В самую минуту его рождения нога его была повреждена — и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис Байрон выбра-

нила его *хромым мальчишкою*. Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, опасаясь их насмешливого взгляда».

Имя Байрона часто упоминается в переписке Пушкина с друзьями. И когда начали выходить из печати отдельные главы «Евгения Онегина», современники сравнивали его с «Чайльд-Гарольдом» и «Дон Жуаном» Байрона.

В мае 1825 года К. Ф. Рылеев писал Пушкину в Михайловское: «Слышал от Дельвига и о следующих песнях «Онегина», но по изустным рассказам судить не могу. Как велик Байрон в следующих песнях «Дон Жуана»! Сколько поразительных идей, какие чувства, какие краски! Тут Байрон вознесся до невероятной степени... Пушкин, ты приобрел уже в России пальму первенства... тебя ждет завидное поприще: ты можешь быть нашим Байроном, но, ради бога, ради Христа, ради твоего любезного Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарование, твоя пылкая душа могут вознести тебя до Байрона, оставив Пушкиным. Если б ты знал, как я люблю, как я ценю твое дарование. Прощай, чудотворец. *Рылеев*».

Сам Пушкин высоко ценил «Дон Жуана». «Что за чудо «Дон Жуан»! — пишет он в ноябре того же 1825 года П. А. Вяземскому,— я знаю только пять первых песен; прочитав первые две, я сказал... что это Chef d'oeuvre Байрона».

Но поэт решительно не согласен с своим другом А. А. Бестужевым (Марлинским), который сравнивает «Евгения Онегина» с «Дон Жуаном». «...ты смотришь,— пишет он ему,— на «Онегина» не с той точки, все-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с «Дон Жуаном».— Никто более меня не уважает «Дон Жуана»... но в нем ничего нет общего с «Онегиным». Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня такой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира? о ней и помину нет в «Евгении Онегине»... если уж и сравнивать «Онегина» с «Дон Жуаном», то разве в одном отношении: кто милее и прелестнее (gracieuse), Татьяна или Юлия?»

Считая «Дон Жуана» «чудом», Пушкин, однако, критикует трагедии и драмы Байрона. Сравнивая Байрона и Шекспира, он пишет своему другу Н. Н. Раевскому-сыну письмо на французском языке: «Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! Байрон, который создал всего-навсего один характер... этот самый Байрон распределил между своими героями отдельные черты собственного характера;

одному он придал свою гордость, другому свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д., и таким путем из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных — это вовсе не трагедия».

Пушкин находился в Одессе, когда, приняв участие в борьбе за освобождение Греции, 36-летний Байрон погиб в Мисолонгах. Узнав об этом, Пушкин коротко записал: «1824 19/7 avr. mort de Byron» [1].

Друзья были уверены, что Пушкин отзовется на смерть замечательного английского поэта. «...Смерть его, в виду всей возрождающейся Греции, конечно, завидная и поэтическая. Пушкин, верно, схватит момент сей и воспользуется случаем»,— писал по этому поводу Вяземскому А. Тургенев.

И Вяземский дважды напоминал Пушкину, что ждет «его надгробной песни Байрону». Но Пушкин в это время уже переоценивал творчество Байрона. Он ответил Вяземскому: «Гений Байрона бледнел с его молодостию. В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уж не тот пламенный демон, который создал «Гяура» и «Чильд-Гарольда». Первые две песни «Дон Жуана» выше следующих. Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились — после 4-ой песни Child-Harold Байрона мы не слыхали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом».

Покидая вскоре после этого Одессу, Пушкин, однако, вспомнил в стихотворении «К морю» «одну скалу», где угасал Наполеон, и посвятил в нем Байрону строки:

И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, волнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел...

---

[1] 1824 19/7 апреля умер Байрон *(фр.)*.

В годовщину смерти Байрона, 7 апреля 1825 года, находясь в михайловской ссылке, Пушкин заказывает священнику села Вороничи Лариону Раевскому, по прозвищу «Шкода», обедню «за упокой раба божия боярина Георгия».

На фасаде Вороничской церкви позже была прикреплена мемориальная доска в память об отслуженной в ней по Байрону обедне...

В декабре 1825 года Пушкин получил от Анны Керн неожиданный подарок — последнее издание Байрона на английском языке.

У Пушкина еще свежи были в памяти чудесные июльские дни 1825 года, когда Анна Керн гостила у Вульфов в Тригорском. Еще «снились милые черты», еще звучал «голос нежный»...

«Русский Байрон», как называли Пушкина друзья, ответил Анне Керн 8 декабря 1825 года письмом, в котором благодарил за присылку в деревню Байрона и писал: «Байрон получил в моих глазах новую прелесть — все его героини примут в моем воображении черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в образах и Гюльнары и Леилы — идеал самого Байрона не мог быть божественнее...»

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Среди книг пушкинской библиотеки находится том произведений французского поэта Андрея Шенье, творчество которого привлекало к себе внимание Пушкина. Книга переплетена в красный сафьянный переплет с золотым тиснением, бордюром и золотым обрезом, в ней свыше четырехсот страниц. Издана она была в 1819 году.

На чистом листе после переплетной крышки рукою Пушкина написаны «неизданные стихи Андрея Шенье», на французском языке. 17 сентября 1827 года поэт перевел их на русский язык:

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.

На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокий,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Во Франции стихи эти были впервые опубликованы в одном из парижских журналов лишь в январе 1828 года.

Андрей Шенье, сочувствовавший французской буржуазной революции, навлек на себя подозрения революционного правительства, был арестован и накануне падения диктатуры Робеспьера казнен. Ему было 32 года.

Пушкина интересовала судьба французского поэта. В 1825 году в Михайловском он написал большое стихотворение «Андрей Шенье». В нем содержался намек на его собственное положение, и эпиграфом к стихотворению поэт поставил строки:

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...[1]

Стихотворение это Пушкин посвятил своему другу Н. Н. Раевскому, брату М. Н. Волконской, привлекавшемуся впоследствии по делу о восстании 14 декабря, но счастливо вырвавшемуся из цепких рук Николая I...

В стихотворении «Андрей Шенье» Пушкин дал яркую картину мыслей и настроений идущего на казнь поэта. Гневные слова, брошенные Шенье в адрес Робеспьера и Конвента, Александр I мог легко принять на свой счет, и Пушкину пришлось давать агентам Бенкендорфа и комиссии военного суда объяснения по поводу написанного им стихотворения.

Пушкин пишет:

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.

«О чем поет? Поет она свободу»... И Пушкин устами французского поэта с негодованием восклицает:

«Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню...
. . . . . .
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
. . . . . .

[1] Но хоть и был я печальным пленником, все же моя лира пробуждалась... *(фр.)*.

Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

«Так пел восторженный поэт...» — этими словами Пушкин заключил последнюю перед казнью песнь Андрея Шенье.

Изъяв из стихотворения строки о революционных событиях, цензура разрешила его к печати, но не разрешенные цензурой стихи получили широкое распространение в рукописных списках, а некий А. Ф. Леопольдов, враждебно относившийся к Пушкину, поставил над этими стихами заголовок: «На 14 декабря» и сам же донес на поэта, обратившись с письмом к Бенкендорфу. Этот заголовок вызвал гнев Николая I.

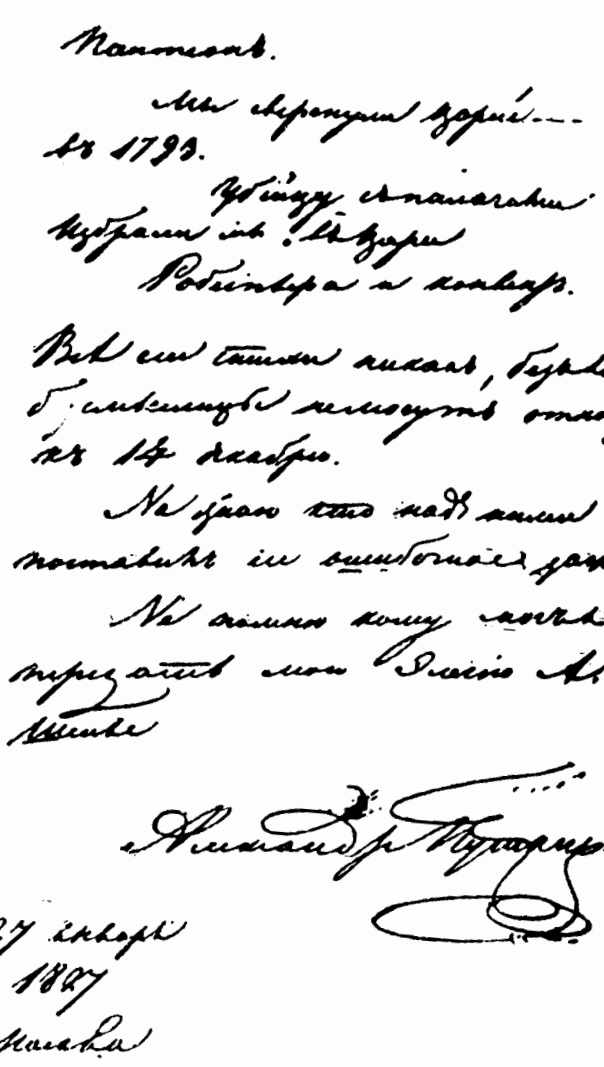
Были произведены обыски. Стихи оказались у многих лиц, которые и понесли строгое наказание. Штабс-капитана конно-егерского полка Алексеева приговорили к смертной казни, но затем помиловали и перевели в армию... Леопольдов, посаженный по этому же делу в тюрьму, был вскоре освобожден.

По вызову московского, а затем петербургского обер-полицеймейстера Пушкин вынужден был три раза: 27 января, 29 июня и 24 ноября 1827 года — давать комиссии суда объяснения по поводу «Андрея Шенье».

Поэт не отрицал, что стихотворение действительно написано им. Он заявил, что слова: «Убийцу с палачами избрали мы в цари» — относятся к Робеспьеру и Конвенту; слова — «разметал позорную твердыню» — разумеют взятие Бастилии и т. д.

Пушкин особенно подчеркнул, что стихотворение «Андрей Шенье» никак не может быть связано с событиями 14 декабря 1825 года, так как написано оно было гораздо раньше, а цензура разрешила его к печати за два месяца до восстания, 8 октября 1825 года.

«Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря. Не знаю, кто под ними поставил сие ошибочное заглавие,— писал Пушкин...— Что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтожен-

Показания А. С. Пушкина по делу о запрещенном отрывке из стихотворения «Андрей Шенье». Автограф.

ным тремя выстрелами картечи и взятием под стражу всех заговорщиков?»

Несмотря на полную ясность вопроса, объяснения Пушкина не были признаны удовлетворительными, и было вынесено решение: «По неприличному выражению его в ответах насчет происшествия 14 декабря и по духу самого сочинения...— иметь за ним и на месте его жительства секретный надзор».

Это решение комиссии военного суда утверждено было Николаем I 28 июля 1828 года.

Агенты Бенкендорфа на протяжении ряда лет после этого следили за каждым шагом поэта...

Свое стихотворение Пушкин снабдил рядом примечаний. Одно из них — цитата из находившейся на полках его библиотеки книги Латуша, биографа Андрея Шенье: «На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга [1]. В свои последние мгновения они говорили о поэзии: после дружбы она была для них самая прекрасная вещь на земле. Предметом их разговора и последнего их восхищения был Расин. Им хотелось декламировать его стихи. Они выбрали первую сцену «Андромахи».

И закончил Пушкин еще одним примечанием:

«На месте казни он ударил себя в голову и сказал: «Pourtant j'avais quelque chose là» [2].

Эти слова Андрея Шенье Пушкин повторил в отношении самого себя в письме к Вяземскому из Михайловского: «Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: «Il y avait quelque chose là» [3],— извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру...»

Получив известие о смерти Александра I, Пушкин написал в начале декабря 1825 года Плетневу: «Душа! я пророк, ей-богу, пророк! Я «Андрея Шенье» велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc.».

ПЕРО ГЕТЕ

В одной из своих критических статей о переводах иностранных авторов на русский язык Пушкин обращает внимание на то, что в России пользуются особой любовью:

[1] Далее у Пушкина идет французский текст; мы даем его перевод.

[2] Все же у меня здесь кое-что было *(фр.)*.

[3] Здесь кое-что было *(фр.)*.

Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Томас Мур, Мицкевич. В другой своей статье он называет Гете бессмертным.

Пушкин не сразу пришел к признанию Гете. Имя великого немецкого поэта он впервые упоминает в своих письмах лишь в сентябре 1822 года. Многочисленные пометки Пушкина на сочинениях Гете показывают, какое внимание уделял он его творчеству. И дважды он поставил к своим стихотворениям эпиграфы из Гете.

Вспоминая, очевидно, свое незабываемое путешествие с Раевским по полуденному берегу Крыма, Пушкин писал в стихотворении «Таврида»:

Ты вновь со мною, наслажденье;
В душе утихло мрачных дум
Однообразное волненье!

К этому небольшому стихотворению 23-летний Пушкин поставил эпиграфом строку из «Фауста»: «Gieb meine Jugend mir zurück» [1].

Через шесть лет, в 1828 году, Пушкин создает стихотворение «Кто знает край, где небо блещет». Он пишет о том крае,

Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал...

И к этому стихотворению Пушкин поставил эпиграфом строку из гетевского «Вильгельма Мейстера»: «Kennst du das Land?..» [2].

Великий немецкий поэт никогда не переставал владеть мыслями великого русского поэта. Сравнивая творчество Гете и Байрона, Пушкин писал: «Гете имел большое влияние на Байрона. «Фауст» тревожил воображение творца «Чайльд-Гарольда». Два раза Байрон пытался бороться с великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков».

Высшей смелостью Пушкин считал создание «Фауста». «Фауст»,— писал он,— есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии,

---

[1] Возврати мне мою юность *(нем.)*.
[2] Ты знаешь край?.. *(нем.)*.

точно как «Илиада» служит памятником классической древности».

Пушкин принял живое участие в работе Э. И. Губера над переводом «Фауста». Когда переводчик, взбешенный цензурными придирками и запрещениями, разорвал свою рукопись, Пушкин заставил его вторично приняться за работу. «При его советах, под его надзором,— писал Губер,— труд мой быстро подвигался вперед... Многие места перевода поправлены Пушкиным».

В минуты раздумья Пушкин рисует на своей рукописи портрет Гете, а читая изданную в Париже на французском языке книгу Мармье «Очерки о Гете», делает резкую отметку ногтем против строк о поэзии Востока и наиболее значительных еврейских, персидских и арабских поэтах.

Наконец, шутливо описывая путешествие своего дяди, поэта Василия Львовича, в Париж и Лондон, Пушкин замечает: «Благоговею пред созданием «Фауста»...»

Используя гетевские образы Фауста и Мефистофеля, Пушкин создает в 1825 году «Сцену из Фауста», в которой олицетворяет «дух отрицания или сомнения» и показывает «печальное влияние оного на нравственность нашего века».

Мефистофель задает Фаусту вопрос:

Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Фауст отвечает:

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знанье жизни нет,—
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон...

Не мог ли Пушкин к себе самому обратить в ту пору мысли о том, что «мирская честь бессмысленна, как сон»? И не его ли собственная эта горестная просьба: «Перестань, не растравляй мне язвы тайной»?..

Один из пламенных поклонников великого немецкого поэта, Д. В. Веневитинов, обращается к Пушкину с посланием, в котором говорит, что рядом с воспетыми им Байроном и Шенье должно быть поставлено и имя Гете. И предсказывает Пушкину:

К хвалам оплаканных могил
Прибавь веселые хваленья,
Их ждет еще один певец:
Он наш,— жилец того же света.
Давно блестит его венец;
Но славы громкого привета
Звучней, отрадней глас поэта.
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.
Досель хладеющие длани
По струнам бегают порой,
И перерывчатые звуки,
Как после горестной разлуки
Старинной дружбы милый глас,
К знакомым думам клонят нас.
Досель в нем сердце не остыло,
И верь, он с радостью живой
В приюте старости унылой
Еще услышит голос твой,
И, может быть, тобой плененный,
Последним жаром вдохновенный.
Ответно лебедь запоет
И, к небу с песнию прощанья
Стремя торжественный полет,
В восторге дивного мечтанья
Тебя, о Пушкин, назовет.

Веневитинов не ошибся. Видимо, со «Сценой из Фауста» связано предание о том, что 76-летний Гете прислал 26-летнему Пушкину подарок, о котором биограф Пушкина П. В. Анненков писал в 1855 году: «...Гете послал Пушкину поклон через одного русского путешественника и препроводил с ним в подарок собственное свое перо, которое, как мы слышали, многие видели в кабинете Пушкина в богатом футляре, имевшем надпись: «Подарок Гете».

Перо это, если оно действительно было прислано великим немецким поэтом Пушкину, не сохранилось...

Читателю интересно будет узнать, что с Гете встречался в 1820 году в Веймаре Кюхельбекер, и немецкий поэт подарил ему тогда книгу с своим автографом.

«В КРОВИ ГОРИТ ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ...»

Перед Пушкиным Библия на церковнославянском языке. Он читает первые стихи «Песни Песней» царя Соломона: «Да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко блага сосца твоя паче вина. И воня мура твоего паче всех аро-

мат. Муро излиянное имя твое: сего ради откровицы возлюбиша тя».

И переводит эти строки на русский язык: «Да лобзает меня лобзанием уст своих. Перси твои приятнее вина и запах мира твоего лучше всех аромат — имя твое сладостно как излианное миро, для того юная возлюбил я тебя».

Этот прозаический отрывок поэт переводит на язык поэзии:

Лобзай меня, твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Тобой кипят любви желанья,
Душа тобой упоена...

Это первый черновой набросок будущего стихотворения. В третьей строке — «Тобой кипят любви желанья» — Пушкин зачеркивает слова: «тобой» и «любви», пишет сверху: «во мне», снова зачеркивает эти слова и через некоторое время уже другими чернилами еще раз пишет сверху: «в крови горит огонь».

Перевод и первая редакция стихов были написаны Пушкиным в 1822 году. В 1825 году эти черновые строки вылились в стихотворение:

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двигнется ночная тень.

Пушкин не раз пользовался библейскими мотивами для своих произведений. Живя в Михайловском, он настойчиво просил брата Льва прислать ему Библию. И библейская проза у него чудесным образом превращалась в поэтические строки.

ВДОХНОВЕННЫЙ СЛЕПЕЦ

В начале мая 1825 года Пушкин получил небольшую книжку в шестьдесят четыре страницы. На листе, предшествующем титулу, было напечатано большими буквами лишь одно слово: «Чернец». Под ним — карандашом, неровными буквами — три строки, так пишут слепые: «Милому Александру Сергеевичу Пушкину от автора».

И поэма «Чернец», и напечатанное после нее большое стихотворение «К другу В. А. Ж.» (Жуковскому.— *А. Г.*) пронизаны были глубокой скорбью пораженного слепотой поэта и радостным ощущением того, что в поэзии он нашел могучее средство борьбы со своим недугом, «источник силы, ободренья, животворительных утех и сладкого самозабвенья».

Поэт писал Жуковскому:

Когда же я в себе само́м,
Как в бездне мрачной, погружаюсь,—
Каким волшебным я щитом
От черных дум обороняюсь!
Я слышу дивный арфы звон,
Любимцев муз внимаю пенье,
Огнем небесным оживлен;
Мне льется в душу вдохновенье,
И сердце бьется, дух кипит,
И новый мир мне предстоит;
Я в нем живу, я в нем мечтаю,
Почти блаженство в нем встречаю...

Автором поэмы и этих строк был Иван Иванович Козлов. Ему было сорок два года, когда в журнале «Сын отечества» появилось его первое стихотворение «К Светлане».

Страшный недуг, слепота и паралич ног, приковали его в 1819 году к постели.

Через несколько лет Козлов был признан первоклассным поэтом. Поэты-современники ставили его в один ряд с Пушкиным и Байроном.

«Я восхищаюсь «Чернецом»,— писал Вяземский А. Тургеневу,— в нем красоты глубокие, и скажу тебе на ухо — более чувства, более размышления, чем в поэмах Пушкина».

«Это превосходное произведение, на мой взгляд,— писал о «Чернеце» его автору Е. А. Баратынский.— Все положения исполнены силы, стиль живой, блещущий красками... Места, где Вы подражаете Байрону... великолепно звучат по-русски. Но в чем бы сам Байрон захотел Вам подражать — так это конец Вашей поэмы. Он особенно поражает воображение. Он пронизан каким-то особенным национальным романтизмом, и я думаю, что Вы — первый, кто так хорошо это схватил. Идите этой дорогой, мой милый поэт, и Вы сделаете чудеса...»

«Отечественные записки» писали о «Чернеце»: «При чтении... кажется по временам, будто бы отзываются звуки лиры Пушкина, но задумчивая мечтательность и глу-

бокое сердечное чувство, которое не столь постоянно у Пушкина, обнаруживают более сродство с поэзиею Жуковского».

Сам Козлов был очень скромен. Уже будучи признанным поэтом, он писал Пушкину: «Когда я собираюсь писать стихи, то читаю моего Байрона, Жуковского и Вас, и с грехом пополам воображение начинает работать, и я принимаюсь петь».

Склонность к поэзии проявилась у Козлова уже в юношеские годы. Позже он сблизился с братом Пушкина, Львом, с поэтами Жуковским, Вяземским, Дельвигом, Плетневым, братьями А. и Н. Тургеневыми. Еще до постигшего его несчастья он блестяще перевел «Абидосскую невесту» Байрона, явившись одним из первых в России переводчиков английского поэта.

В 1824 году Козлов посвящает Пушкину большое стихотворение «Байрон». Он предпосылает ему эпиграф: «But I have lived and have not lived in vain» [1] и создает в нем романтический портрет великого английского поэта, покинувшего враждебное ему общество, вставшего на защиту порабощенной Греции и героически погибшего в этой борьбе «за дивную свободу»:

О край песнопенья и доблестных дел,
Мужей несравненных заветный предел —
Эллада! Он в час твой кровавый
Сливает свой жребий с твоею судьбой!
Сияющий гений горит над тобой —
Звездой возрожденья и славы.

Поэма «Чернец» открывается волнующим посланием поэта к жене и двум детям:

Как мой Чернец, все страсти молодые
В груди моей давно я схоронил;
И я, как он, все радости земные
Небесною надеждой заменил.
Не зреть мне дня с зарями золотыми,
Ни роз весны, ни сердцу милых лиц!
И в цвете лет уж я между живыми
Тень хладная бесчувственных гробниц.
Но я стремлю, встревожен тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечных дум моих
На двух детей, взлелеянных тобою,
И на тебя, почти милей мне их.
Я в вас живу,— и сладко мне мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Так в темну почь цветок, краса полей,
Свой запах льет, незримый для очей.

[1] Но что ж? я жил, и жил недаром *(англ.)*.

Получив «Черпеца», Пушкин сразу написал брату Льву: «Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть... Видение, конец прекрасны. Послание, может быть, лучше поэмы — по крайней мере ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами, если успею, пошлю их с этим письмом».

И Пушкин ответил:

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,—
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел,
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды —
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Козлов сердечно поблагодарил Пушкина за эти тронувшие его строки большим письмом. Письмо писала, вероятно, под его диктовку жена, а в конце письма он сам сделал небольшую приписку, неровными строками, на французском языке: «Целую Вас от всего моего сердца, я весь Ваш навсегда. *Иван Козлов*».

Позже слепой поэт посвятил Пушкину еще стихотворение «К морю» — вольный перевод нескольких строф четвертой песни поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда».

После декабрьских событий 1825 года Козлов создал поэму «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», в основу сюжета которой был положен эпизод из эпохи императора Петра II. Его фаворит князь Иван Долгорукий был арестован, сослан и затем казнен. Жена князя, Наталья

Долгорукая, последовала за мужем и вместе с ним переносила тяготы жестокой опалы.

Своей поэме Козлов предпослал эпиграф из Данте:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria [1].

Большой Владимирской дорогой,
В одежде сельской и убогой,
С грудным младенцем на руках,
Шла тихо путница младая...

По той же Владимирке, что и Долгорукая, отправлялись на каторгу жены декабристов.

И когда в 1828 году появилась в многочисленных списках поэма Козлова о героическом подвиге юной Натальи Борисовны Долгорукой, она произвела на всех особенно большое впечатление.

И снова вставал в памяти кровавый день 14 декабря 1825 года...

В 1827 году появилось замечательное стихотворение Козлова «Вечерний звон» из Томаса Мура:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

Козлов не ошибся, когда думал, что его «напев унывный» в долине ветер разнесет, и другой певец будет петь в раздумье вечерний звон...

[1] О, нет мученья боле, как вспоминать дни счастья в тяжкой доле *(ит.)*.

Прошло полтора столетия, и уже третье поколение поет и слушает «Вечерний звон» Козлова, положенный на музыку А. Т. Гречаниновым и С. Монюшко. Но не все, быть может, знают или забывают, что написал его погруженный во мрак вдохновенный певец...

«Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...»

В семидесятых годах прошлого века в Ковно, в доме известного театрального деятеля В. Д. Рокотова, отца писательницы М. Д. Алтаевой-Ямщиковой, в субботний вечер собрались гости: талантливый иллюстратор произведений Гоголя художник А. А. Агин и известный тенор того времени Ф. П. Комиссаржевский, отец знаменитой драматической актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской.

Среди гостей находилась старая дама в кружевной наколке, нетерпеливая, с деспотическими замашками, несколько жеманная.

Разговор зашел о литературе. У старой дамы вырвался вздох и реплика:

— Странная, однако, пошла теперь литература! Она должна развлекать, а тут какое-то неприятное ковырянье... Лучше бы почитать Марлинского или Дюма...

Комиссаржевский поет под аккомпанемент хозяйки, Агин делает в альбоме зарисовки.

Старая дама обращается к певцу с просьбою:

— Милый Федор Петрович, спойте романс, посвященный мне.

— Это какой же, уважаемая Анна Петровна? — спрашивает Комиссаржевский, делая вид, что не понимает, о чем идет речь.

— «Я помню чудное мгновенье...» Вы его так чудесно поете...

Комиссаржевский начал петь романс, который некоторые из присутствовавших могли в свое время слышать из уст самого Глинки.

У старушки по морщинистым щекам потекли слезы. Одна из артисток подбежала к ней, обняла и порывисто поцеловала.

Старушка эта была Анна Петровна Керн, вдохновившая Пушкина на одно из прекраснейших его творений. Та, кого Пушкин обессмертил так же, «как Петрарка обессмертил Лауру, а Данте — Беатриче».

Керн было тогда уже около семидесяти лет. Время стерло с ее лица «милые черты».

Воспоминания о далеком прошлом взволновали ее. Она вся преобразилась: щеки вспыхнули необычным для ее лет румянцем, и даже потухшие, безжизненные глаза заблестели. Сквозь катившиеся по щекам слезы она восторженно улыбалась.

Анна Керн дожила до глубокой старости. На сорок два года пережила она Пушкина, до конца дней носила в сумочке поэтический подарок и письма поэта к ней и любила читать их вслух друзьям и знакомым. Они хранятся сегодня в Пушкинском доме.

Двадцатилетний Пушкин впервые встретился с 19-летней Анной Керн, женою 52-летнего генерала Е. Ф. Керн, в Петербурге, в доме президента Академии художеств А. Н. Оленина. Она произвела на юного поэта большое впечатление. Сидя за ужином невдалеке от нее, он старался обратить на себя ее внимание:

— Позволительно ли быть до того прелестною? — спрашивал он своего соседа за столом.

Когда Керн садилась в экипаж, Пушкин вышел на крыльцо и долго провожал ее глазами...

Через шесть лет после этого, в июне 1825 года, Анна Керн неожиданно приехала в Тригорское навестить свою двоюродную сестру А. Н. Вульф, дочь владелицы Тригорского П. А. Осиповой. Пушкин отбывал тогда свою михайловскую ссылку.

«Мы сидели за обедом и смеялись,— вспоминала позже Анна Керн,— вдруг вошел Пушкин с большой толстой палкой в руках... Он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость была видна в его движениях... Мы не скоро ознакомились и заговорили...

Однажды... он явился в Тригорское со своею большою черною книгою, на полях которой были начертаны ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаивала от наслаждения...»

Пушкин закончил чтение «Цыган», и Анна Керн запела для него «Венецианскую ночь» И. И. Козлова, три

строфы которой М. И. Глинка переложил на музыку в певучих итальянских ритмах.

«Венецианская ночь» напоена была надеждами, радостью бытия, стремлением к счастью. Поэт посвятил ее П. А. Плетневу. В. Г. Белинский писал об этом стихотворении: «Какая роскошная фантазия! Какие гармонические стихи! Что за чудный колорит — полупрозрачный, фантастический! И как прекрасно сливается эта... часть стихотворения с другою — унылою и грустною, и какое поэтическое целое составляют они обе!»

Анна Керн пела:

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистой
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шепот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав —

Все вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенний пир;
По водам скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком.

Было трогательно, что эти светлые жизнерадостные стихи создал погруженный в безысходный мрак поэт, «слепой, как певец Улисса, давший образцы прекрасной и тонкой поэзии», и Пушкин тотчас же написал П. А. Плетневу: «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его «Венецианскую ночь» на голос гондольерского речитатива — я обещал известить милого вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее, но пусть вообразит себе красоту и задушевность, по крайней мере, дай бог ему ее слышать!..»

На письме была сделана приписка, по-итальянски, что письмо написано в присутствии Керн...

Через несколько дней П. А. Осипова предложила совершить после ужина прогулку в Михайловское. Погода была чудесная. Лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. «Мчалась младость на любви весенний пир...» Ни прежде, ни после Анна Керн не видала поэта таким добродушным, веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов, хвалил луну, не называл ее глупою, и говорил: «Люблю луну, когда она освещает красивое лицо».

П. А. Осипова, приехав в Михайловское, предложила показать гостье сад.

«Он быстро подал мне руку,— рассказывала позже Анна Керн,— и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться... Он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: «У вас был такой девический облик; не правда ли, что вас что-то угнетало... как какой-нибудь крест...»

Пушкин, видимо, имел тогда в виду неудачное замужество Керн...

Неожиданная, после шестилетнего перерыва, встреча с Анной Керн произвела на Пушкина огромное впечатление. В душе поэта «настало пробужденье» — пробуждение от всех тяжелых переживаний, перенесенных «в глуши, во мраке заточенья» — в многолетнем изгнании.

Глубокой ночью Пушкин сидел за своим столом. Рядом с листком бумаги лежал камешек, о который Анна Керн споткнулась во время прогулки — Пушкин поднял его,— и сорванный ею с куртины цветок гелиотропа, который он выпросил у нее. Горела свеча. В раскрытое окно влетали ночные бабочки и, опаленные пламенем, замертво падали на листок. А рядом с ними ложились пушкинские строки:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье.
И вот опят явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

К***

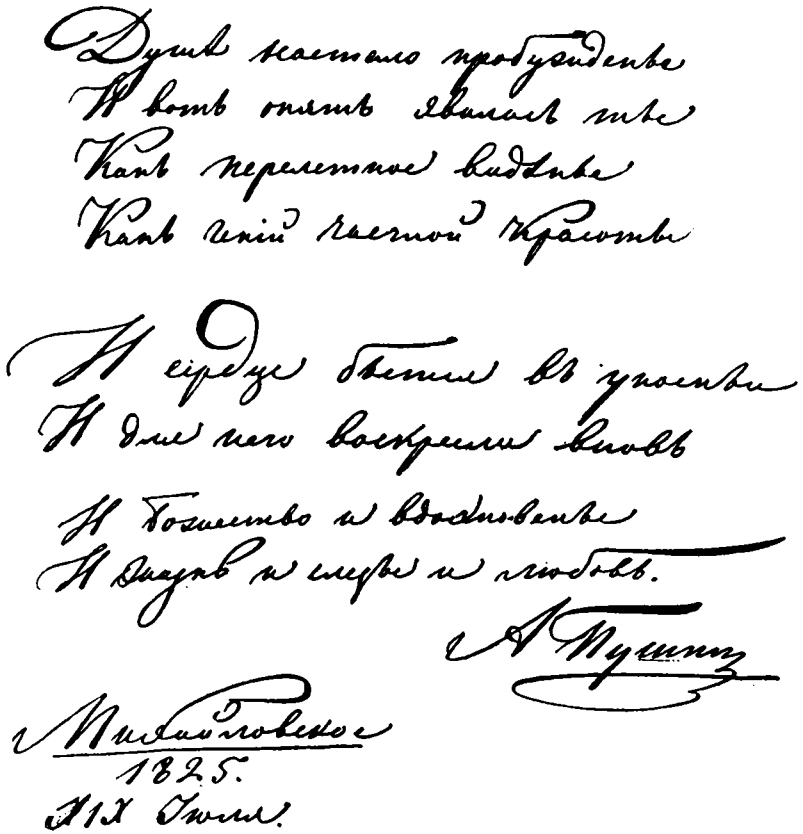
Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты

В томленьи грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго нежный голос твой
И снились мне твои черты.

И шли годы, бурь порыв мятежный
Разлетел прежние мечты
И я забыл твой голос нежный
Твои небесные черты.

В глуши во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья
Без слез, без жизни, без любви

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

«Я помню чудное мгновенье...». Автограф.

Утром Анна Керн уезжала. Пушкин подарил ей экземпляр 2-й главы «Евгения Онегина». Между неразрезанными страницами лежал листок с написанным ночью стихотворением...

Анна Керн собиралась уже спрятать драгоценный поэтический подарок. Пушкин долго смотрел на нее, потом неожиданно выхватил стихи и не хотел возвращать. «Насилу выпросила я их опять,— вспоминала Анна Керн.— Что у него промелькнуло тогда в голове,— не знаю...»

Анна Керн пробыла в Тригорском около месяца и 19 июля уехала вместе с А. Н. Вульф в Ригу. Уже через два дня Пушкин писал А. Н. Вульф: «Все Тригорское поет: «Не мила ей прелесть... ночи», и у меня от этого сердце ноет... Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь; камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе подле ветки увядшего гелиотропа...»

И дальше: «Скажите ей, что если в сердце ее нет скрытой нежности ко мне, таинственного и меланхолического влечения, то я презираю ее,— слышите? — да, презираю, несмотря на все удивление, которое должно вызвать в ней столь неприятное для нее чувство... *Проклятый приезд, проклятый отъезд!..*»

Бродя по аллеям Михайловского парка — одна из них и сегодня носит имя Анны Керн — Пушкин мучительно переживал охватившие его настроения. Он написал Анне Керн семь писем, семь восторженных посланий на французском языке, пестрых по настроению, полных противоречивых чувств, искрящихся страстью и ревностью и одновременно насыщенных преклонением перед поразившей его красотой... Он называл ее «чудотворной», «чудотворицей»...

«Сейчас ночь,— писал ей Пушкин,— и ваш образ встает предо мной, такой печальный, сладострастный; мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста... Мне чудится, что я у ног ваших, сжимаю их, ощущаю ваши колени,— и я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности... Прощайте и верьте моему бреду: он смешон, но искренен».

На одном из писем А. Н. Вульф к Анне Керн Пушкин приписал сбоку из Байрона: «Видение пронеслось мимо нас, мы видели его и никогда опять не увидим...»

«Шли годы. Бурь порыв мятежный рассеял прежние мечты...» Вернувшись из ссылки, Пушкин встречался с Анной Керн в доме родителей и у А. А. Дельвига.

Он даже сблизился с ней, но это был уже слабый отзвук былого увлечения. Пути их разошлись...

В 1841 году муж Керн скончался. Через полтора года, когда ей было уже сорок два года, она вышла замуж за своего троюродного брата А. П. Маркова-Виноградского, который только что окончил тогда кадетский корпус и был на двадцать лет моложе ее.

Несмотря на такую большую разницу в годах, это был счастливый брак. Выйдя замуж, Анна Петровна лишилась пенсии, а муж занимал должности небольшие.

Анна Петровна старела и жила уже воспоминаниями прошлого. Вспоминала, как девочкой играла с детьми Екатерины Федоровны Муравьевой, Никитою и Александром, будущими декабристами. Вспоминались семья Раевских, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, А. Н. Плещеев, Н. И. Гнедич. Позднее у нее бывали И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, П. В. Анненков... Но первое место в этих воспоминаниях всегда занимал Пушкин.

В конце прошлого века бытовала легенда, будто во время похорон Анны Керн гроб ее повстречался с памятником Пушкину, который тогда ввозили в Москву... Об этом было даже напечатано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Внук Анны Керн, известный ученый, почетный академик Ю. М. Шокальский, опровергал эту легенду в беседе с автором этих строк.

Позже легенду эту опроверг и артист московского Малого театра О. А. Правдин. «В 1878 году,— рассказывал он,— Анна Петровна жила на Тверской-Ямской, по той стороне, где церковь св. Василия Кесарийского, у самой Тверской заставы, на углу Кузнечного переулка... Я совершенно отчетливо вспоминаю теперь то впечатление, которое охватило меня, когда я увидел ее в первый раз. Конечно, я не ожидал встретить тот образ красавицы Керн, к которой наш великий поэт обращал слова — «Я помню чудное мгновенье», но, признаюсь, надеялся увидеть хотя тень прошлой красоты, хотя намек на то, что было когда-то... И что же? Передо мной в полутемной комнате, в старом вольтеровском кресле, повернутом спинкой к окну, сидела маленькая-маленькая, сморщенная, как печеное яблоко, древняя старушка в черной кацавейке, белом гофренном чепце, с маленьким личиком, и разве только пара больших, несколько моложавых для ее семидесяти лет глаз, немного напоминали о былом, давно прошедшем...»

По поводу легенды о встрече гроба Анны Керн с памятником Пушкину М. О. Правдин писал: «Дело было так... Года за два до смерти Анна Петровна сильно захворала,

так что за ней усилили уход и оберегали от всего, что могло ее встревожить. Это было, кажется, в мае. Был очень жаркий день, все окна были настежь. Я шел к Виноградским. Дойдя до их дома, я был поражен необычайно шумливой толпой, собравшейся на Тверской-Ямской, как раз перед окнами дома, в котором жили Виноградские. Толпа кричала, ругалась, гикала, бесновалась, но ничто не помогало: шестнадцать крепких битюгов, запряженных по четыре в ряд, цугом, везли какую-то колесную платформу, на которой помещена была громадная, необычайной величины гранитная глыба, которая застряла и не двигалась. Эта глыба была — гранитный пьедестал памятника Пушкину. Наконец среди шума и гама удалось-таки сдвинуть колесницу, и она направилась к Страстному.

Я поднялся к Виноградским. Оказалось, что скандал на улице начался в девять — десять утра, все жильцы всполошились, предполагая, что в доме пожар. Больная также встревожилась, стала расспрашивать, и когда, после настойчивых ее требований (ее боялись взволновать), ей сказали, в чем дело, она успокоилась, облегченно вздохнула и сказала с блаженной улыбкой:

— А, наконец-то! Ну, слава богу, давно пора!

До самой смерти Анна Петровна интересовалась ходом постройки и охотно слушала все, что ей об этом рассказывали».

Похоронена А. П. Керн близ Торжка, в с. Прутни, бывшего Новоторжского уезда. На могильном камне высечена первая строфа посвященного ей Пушкиным стихотворения «Я помню чудное мгновенье...».

ШЕСТЬ ПОЭТОВ

Четыре поэта, четыре Александра, были причастны к делу 14 декабря: Александр Пушкин, Александр Грибоедов, Александр Бестужев (Марлинский) и Александр Одоевский. Имена Грибоедова, Бестужева (Марлинского) и Одоевского значатся в известном «Алфавите декабристов». Имени Пушкина нет в этом своде кратких биографий участников восстания, но вольнолюбивые стихи его были найдены в личных бумагах и обнаружены в следственных делах многих декабристов.

На Кавказе пути четырех поэтов скрестились. И здесь, правда, в разное время, оказались еще два поэта — Кюхельбекер и Лермонтов.

Пушкин познакомился с Грибоедовым в июне 1817 года, они одновременно поступили тогда на службу в коллегию иностранных дел. «Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— все в нем было необыкновенно привлекательно»,— писал Пушкин о Грибоедове.

Вскоре они расстались. Пушкин отправился в изгнание, Грибоедов начал дипломатическую службу в Персии.

В 1824 году, когда Пушкин находился еще в михайловской ссылке, Грибоедов вернулся после шестилетнего отсутствия в Петербург.

Он поселился тогда вместе с Одоевским в нижнем этаже старинного трехэтажного дома Погодиной на Торговой улице, 5, и оба они были свидетелями грозного наводнения 1824 года.

«Ты, верно, теперь тот же кроткий, умный и прекрасный Александр, каким был в Стрельне и в Коломне, в доме Погодиной»,— писал позже Грибоедов Одоевскому.

Грибоедов закончил в то время свою комедию «Горе от ума». Он стал самым популярным и желанным гостем в петербургских салонах. «Читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину, дай счесть: восемь чтений,— писал Грибоедов одному из своих друзей.— Нет, обчелся, двенадцать... Грому, шуму, восхищенью, любопытству конца нет!..»

В письме к Бестужеву Пушкин дал такой отзыв о комедии Грибоедова: «не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана неясно: не то..., не то московская кузина. Молчалин не довольно резко подл... Les propos de bal [1], сплетни, рассказ Репетилова о клобе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый,— вот черты истинно комического гения.— Теперь вопрос. В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? Ответ: Грибоедов... Между мастерскими чертами этой прелестной комедии — недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину прелестна! и как натурально! Вот на чем должна была вертеться вся комедия, но Грибоедов, видно, не захотел — его воля. О стихах я не говорю: половина должны войти в пословицу».

---

[1] Бальная болтовня *(фр.)*.

«Горе от ума» сразу разошлось по России в многочисленных списках. Ни печатать, ни ставить комедию не разрешили, и Грибоедову так и не пришлось увидеть свою пьесу на сцене. Ее хотели поставить у себя, зимою 1824 года, тайком от начальства, ученики петербургской театральной школы, и Грибоедов явился однажды вместе с Кюхельбекером и Бестужевым на репетицию, но кто-то донес об этом, и спектакль не состоялся.

В дни восстания 1825 года Грибоедов находился на Кавказе. Он уехал туда еще весною, служил там при главнокомандующем Кавказским корпусом генерале Ермолове, но после восстания был арестован и препровожден в Петербург, где просидел несколько месяцев под арестом в здании Главного штаба. Ермолов очень хорошо относился к Грибоедову. Получив предписание об аресте Грибоедова, он сообщил ему об этом и дал возможность уничтожить компрометировавшие его бумаги. Во время следствия Грибоедов держался очень смело и независимо.

Находясь в заключении, он просил Булгарина: «Пришли мне Пушкина стихотворения на одни сутки...»

Вскоре он был освобожден.

Одновременно с Грибоедовым, в 1822 году, на Кавказе служил при Ермолове и Кюхельбекер. Они знакомы были еще со времени их службы в Коллегии иностранных дел и хорошо относились друг к другу. Но Кюхельбекер должен был вскоре оставить службу при Ермолове из-за ссоры с его племянником, неким Похвисневым.

Случайно узнав, что Похвиснев рассказывал в кругу друзей, будто он простотою своею втерся в доверие к Ермолову, Кюхельбекер ударил Похвиснева по лицу. Свидетелей при этом не было.

Кюхельбекер ожидал вызова на дуэль, но Грибоедов сказал, что Похвиснев на это не пойдет, а просто будет жаловаться Ермолову.

— Ну нет,— сказал Кюхельбекер.— Он у меня не отыграется. Я ему снова пощечину дам.

— Только публичную,— заметил Грибоедов.

Кюхельбекер так и сделал. Явившись в собрание, он потребовал у Похвиснева объяснений. Тот отнекивался.

— Вот вам мой ответ! — сказал Кюхельбекер и снова ударил его по лицу.

Похвиснев пожаловался Ермолову. Генерал нахмурился, но сказал, что драться ему придется.

Дуэль состоялась. Похвиснев, как пострадавший, стрелял первым. Он целил в лоб, но, видимо, рассудив, что это может испортить его карьеру, стал целить в ногу. Пистолет дал осечку.

Кюхельбекер выстрелил в воздух...

Через несколько дней Ермолов писал аттестат покидавшему Кавказ Кюхельбекеру: «По краткости времени его здесь пребывания мало употребляем был в должности, и потому, собственно, по делам службы способности его не изведаны».

Кюхельбекер уехал в Москву, долго не мог устроиться на службу и существовал частными уроками и небольшими литературными заработками. Вместе с В. Одоевским издавал альманах «Мнемозина». Он сблизился в то время с литераторами-декабристами, в конце ноября 1825 года был введен Рылеевым в Северное тайное общество, через две недели принял участие в восстании на Сенатской площади, после разгрома восстания бежал, был схвачен уже в Варшаве и после суда отправлен в крепость.

Пушкин находился в Михайловском, когда повар Осиповой Арсений, вернувшись из Петербурга, сообщил о восстании декабристов. 24 июля 1826 года поэт узнал о жестокой расправе Николая I с восставшими, о казни пяти декабристов. Известие это произвело на него тяжелое впечатление. Многие из них были его близкими друзьями.

Перед тем Пушкин получил опечалившую его весть о смерти Амалии Ризнич, одесской знакомой, которую любил он «пламенной душой». Ее памяти он посвятил написанную тогда элегию:

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и, верно, надо мной
Младая тень уже летала...

И на этом же листке, получив известие о казни декабристов, сделал под стихотворением запись: «Усл. о с. Р. П. М. К. Б. 24».

Запись эта расшифровывалась так: «Усл<ышал> о с<мерти> Р<ылеева>, П<естеля>, М<уравьева>, К<аховского>, Б<естужева>, 24 <июля>».

Поэт не решился даже полностью назвать имена казненных...

Четырнадцатого августа Пушкин написал Вяземскому: «Повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна»...

Пушкин был в дружеских отношениях и в переписке со многими из декабристов. Николай I знал об этом и, приехав в Москву короноваться, вызвал Пушкина. 3 сентября 1826 года за Пушкиным прибыл фельдъегерь, и 8 сентября в Московском Кремле встретились поэт и царь.

А. Г. Хомутова, знакомая Пушкина, передавала слышанные ею, по ее словам, от самого поэта подробности беседы с ним царя:

«Фельдъегерь подхватил меня из моего насильственного уединения и на почтовых привез в Москву, прямо в Кремль, и всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императора, который сказал мне:

— Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?

Я отвечал как следовало. Государь долго говорил со мной, потом спросил:

— Пушкин, принял бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?

— Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю бога!

— Довольно ты подурачился,— возразил император,— надеюсь, теперь ты будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь: ныне я сам буду твоим цензором».

Шестнадцатого мая 1828 года Пушкин и Грибоедов встретились в Петербурге, в роскошном особняке графа Лаваля, дочь которого Екатерина Ивановна находилась тогда в Сибири вместе со своим мужем С. П. Трубецким.

Пушкин читал в тот вечер «Бориса Годунова». Салон был переполнен, среди слушателей находился и Мицкевич.

Грибоедов получил только что назначение министром-резидентом в Персию и был настроен нерадостно. Пушкин пытался успокоить его. Но Грибоедов ответил:

— Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей... Там моя могила. Чувствую, что не увижу более России.

Предчувствие не обмануло Грибоедова: он не вернулся на родину.

Во время тегеранской резни, в январе 1829 года, тело Грибоедова было так изрублено и изуродовано, что опознали его лишь по сведенному пальцу руки: ему прострелил ее в 1818 году на дуэли будущий декабрист А. И. Якубович. Ссора у них произошла на почве дуэли Шереметева с Завадовским из-за прославленной балерины той поры А. Е. Истоминой.

В марте 1829 года Пушкин направлялся из Петербурга на Кавказ в действовавшую тогда против турок армию генерала Паскевича. По пути он остановился в Москве и провел вечер у московского почт-директора А. Я. Булгакова.

Когда Пушкин сообщил, что едет на Кавказ в армию Паскевича, одна из дочерей хозяина сказала:

— Ах, не ездите! Там убили Грибоедова...

— Будьте покойны, сударыня,— ответил Пушкин,— неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичей? Будет и одного!

Вторая дочь Булгакова заметила:

— Байрон поехал в Грецию и там умер. Не ездите в Персию, довольно вам и одного сходства с Байроном...

Пушкин выехал и на Кавказе, у Гергерской крепости, встретил запряженную волами арбу. Она тяжело поднималась в гору. Несколько грузин сопровождали ее.

— Откуда вы? — спросил их Пушкин.

— Из Тегерана.

— Что везете?

— Грибоеда,— последовал ответ.

Так еще раз, уже с мертвым Грибоедовым, встретился Пушкин...

Возвращаясь в Петербург через Тифлис, поэт посетил могилу Грибоедова. Он долго стоял у нее, преклонив колени, а когда поднялся, на глазах его были слезы.

«Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни,— писал Пушкин.— Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

Лишь в 1833 году вышла наконец в свет комедия Грибоедова «Горе от ума».

Пушкин и Александр Бестужев (Марлинский) познакомились еще до восстания 14 декабря. Бестужев внимательно следил за творчеством юного Пушкина. Приветст-

вуя появление «Руслана и Людмилы», он писал своей сестре Елене Александровне: «За поэму Пушкина «Руслан и Людмила» восстала здесь ужасная чернильная война — глупость на глупости...». И одновременно — в «Сыне отечества»: «...легкие пьесы не чуждаются выражений высоких. Батюшков, Жуковский, Пушкин в самых эротических сочинениях употребляли слова: денница, трикраты, скудель и т. п., потому что гений украшает все, до чего ни коснется».

В своей известной статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» Бестужев писал в 1823 году о Пушкине: «Еще в младенчестве он изумил мужеством своего слога и в первой юности дался ему клад русского языка, открылись чары поэзии».

«Пушкин — везде Пушкин...» — замечает Бестужев в том же 1823 году в письме к Вяземскому, сообщая, что в Обществе любителей российской словесности он читал «маленькие пиески Пушкина», в том числе «Прощание»...

Предприняв в 1823 году вместе с Рылеевым издание литературного альманаха «Полярная звезда», Бестужев ведет деятельную переписку с Пушкиным. В каждой книжке этого альманаха он помещает его произведения. На «русских завтраках» у Рылеева Л. С. Пушкин читает произведения своего находящегося в ссылке брата.

Получив номер «Полярной звезды», Пушкин в письме к Бестужеву впервые перешел заочно на «ты»: «Милый Бестужев, позволь мне первому перешагнуть через приличия и сердечно поблагодарить тебя за Полярную Звезду, за твои письма, за статью о литературе... Все это ознаменовано твоей печатью, то есть умом и чудесной живостью».

Прошло несколько лет. Декабристы уже отбывали каторгу. Пушкин возвращался из армии Паскевича, Бестужев направлялся из якутской ссылки рядовым в назначенный ему Кавказский полк. В одно и то же время они оба проезжали по Военно-Грузинской дороге, и Бестужев писал по этому поводу Н. А. Полевому: «Я рвал на себе волосы с досады,— сколько вещей я бы ему высказал, сколько узнал бы от него, и случай развел нас на долгие, может быть, на бесконечные годы».

Встретиться им так и не довелось.

В 1832 году вышли в свет «Русские повести и рассказы» А. А. Бестужева в восьми частях. На полках пушкинской библиотеки сохранился экземпляр этого издания...

Александр Бестужев находился в Тифлисе, когда пришла весть о гибели Пушкина, он писал своему брату Павлу: «В монастыре св. Давида, на могиле Александра Грибоедова слушал я панихиду, которую просил служить в память Александра Пушкина... и Александра Грибоедова... Когда священник возгласил за убиенных боляр Александра и Александра, я заплакал, зарыдал; мне казалось, мне чувствовалось, что отец духовный уже поминает и меня».

Бестужев не ошибся, предчувствуя свою близкую гибель. Он только что выздоровел тогда после продолжительной и опасной болезни. Ночью его неожиданно арестовали и посадили в Метехский замок, а на другой день отправили на телеге в Дербент. Его обвинили в том, что, проживая в Тифлисе для лечения болезни, он подстрекал офицеров не становиться в караул. Вместе с ним выслали из Тифлиса и его младшего брата Петра.

В тот же день выслали в разные места и других проживавших в Тифлисе декабристов. Во время сражения у Адлера, 7 июня 1837 года, Александра Бестужева сразила черкесская пуля, а затем черкесы так изрубили его, что после сражения не сразу могли найти его изуродованное тело. Он погиб через несколько месяцев после Пушкина...

Смерть Бестужева, талантливого писателя, известного под именем Бестужева (Марлинского), и всеми любимого товарища произвела на декабристов тягостное впечатление. «Александра— для нас, Марлинского — для русских не стало. Горько, Михайло!» — написал декабрист В. Н. Штейнгель находившемуся на каторге брату погибшего, Михаилу...

В Арзруме Пушкин оказался среди друзей и знакомых. В армии Паскевича находились декабристы, которым Николай I разрешил отправиться рядовыми на «погибельный Кавказ». Среди них были: З. Г. Чернышев, брат Александры Григорьевны, жены декабриста Никиты Муравьева; брат Ивана Пущина — Михаил; историк А. А. Корнилович, труды которого Пушкин высоко ценил; П. П. Коновницын, брат жены декабриста М. М. Нарышкина, и другие.

Командовал всеми этими «рядовыми» генерал Н. Н. Раевский-сын, давний друг Пушкина. Ко всем служившим под его началом декабристам он относился дружески. Все они часто встречались.

Здесь же находился и брат Пушкина, Лев Сергеевич, адъютант Раевского. В его лице все нашли хорошего и веселого товарища. Он часто читал на память стихи своего гениального брата и рассказывал всякие истории из его жизни.

Пребывание в армии обогатило Пушкина новыми впечатлениями. Приняв участие в стычке с турецкими всадниками, делибашами, поэт схватил пику одного из убитых казаков и на коне, в своей круглой шляпе и бурке, бросился в атаку. Три недели пробыл Пушкин в Арзруме...

С А. Одоевским Пушкин познакомился заочно. В декабрьские дни 1826 года он читал в московском салоне Зинаиды Волконской свое послание: «Во глубине сибирских руд...», которое направил декабристам с уезжавшей в Сибирь к мужу А. Г. Муравьевой. Одоевский, отбывавший каторгу в читинском остроге, послал Пушкину написанный им ответ декабристов:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли...

Когда в 1837 году Одоевского и еще нескольких декабристов отправили из мест сибирского поселения на Кавказ, он писал, вырвавшись из Якутска:

И мы — на юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,—
И нас, и нас далекий путь влечет;
Но солнце там души не отогреет
И свежий мирт чела не обовьет...
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подарят последним новосельем,
Но, кровью жаркою обрызганный чакал,
Гостей бездомных прах разбросит по ущельям.

Своим вдохновенным поэтическим взором Одоевский точно смотрел в будущее, когда слагал эти стихи. Николай I направил декабристов в разные полки, и каждый из них, облачаясь в солдатскую шинель, думал о том, что еще ждет его: черкесская пуля или кавказская лихорадка? Одни нашли свои могилы под тенью южных кипарисов, другие были изрублены горцами в горных ущельях.

Шли годы...

В 1837 году Пушкин был убит на дуэли. На другой день по Петербургу, а затем и по всей России распространилось написанное 23-летним Лермонтовым стихотворение «Смерть поэта».

«Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление,— вспоминал известный критик В. В. Стасов.— Разве... перед тем «Горе от ума».

Николай I получил стихотворение Лермонтова в анонимной копии. По его приказу 21 февраля 1837 года Лермонтов был арестован, а 25 февраля переведен из гвардии в армейский Нижегородский драгунский полк и выслан из Петербурга на Кавказ.

На Кавказе Лермонтов особенно сблизился с Одоевским. Дружба их, к сожалению, была недолгой; 10 октября 1839 года Александр Одоевский неожиданно скончался в своей походной палатке, во время экспедиции на восточный берег Черного моря, на руках направленного с каторги на Кавказ члена тайного общества военных друзей К. Е. Игельстрома.

В 1839 году Лермонтов написал стихотворение «Памяти А. И. Одоевского»:

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!
. . . . . .
И мрачных гор зубчатые хребты...
И вкруг твоей могилы неизвестной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

Могила Александра Одоевского не осталась неизвестной: в поселке Лазаревском, недалеко от Сочи, она была

найдена, и здесь, на самом берегу Черного моря, советские люди поставили Одоевскому памятник. Он был открыт в 1939 году, в сотую годовщину со дня смерти поэта.

Так, один за другим, погибли шесть больших поэтов. Все они ушли из жизни в расцвете своих творческих сил. Грибоедову было 34 года, Пушкину, как и Одоевскому,— 37 лет, Бестужеву (Марлинскому) — 40 лет.

Недолго после них прожил и Лермонтов: 17 июля 1841 года он был убит на дуэли Мартыновым. Ему было всего 27 лет...

В 1846 году, на сорок седьмом году жизни, после десятилетнего заключения в крепостях и десятилетней ссылки, больной и ослепший, в Тобольске скончался Кюхельбекер...

Один за другим умирали в те годы и другие поэты — друзья Пушкина. Рылеев был казнен в 1826 году, Веневитинов скончался в 1827 году, В. Пушкин — в 1830-м, Дельвиг — в 1831-м, Гнедич — в 1833-м, Дмитриев — в 1837-м, Давыдов — в 1839-м, Баратынский — в 1844-м. Стоя перед их свежими могилами, Вяземский писал в 1841 году:

Смерть жизни жатву косит, косит
И каждый день, и каждый час
Добычи новой жадно просит
И грозно разрывает нас.

Как много уж имен прекрасных
Она отторгла у живых,
И сколько лир висит безгласных
На кипарисах молодых.

А в 1845 году Вяземский самому себе задавал вопросы:

Уж не за мной ли дело стало?
Теперь не мне ль пробьет отбой?

Вяземский скончался в 1878 году, на десятилетия пережив друзей своей юности...

НЯНЯ ПУШКИНА

Эта чудесная русская женщина, чье имя — Арина Родионовна — известно любому школьнику, не была обучена грамоте. Ее руки привычны были к веретену, а не к перу. Это была «старушка бедная» с богатой душой, первая муза поэта, «наперсница волшебной старины». О ней Пушкин писал, вспоминая свои детские годы:

...в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой,
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.

У Арины Родионовны была своя молодость. Она родилась 10 апреля 1758 года и была крепостной — сначала графа Ф. А. Апраксина, а затем потомков Абрама Петровича Ганнибала, прадеда великого поэта.

В церковных книгах и документах ее именовали Ириной, а в жизни звали Ариной.

В 1781 году 23-летняя Арина Родионовна вышла замуж за крепостного Федора Матвеева. Они венчались в той же церкви села Суйды Петербургской губернии, где через пятнадцать лет венчалась 20-летняя Надежда Осиповна Ганнибал с отцом поэта Сергеем Львовичем Пушкиным. У Арины Родионовны было четверо детей: два сына и две дочери.

В 1797 году у Пушкиных родилась дочь Ольга, а через полтора года — Александр, будущий поэт. Арину Родионовну взяли к ним няней, и с тех пор вся ее жизнь была связана с жизнью и судьбой Пушкиных. Она выпестовала и младшего брата поэта — Льва.

В 1811 году бабушка Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал решила дать всей семье Арины Родионовны «вольную» — освободить от крепостной зависимости, но та отказалась:

— На что мне, матушка, вольная...

Арина Родионовна надолго рассталась с маленьким Пушкиным, когда его увезли в 1811 году в Петербург и определили в Царскосельский лицей. Шесть лет она находилась вдали от него. Время от времени они встречались после этого в короткий петербургский период жизни Пушкина, но потом его сослали на юг, и няня не виделась с Александром в течение четырех лет. Сблизили их годы михайловской ссылки поэта.

В Михайловском Пушкин жил вместе с няней в небольшом домике:

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна,—

писал он.

Еще до этого, работая над «Русланом и Людмилой», поэт вспоминал:

Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал...

«Шепот старины болтливой» — так Пушкин, шутя, называл нянины сказки и рассказы о былом...

И. И. Пущин так описывал жилье поэта в Михайловском: «Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами и проч., и проч. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда, с самого Лицея, писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери— дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев».

И еще одна запись, от 16 сентября 1827 года, в дневнике А. Н. Вульфа: «По шаткому крыльцу взошел я в ветхую хижину первенствующего поэта русского».

В этой «ветхой хижине» Пушкин создавал свои гениальные произведения. «...До обеда,— писал он в ноябре 1824 года своему брату Льву,— пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки... Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

И позже — одному из друзей: «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга и с нею только мне не скучно».

И, наконец, в июле 1825 года он писал своему другу Н. Н. Раевскому: «...у меня буквально нет другого общества, кроме старушки няни и моей трагедии («Борис Годунов».— *А. Г.*)».

Пушкин записал со слов няни семь сказок. Одна из них послужила поэту материалом для «Сказки о царе Салтане», другая — для «Сказки о попе и о работнике его Балде», третья — для «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Одну запись Пушкин передал поэту В. А. Жуковскому, который использовал ее для своей сказки о царе Берендее.

Записи показывают, как складно и певуче рассказывала няня сказки своему уже 25-летнему питомцу и как гениально поэт расцветил их своей фантазией.

Няня сказывала, а Пушкин записывал:

«Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему праву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшой, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачиха его, завидуя своей невестке, решилась ее погубить. После 9 месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками — а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые; во лбу звезда, в заволоке месяц. Послали известить о том царя. Мачиха задержала гонца на дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дождаться приезда его для разрешения. Мачиха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки, одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано...»

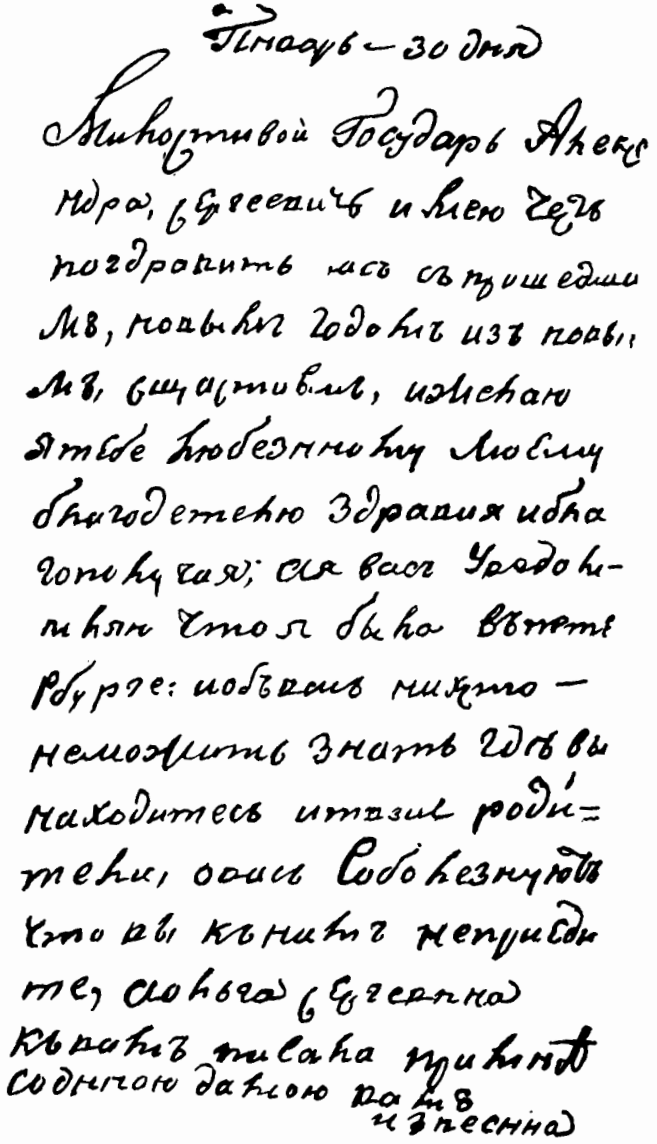
Мы читаем и другой, записанный рукою Пушкина неторопливый рассказ Арины Родионовны:

«Что за чудо, говорит мачиха, вот что чудо: у моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот, вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет. Царевич прилетел домой и с благословенья матери перенес перед дворец чудный дуб...»

И в той же тетради, где Пушкин записывает нянины сказки, на внутренней стороне переплета он написал так хорошо знакомый нам с детства пролог к «Руслану и Людмиле»:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Кроме сказок, Пушкин записал со слов няни четыре песни. Две из них — «О сыне Сеньки Разина». Тогда же он просил своего брата Льва прислать ему в Михайловское «историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории».

Письмо А. С. Пушкину, продиктованное Ариной Родионовной.

«Родионовна принадлежала к... благороднейшим типам русского мира,— писал первый биограф Пушкина П. В. Анненков.— Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостью оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственной, неизменной любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам».

Трогательно относился к няне Пушкин. Вернувшись в Михайловское после вызова его в Москву Николаем I, он писал 9 ноября 1826 года своему другу П. А. Вяземскому: «Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей... няни — ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и проч.».

И далее: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости,* молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом».

Сохранились два письма Арины Родионовны к поэту, он хранил их среди самых драгоценных своих бумаг.

В первом, от 30 января 1827 года, неизвестный малограмотный обитатель Михайловского писал под диктовку Арины Родионовны:

«Милостивой государь Александра Сергеевичь, имею честь поздравить вам с прошедшим, новым годом из новым, сщастием; ижелаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия, а я вас уведомляю, что я была в Петербурге: и об вас нихто — неможит знать где вы находитесь итвоие родители авас соболезнуют что вы к ним неприедите, а Ольга Сергеевна к вам писала при мне содиною дамою вам извеснна а мы батюшка от вас ожидали, писма когда вы прикажите, привозить книги но не могли дождатца: то и вознамерилис по вашему старому приказу от править; то я и посылаю, больших и малых, книг сщетом — 134 книги Архипу даю денег — 90 рублей: присем любезный друг я цалую ваши ручьки с позволений вашего съто раз и желаю вам то, чего и вы желаете иприбуду к вам с искренним почтением

Аринна Родивоновна».

В другом дошедшем до нас письме, от 6 марта 1827 года, Анна Вульф писала Пушкину из Тригорского под диктовку Арины Родионовны: «...вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас... Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю...

Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружочек, хорошенько, самому слюбится. Я слава богу здорова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша

Аринна Родивоновна».

Кучер Пушкиных в Михайловском рассказывал литератору К. А. Тимофееву, посетившему в 1859 году старый михайловский домик няни:

«Любил ли Пушкин Арину-то Родионовну? Как же еще любил-то, она у него тут вот и жила. И он все с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: «здорова ли мама»,— он ее все мама называл. А она ему, бывало, этак нараспев (она ведь из-за Гатчины была у них взята, из Суйды, там эдак все певком говорят): «Батюшка ты, за что ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?» «Разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила». И уж чуть старуха занеможет, так что ли, он уж все за ней...»

Впечатления от встреч со слепцами и странниками у ворот Святогорского монастыря, поговорки, пословицы, присказки, не сходившие с языка няни, питали музу Пушкина. Весь сказочный русский мир, тьма русских обычаев, поверий, песен и былин были известны Арине Родионовне, и все ее рассказы пропитаны были «русским духом».

Не сохранилось, к сожалению, ни одного портрета Арины Родионовны, но в поэтических произведениях Пушкина отражен живой облик его няни. В стихотворении «Сват Иван, как пить мы станем» Арина Родионовна предстает перед нами как живая:

Мастерица ведь была
И откуда что брала!
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..

Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?

В убогом сельском уединении няня была первым и самым верным другом поэта-изгнанника и близким другом его друзей. «Свет Родионовна, забуду ли тебя?» — писал навестивший Пушкина поэт Н. М. Языков в своем дружеском обращении «К няне А. С. Пушкина»:

Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом;
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно!

В глухой и тягостный зимний вечер михайловской ссылки Пушкин обращается к няне с трогательно задушевными словами:

Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завыванье
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена?

С Ариной Родионовной мы встречаемся и на страницах произведений поэта: она — прообраз Филипьевны, няни Татьяны, в «Евгении Онегине», она — прообраз мамки царевны Ксении в «Борисе Годунове», мамки княгини в «Русалке».

И не звучат ли строки из письма Арины Родионовны к Пушкину в письме няни Орины Егоровны к своему питомцу Дубровскому: «Государь ты наш, Владимир Андреевич,— я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровьи папенькином! Он очень плох, иногда заговаривается, и весь день сидит как дитя глупое — а в животе и смерти бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное... Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырева».

Арина Родионовна была для поэта не только неиссякаемым источником рассказов о старине, народных преданий и поверий, сказок и песен. Его интересовали и ее суждения о написанном им. Он говорит в «Евгении Онегине»:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

Все радости и печали своего питомца Арина Родионовна переживала вместе с ним. Когда по приказу Николая I за ним приехал из Москвы фельдъегерь, няня, провожая его, плакала навзрыд. И друзья Пушкина даже волновались о ее здоровье: «Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она пережила совсем неожиданную разлуку с тобою?» — спрашивал Пушкина, когда тот вернулся из Москвы, А. А. Дельвиг.

И сам Пушкин, уезжая из Михайловского в Москву, волнуется и пишет в 1826 году «Няне»:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

В последний раз Пушкин видел свою няню, приехав в Михайловское в сентябре 1827 года. Она прожила после этого еще около года и 31 июля 1828 года скончалась.

Со смертью няни перевернулась еще одна страница в жизни Пушкина. Через два года, 23 августа 1830 года, скончался его дядя Василий Львович. Память о них была связана с детскими годами поэта: няня пестовала его, дядя отвез его, 12-летнего мальчика, в Лицей.

Пушкин собирался в то время жениться, и ему захотелось посмотреть «мое Захарово», где ребенком он проводил летние месяцы у бабушки, Марии Алексеевны. В Захарове жила дочь няни, Мария Федоровна, вышедшая замуж за местного крестьянина.

Была осень, хлеб убрали. Пушкин подъехал к знакомой избе. Дочь Арины Родионовны встретила его радушно. Поэт быстро обежал всю местность. Сельские избы, раскинувшиеся в двух верстах от Захарова, село Большие Вяземы, колоколенка на церкви, в которой когда-то молился Борис Годунов и которую совсем еще, казалось,

недавно, посещал маленький Пушкин,— все это обветшало. Но воспоминания далекого детства были неотразимы, глубоко волновали...

Мария Федоровна впоследствии рассказывала:

«Приезжал он ко мне сам, перед тем, как вздумал жениться. Я, говорит, Марья, невесту сосватал, жениться хочу... И приехал это не прямо по большой дороге, а задами, другому бы оттуда не приехать: куда он поедет? — в воду на дно! А он знал... Уж оброс этими волосками тут (показывая на щеки); вот в этой избе у меня сидел... Хлеб уж убрали, так это под осень, надо быть, он приезжал-то... Я сижу, смотрю — тройка! Я эдак... А он уже ко мне в избу-то бежит... Чем, мол, вас, батюшка, угощать я стану? Сем, мол, яишенку сделаю! — Ну, сделай, Марья! Пока он пошел это по саду, я ему яишенку-то и сварила. Он пришел, покушал... Все наше решилося, говорит, Марья: все, говорит, поломали, все заросло! Побыл еще часик, два,— прощай, говорит, Марья, приходи ко мне в Москву! А я, говорит, к тебе еще побываю. Сели и уехали».

Сельцо Захарово уже не принадлежало Пушкиным. Прошло двадцать лет с тех пор, как он уехал оттуда ребенком. Перед женитьбой поэту захотелось окунуться в воспоминания своих детских лет. В грустном настроении вернулся он в Москву. После женитьбы Пушкина Мария Федоровна навещала его в Москве. Она рассказывала, что Пушкин принял ее радушно, познакомил с женой, одарил...

Пушкин и друзья его с большой грустью восприняли смерть няни. Приехав в 1835 году в Михайловское, Пушкин писал жене: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей...»

И тогда же, в стихотворении «...Вновь я посетил»:

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора!

В этом стихотворении слышится глубокая печаль Пушкина по поводу утраты няни. Вот черновой набросок:

Бывало,
Ее простые речи и советы
И полные любови укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

В те дни, когда Арина Родионовна умирала, Пушкин переживал тяжелое время: в Сенате и в Государственном совете рассматривалось дело о «крамольном» пушкинском стихотворении «Андрей Шенье». Несколько раз его вызывали к петербургскому военному губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову для дачи показаний по поводу «Гавриилиады». Над поэтом учрежден был секретный надзор. И он написал тогда свое мрачное «Предчувствие»:

Снова тучи надо мною
Собрались в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Эти нависшие над поэтом грозовые тучи заслонили собою даже образ горячо любимой няни.

Н. М. Языков, всегда нежно и трогательно относившийся к ней, писал в стихотворении «На смерть няни А. С. Пушкина»:

Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.
. . . . . .
И вот тебе поминовенье —
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!

Могилу няни, к сожалению, отыскать не удалось. Через сто лет после ее смерти на петербургском Большеохтенском кладбище была установлена мемориальная доска с надписью: «На этом кладбище, по преданию, похоронена няня поэта А. С. Пушкина Арина Родионовна, скончавшаяся в 1828 году. Могила утрачена».

Позже, однако, была найдена в книгах Владимирской церкви запись о смерти Арины Родионовны и погребении ее на петербургском Смоленском кладбище.

Ошибочно установленную на Большеохтенском кладбище мемориальную доску сняли и передали Пушкинскому дому Академии наук СССР. Но место, где няни «прах улегся, изнуренный трудом и бременем годов», так и не удалось отыскать.

В столетнюю годовщину со дня смерти А. С. Пушкина, в 1937 году, в деревне Кобрино Ленинградской области, где жила в свои молодые годы няня поэта, была открыта изба-читальня имени Арины Родионовны.

Изба-читальня имени неграмотной крепостной крестьянки — дань глубокого уважения русских людей ее светлой памяти, признание огромных заслуг перед русской культурой той, чьи устные предания, сказки и песни, перенесенные пером гения на страницы его произведений, являются предметом восторгов и восхищения людей всех возрастов.

ТРУДЯСЬ НАД «БОРИСОМ ГОДУНОВЫМ»

Михайловское. Ранний осенний день 1824 года. Пушкин работает над «Борисом Годуновым». Как всегда, внимательно изучает источники, вновь перелистывает забытые страницы русской истории, мысленно проникает в глубь времен, приближает к себе события Смутного времени.

На полках его библиотеки стоят только что вышедшие X и XI тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Из них Пушкин почерпнул данные для исторической канвы действия своей трагедии, на их основе составил план.

«Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина» Пушкин «с благоговением и благодарностью» посвятил «Бориса Годунова» — «сей труд, гением его вдохновенный».

Пушкин написал пять сцен трагедии и прервал работу. Занялся четвертой главой «Евгения Онегина» и отделкой «Цыган».

В мае 1825 года поэт вернулся к «Борису Годунову» и 13 июля писал П. А. Вяземскому:

«Покаместь, душа моя, я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию! — смотри, молчи же: об этом знают весьма немногие...

Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия. *Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Ворониче.* Каково?»

Эти восторженные строки письма поэта дают представление о том, как страстно увлечен был Пушкин своей трагедией, с каким творческим вдохновением он работал. Но мысли о неожиданно вторгшейся тогда в его жизнь Анне Керн не покидали поэта. Анна Керн стояла перед ним рядом с Дмитрием Самозванцем... Иногда на рукописи появлялся ее профиль. Втроем они бродили по аллеям Михайловского парка. И здесь же перед поэтом вставала Екатерина Раевская в образе Марины Мнишек...

Первые сцены «Бориса Годунова» Пушкин тогда же читал своему лицейскому товарищу А. М. Горчакову, приезжавшему в имение Лямоново, неподалеку от Михайловского. Вскоре приступил к последним сценам трагедии.

Пушкин рисует одну историческую картину за другой: князь Курбский и Самозванец, верхами, у границы Литовской 16 октября 1604 года; царская Дума — патриарх и бояре... Битва на равнине близ Новгорода-Северского 21 декабря 1604 года...

Пушкин берет с книжной полки старинное, 1669 года, издание записок капитана Жака Маржерета — «Современное состояние Российского государства и великого княжества Московского, с тем, что произошло наиболее достопамятного и трагического с 1590 года до сентября 1606».

Поэт внимательно знакомится с записками капитана Маржерета, служившего в войсках Генриха IV, затем во Франции, Германии, Польше и, наконец, в России. Маржерет лично участвовал во многих событиях того времени, его записки, видимо, кажутся Пушкину убедительными, и он вводит капитана Маржерета в семнадцатую сцену «Бориса Годунова» (битва на равнине близ Новгорода-Северского)...

Петербургские друзья с большим интересом ждут «Бориса Годунова». Жуковский надеется, что после окончания трагедии можно будет снова ходатайствовать перед царем о возвращении Пушкина из ссылки. Он рекомендует Пушкину вести себя благоразумно: «Перестань быть эпиграммой, будь поэмой»...

Седьмого ноября 1825 года Пушкин заканчивает трагедию и пишет Вяземскому: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедиею, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена: я прочел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал: ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! Юродивый мой малый презабавный... Жу-

ковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

«Не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого»... Это был намек на Александра I, который явился таким же узурпатором царской власти, как и Борис Годунов. Александр I вступил на престол после убийства своего отца Павла I в результате дворцового заговора, о котором он был осведомлен.

Прошел почти год. 8 сентября 1826 года Пушкин в сопровождении фельдъегеря приезжает в Москву по вызову Николая I. В кармане у него «Борис Годунов».

В Москве, впервые после 15-летнего отсутствия, Пушкин встретился со своими друзьями. Почти все они служили в архиве Коллегии иностранных дел, увлекались литературой и философией. Это были те «архивны юноши», которых поэт упоминает в «Евгении Онегине». Они образовали кружок «любомудров», готовились издавать свой журнал — «Московский вестник».

В их кругу Пушкин семь раз читал «Бориса Годунова»: у С. А. Соболевского — на Собачей площадке, 12; у Е. А. Баратынского — в Столешниковом переулке, 14; у П. А. Вяземского — в Большом Чернышевском переулке, 9 (сейчас улица Станкевича).

Большое впечатление произвело на собравшихся писателей и поэтов чтение Пушкиным «Бориса Годунова» 12 октября у поэта Д. В. Веневитинова в Кривоколенном переулке, 4. Мемориальная доска на фасаде этого сохранившегося до наших дней дома напоминает сегодня об этом.

Историк и публицист М. П. Погодин, незадолго перед тем встретившийся с Пушкиным, отмечал, что поэт произвел на него неблагоприятное впечатление. Но о чтении Пушкиным «Бориса Годунова» впоследствии, через сорок лет, восторженно писал: «До сих пор еще кровь приходит в движение при одном воспоминании... Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завещанный французской декламацией. Наконец, надо представить себе самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрец высокого искусства — это был среднего роста, почти низенький человечек, вертлявый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми, быстрыми глазами, с тихим приятным голосом, в черном сюртуке, в чер-

ном жилете, застегнутом наглухо, небрежно повязанном галстухе. Вместо высокопарного языка богов мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тем,— поэтическую, увлекательную речь!

Первые явления выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорием всех ошеломила. А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков,— «да ниспошлет господь покой его душе, страдающей и бурной»,— мы просто как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться, кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчание, то взрыв восклицаний, например, при стихах Самозванца:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. Эван, эвое, дайте чаши!.. Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему приятно было наше волнение...

Он начал нам, поддавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью на востроносой своей лодке, предисловие к «Руслану и Людмиле» — « У лукоморья дуб зеленый»... Потом Пушкин начал рассказывать о плане Димитрия Самозванца, о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади, в ожидании Шуйского, о Марине Мнишек с Самозванцем — сцене, которую написал он, гуляя верхом, и потом позабыл вполовину, о чем глубоко сожалел.

О, какое удивительное было то утро, оставившее след на всю жизнь. Не помню, как мы разошлись, как закончили день, как улеглись спать. Да, едва ли кто спал из нас в эту ночь. Так был потрясен весь наш организм».

Слухи об этих чтениях дошли до шефа жандармов Бенкендорфа. Он поставил это Пушкину на вид, подчеркнув, что «Борис Годунов» еще не прошел царской цензуры.

Рукопись была представлена Николаю I, и тот 14 декабря 1826 года положил резолюцию: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очище-

нием переделал комедию свою в исторический роман, наподобие Вальтера Скотта».

На это Пушкин ответил Бенкендорфу: «Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное».

В течение четырех лет Пушкин и его друзья тщетно добивались разрешения напечатать трагедию. «Борис Годунов» вышел в свет лишь в начале 1831 года.

Известно, что Пушкин имел в виду продолжать свою хронику и после «Бориса Годунова» написать «Лжедимитрия» и «Василия Шуйского».

Одновременно он раздумывал над вопросами теории драмы и писал: «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего — Шекспира...»

Пушкин рассчитывал изложить свои мысли по этому интересовавшему его вопросу в предисловии к намеченному второму изданию «Бориса Годунова».

В то время Пушкин получил от Е. Ф. Розена, поэта, драматурга и литературного критика, его вышедшую в 1833 году историческую драму «Россия и Баторий», которую мы видим сегодня на полках пушкинской библиотеки.

К Розену Пушкин относился дружески-покровительственно, поддерживал своим участием издававшиеся им альманахи. Между прочим, Розен был автором либретто «Ивана Сусанина», впервые поставленного в 1836 году в Петербурге.

Драма Розена заинтересовала Пушкина, и он отчеркнул в ней, на полях, речь Ивана Грозного, обращенную к Борису Годунову:

Борис! не верь мгновенному порыву
Похвальных чувств! восторг, как огнь потешный,
Прекрасно вспыхнет, с шумом отгорит —
А менее в нем пользы, чем в лампаде,
Что в келии убогой тускло светит...

Иван Грозный вспоминает, как в тяжкие для родины дни он направил в Ливонию воеводой Курбского и как тот изменил России:

И верил я! Казалось мне, я прямо
Ему смотрел в растроганное сердце,
Где не было ни тени зла... я верил

Тому, кто верно столько лет служил,
И дружески его притиснув к груди,
Я говорил: «Ты царства столп и сила,
Ты жезл царя — будь врагов бичом!
И что ж мой жезл! как Моисеев посох,
Он обернулся змеем и пополз
К Баторию... Король его приял —
И лютый змей в его руках опять
Стал жезл — и бич на царство и меня!

Пушкину не дано было снова вернуться к эпохе Смутного времени, но этот отрывок в написанной Розеном драме ему, очевидно, понравился, и он отметил его для памяти...

В том самом доме, где Пушкин читал 12 октября 1826 года «Бориса Годунова» у поэта Д. В. Веневитинова, через сто лет, уже в наше время — 12 октября 1926 года, «Бориса Годунова» исполнили В. И. Качалов, И. М. Москвин, А. Л. Вишневский и другие артисты первого поколения Московского Художественного театра. Через сто лет голос великого поэта снова зазвучал в этих стенах.

ФРИГИЙСКИЙ КОЛПАК

Двадцать второго марта 1828 года автор лирических стихотворений, басен, водевилей и поэм В. С. Филимонов прислал Пушкину свою только что изданную поэму под странным названием «Дурацкий колпак». На чистой странице титула он написал:

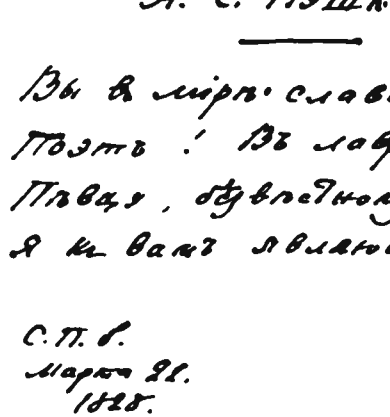
А. С. Пушкину
Вы в мире славою гремите;
Поэт! В лавровом вы венке
Певцу, безвестному, простите:
Я к вам являюсь — в *колпаке.*

Пушкин тогда же ответил Филимонову:

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами ныне щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;

Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

О чем хотели сказать друг другу два поэта в этом дружеском обмене поэтическими посланиями: Филимонов, представший перед Пушкиным в «дурацком» колпаке, и Пушкин, с грустью вспоминавший о колпаке, украшенном «гремушками» муз, о своем старом, любимом, изношенном, поневоле заброшенном красном колпаке?

Ответ Пушкина — отзвук далеких юношеских воспоминаний о «Зеленой лампе» — «вольном обществе», побочной «управе» Союза благоденствия.

Этот литературный кружок существовал с марта 1819 до весны 1820 года, когда Союз благоденствия был преобразован в тайное общество будущих декабристов.

Двери «приюта гостеприимного, приюта любви и муз», общества «Зеленая лампа» открылись 20 марта 1819 года. Хозяином этого «приюта» был известный главарь «золотой молодежи» пушкинской поры Никита Всеволожский, страстный театрал, переводчик французских комедий и водевилей, любитель музыки и певец, «амфитрион любезный, счастливец добрый, умный враль»...

В этот ранний весенний день в его доме состоялось первое заседание «Зеленой лампы». Помимо двух братьев Всеволожских, членами кружка были поэты: Пушкин, Дельвиг, Ф. Глинка, Гнедич, Барков, будущие декабристы С. П. Трубецкой, Я. Н. Толстой, А. Д. Улыбышев, А. А. Токарев и другие.

Заседания кружка происходили два раза в месяц.

Всеволожский жил на бывшем Екатерингофском проспекте. В комнате, где над круглым столом висела зеленая лампа — символ света и надежды,— члены кружка читали свои произведения, часто вольнолюбивые. Возможно, что и Пушкин читал там свои стихи «Вольность», «Деревня» и другие.

Читались и очерки политического характера, в которых пропагандировалась английская конституция. Заседания эти заканчивались непринужденным ужином с вином.

Всеволожский был очень богат, и по субботам в его «приюте» обычно собиралась молодежь — поэты, писатели, актеры и художники. Здесь бывали и веселые «прелестницы» —

Красотки молодые,
Которых позднею порой
Уносят дрожки удалые
По петербургской мостовой.

С Всеволожским Пушкин вместе посещал театры и бывал у него не только на собраниях «Зеленой лампы», но и на веселых субботних пирушках.

Вступая в кружок, члены его клялись хранить тайну о своих собраниях. Они носили кольца с изображением лампы, и за стол садились обычно в красных фригийских колпаках, которые носили во Франции якобинцы.

О любимом, «поневоле заброшенном» колпаке Пушкин и писал Филимонову в 1828 году, когда после подавления восстания декабристов и возвращения поэта из шестилетней ссылки красный цвет стал «не в моде».

Высланный в 1820 году из Петербурга за свои вольнолюбивые стихи, Пушкин не знал, существует ли еще «Зеленая лампа», и в письме к своему приятелю Я. Н. Толстому спрашивал в 1822 году:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?

О красном фригийском колпаке Пушкин говорит и в своем раннем стихотворении «Товарищам», написанном в 1817 году, когда лицеисты первого выпуска покидали Царское Село. Думая о предстоящей разлуке, о том, какой жизненный путь изберет себе каждый из них, Пушкин писал:

Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак...

Строки, эти, видимо,— отзвук воспоминаний Пушкина о литературном кружке «Арзамас», за деятельностью которого поэт внимательно следил еще в свои лицейские годы.

Формально Пушкин вступил в «Арзамас» уже по выходе из Лицея, в 1817 году, но ряд более ранних стихотворений, в том числе большое, обращенное к В. А. Жуковскому — «Благослови, поэт!», он подписал: «Арзамасец».

«Арзамас» существовал с 1815 по 1818 год и был создан сторонниками «карамзинского» направления в литературе для борьбы с объединившимися в «Беседе любителей русского слова» и главенствовавшими в Российской академии «шишковистами», которые отстаивали устаревшие рутинные формы русской литературы.

Российская академия учреждена была в 1783 году Екатериной II с целью составления «грамматики, русского словаря, риторики и правил стихотворства». Членами ее являлись видпейшие поэты того времени: Херасков, Державин, Фонвизин, Княжнин, Богданович, Хемницер, Капнист, Дмитриев и другие. С 1813 по 1841 год президентом ее был А. С. Шишков, при котором Академия стала оплотом политической и литературной реакции.

Со смертью Шишкова Российская академия прекратила свое существование — она присоединена была к Академии наук в качестве второго отделения (русского языка и словесности).

В пародиях, эпиграммах и шутках арзамасцы высмеивали членов Российской академии и «Беседы». «Беседа»,— говорили арзамасцы,— сотворена на то, чтобы твердить и писать глупости, «Арзамас» на то, чтобы над нею смеяться».

В то время как на заседания к Шишкову приглашенные являлись в золотых мундирах и с орденами, председатель «Арзамаса» восседал в традиционном красном колпаке и, обращаясь к присутствовавшим, называл их «согражданами».

Вступая в кружок, каждый новый арзамасец должен был надеть такой красный колпак и произнести вступительную речь и здесь же получал то или иное шутливое прозвище.

Бессменным старостой «Арзамаса» был дядя Пушкина Василий Львович, носивший прозвище «Вот я вас...», секретарем кружка — В. А. Жуковский — «Светлана», составлявший юмористические протоколы заседаний в прозе и стихах. Александр Тургенев носил прозвище «Эолова арфа», Вигель — «Ивиков Журавель», Батюшков — «Ахилл», Блудов — «Кассандра»... Были еще прозвища: «Асмодей», «Варвик», «Громобой», «Лебедь», «Очарованный челнок», «Пустынник», «Резвый кот», «Черный врач», «Старушка» и другие.

Пушкин, вступая в «Арзамас», получил прозвище «Сверчок», взятое из баллады Жуковского «Светлана». Он обратился тогда к арзамасцам со стихами:

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас...

«Арзамас», однако, объединял не только служителей «смелых муз». В дневнике А. И. Тургенева однажды появилась запись:

«Третьего дня был у нас «Арзамас». Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожения рабства...»

Находясь в ссылке, поэт с грустью вспоминал «Зеленую лампу» — дом Всеволожского и круглый стол, за который всегда садилось «милое равенство». Пушкин вспоминал и прислуживавшего за столом маленького калмыка, о котором арзамасец Толстой писал: «Как скоро кто-нибудь отпускал красное пошлое словцо, калмык наш улыбался насмешливо, и наконец мы решили, что этот мальчик всякий раз, как услышит пошлое словцо, должен подойти к тому, кто его отпустит, и сказать: «Здравия желаю!»

О тех далеких, беспечных, кипевших молодостью «часах любви, часах похмелья» Пушкин писал:

В изгнанье скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем...
. . . . . .
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!..

«Вино кометы»... Так называлось славившееся в пушкинское время шампанское урожая 1811 года. На пробках, которыми оно закупоривалось, была изображена комета, появившаяся на небе перед нашествием Наполеона и вызвавшая много суеверных толков современников.

«ТВОРЦЫ БЕССМЕРТНЫЕ, ПИТОМЦЫ ВДОХНОВЕНЬЯ»

В Лицее Пушкина посещали крупнейшие поэты старшего поколения. Вместе с его дядею Василием Львовичем и молодым П. А. Вяземским однажды приехал Н. М. Карамзин, знаменитый историк, писатель и поэт. Он долго беседовал с мальчиком и, прощаясь, сказал:

— Пари, как орел, но не останавливайся в полете!..

После переезда Карамзина в Царское Село Пушкин-лицеист бывал у него, по словам Вяземского, ежедневно по вечерам. «Карамзин читал ему рукописный труд свой и делился с ним досугом и суждениями»,— свидетельствует брат поэта Лев.

В сентябре 1815 года Пушкин встретился в Лицее с В. А. Жуковским. Юный лицеист был взволнован, но не меньше был взволнован и Жуковский. Вернувшись из Царского Села, он писал Вяземскому: «...Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности... Нам надобно всем соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет...»

Бывал в Лицее и крупнейший поэт старшего поколения того времени К. Н. Батюшков.

Представим себе юного мальчика с кудрявой головою и арабским профилем перед маститыми поэтами того времени... Юный Пушкин преклонялся перед ними. И естественно, что в его лицейских стихотворениях чувствуется влияние и Державина, и Жуковского, и Батюшкова.

«Воспоминания в Царском Селе» начинаются торжественной строфой:

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес...

«Угрюмой нощи...» — совсем в духе Державина. Заканчивается первая строфа строками:

И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

Этот образ Пушкин заимствовал из «Моих пенат» Батюшкова:

Наш лебедь величавый
Плывет по небесам...

Маленький лицеист еще не представлял себе тогда, что он — Пушкин, гениальный Пушкин, которого скоро будет знать вся Россия...

«Муза Пушкина,— писал В. Г. Белинский,— была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде. Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать и еще менее доказать, чтоб он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их».

В своих ранних лицейских произведениях Пушкин отдает своим учителям дань глубокого уважения. 14-летним мальчиком он обращается к Батюшкову со стихотворением, в котором называет его «Парни российским»

...с венком из роз душистых
Меж кудрей вьющихся, златых...

В стихотворении «К Жуковскому» он благодарно вспоминает всех, кто так ласково встретил его еще юную, неокрепшую музу; как приветливо ободрил его «страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый» историк Н. М. Карамзин; как старый поэт И. И. Дмитриев его «слабый дар с улыбкой похвалил»; как «славный старец наш... крылатым Гением и Грацией венчанный», Г. Р. Державин, «в слезах обнял меня дрожащею рукой»...

Восьмого января 1815 года в актовом зале Царскосельского лицея встретились два поэта. Один был очень стар, другой — очень молод. Один уже уходил из жизни, другой стоял на ее пороге.

Звезды, ордена и лента через плечо украшали парадный мундир старого поэта. На ногах были мягкие плисовые сапоги — у него болели ноги. Ему шел уже восьмой десяток. Сидя за покрытым красным сукном столом, не очень прислушиваясь к тому, что происходило в зале, он тихо дремал.

Временами Державин поднимал свой угасавший, мутный взор и рассматривал висевшие на стенах большие портреты в широких старинных резных золотых рамах. То были портреты самодержцев ушедшего века. Он долго смотрел на портрет императрицы Екатерины II.

Перед ним пронеслись видения того века. «Бич вельмож и поборник права», Державин призывал окружавших Екатерину царедворцев

Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

Но Екатерину, свою «Фелицу», он воспевал:

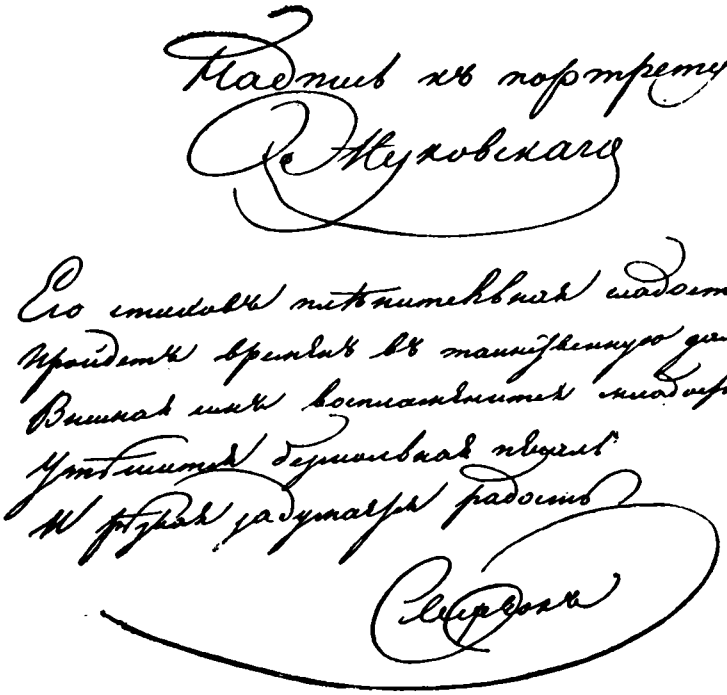
Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна.
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает,—
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

На середину зала вышел 15-летний мальчик в лицейском сюртуке и начал читать свои «Воспоминания в Царском Селе». В наступившей глубокой тишине Державин вдруг услышал:

О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

Он пробудился от своего полусна, невольно привстал, приложил ладонь к уху, чтобы лучше внимать, и вдруг услышал, как прозвучало его имя:

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцов и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

«Надпись к портрету Жуковского». Автограф.

Взволнованный, Державин быстро встал из-за стола и со слезами на глазах бросился целовать мальчика. Спасаясь от товарищей, которые хотели его обнять, Пушкин быстро скатился вниз по перилам крутой лицейской лестницы...

В Третьяковской галерее висит большое полотно И. Е. Репина, изображающее Пушкина на лицейском экзамене...

На полках пушкинской библиотеки находились два четырехтомника произведений старого поэта. Один из них, издания 1808 года, в кожаном переплете, был сильно зачитан; им, видимо, Пушкин часто пользовался в отроческие годы.

О своей встрече с Державиным на лицейском экзамене 1815 года Пушкин писал в заметке «Державин», в послании «К Жуковскому» (1816) и в восьмой главе «Евгения Онегина»:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...

Державин был поражен: как мог 15-летний мальчик создать такое совершенное по форме и глубокое по содержанию стихотворение? Он выше всех ставил В. А. Жуковского, и ему, тяжело заболев в 1808 году, хотел передать свою лиру:

Тебе в наследие, Жуковской!
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою.

Но юный Пушкин заслонил собою Жуковского. Через несколько часов после лицейского акта на парадном обеде в свом доме министр Разумовский говорил отцу поэта, Сергею Львовичу:

— Я бы желал, однако же, образовать сына вашего в прозе...

— Оставьте его поэтом! — с жаром возразил Жуковский...

В 1816 году Державин умер. Через несколько дней после его смерти Дельвиг писал:

Державин умер! чуть факел погасший дымится,
о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают!
. . . . . .
Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой?
Кто, Пушкин?!
Кто пламенный, избранный Зевсом еще в колыбели, счастливец,
В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?
Молися каменам! и я за друга молю вас, камены!
Любите младого певца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные персты!

Так юный Пушкин занял на Парнасе место «патриарха певцов» Гаврилы Романовича Державина...

В. А. Жуковский был на шестнадцать лет старше Пушкина. И 20-летний Пушкин был очень польщен, когда «в тот высокоторжественный день, в который он окончил поэму «Руслан и Людмила», 1820, марта 26», получил от Жуковского портрет с надписью «Победителю ученику от побежденного учителя». А в 1824 году Жуковский писал Пушкину: «По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнасе...» Пушкин преклонялся перед Жуковским. Еще находясь в Лицее, он писал:

Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молиийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела...

Пушкин считает себя учеником Жуковского. И когда поэт Вяземский, отмечая растущую самостоятельность творчества своего юного друга, называет его «следствием Жуковского», Пушкин отвечает: «Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной...»

Пушкин высоко ценил и уважал своего старшего друга. У Жуковского была привычка, работая над стихами, бросать черновики на пол. Пушкин как-то подлез под стол, поднял брошенную им бумажку и, сияя своей белозубой улыбкой, сказал:

— Нам не мешает подбирать то, что бросает Жуковский...

Муза юного ученика вызывает изумление учителей и друзей. Вяземский пишет Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо, и все тут. Его «Воспоминания» скружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражениях, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и учения, и в нем будет прок, и горе нам. Задавит, каналья!»

Летом 1817 года, окончив Лицей, Пушкин передает Жуковскому для просмотра свою лицейскую тетрадь и через два месяца получает ее обратно с замечаниями, пометками и предлагаемыми вариантами некоторых стихотворений...

Пушкин направляет Жуковскому стихотворение «Надпись к портрету Жуковского» и взволнованное послание «Когда, к мечтательному миру». «Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!» — пишет по этому поводу Жуковский Вяземскому.

В первоначальной пушкинской редакции стихотворения «Когда, к мечтательному миру» была строка:

Он духом там — в дыму столетий!

Познакомившись со стихотворением, П. А. Вяземский пишет другу: «Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши: *В дыму столетий!* Это выражение — город. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом, не то этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли, что Державин испугался бы *дыма столетий?* О прочих и говорить нечего!»

Учитель признал себя побежденным... Скоро и сам ученик, повзрослев, начинает критически относиться

к учителям, постепенно освобождается от их влияния и становится на путь творческой самостоятельности. Поселившись по окончании Лицея в Петербурге, уже в апреле 1820 года Пушкин спрашивает Вяземского: «Читал ли ты последние произведения Жуковского, в бозе почивающего? слышал ли ты его «голос с того света» — и что ты об нем думаешь? Петербург душен для поэта».

Находясь позже в Кишиневе и получив из Петербурга несколько экземпляров своей вышедшей в свет поэмы «Кавказский пленник» и одновременно «Шильонского узника» Байрона в переводе Жуковского, Пушкин, попрежнему восхищаясь учителем, пишет Гнедичу: «Перевод Жуковского est un tour de force [1]. Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал, хотя утратил первоначальную прелесть. Уже он не напишет ни «Светланы», ни «Людмилы», ни прелестных элегий 1-ой части «Спящих дев». Дай бог, чтоб он начал создавать».

Проходит не более двух лет. Пушкин отбывает южную ссылку. Внимательно следит за выходящими в Петербурге новинками литературы. Спрашивает брата, выйдут ли дельвиговские «Северные цветы». Наблюдая за творчеством Жуковского, чувствует, что время перегнало Жуковского, и его романтические баллады стали уже вчерашним днем русской поэзии. Получив в Одессе от брата Льва три томика стихотворений Жуковского, он отвечает ему 13 июня 1824 года: «Жуковского я получил. Славный был покойник, дай бог ему царство небесное!..»

Был... Этот приговор 25-летний Пушкин вынес своему 40-летнему учителю, который намного пережил его. А через год, в 1825 году, Пушкин пишет брату, уже из Михайловского: «Письмо Жуковского наконец я разобрал. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!»

Давая через несколько лет после этого оценку вышедшей в 1830 году поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», Пушкин говорит о «величавой плавности» Ломоносова, о «яркой и неровной живописи» Державина, о «гармонической точности» — от-

[1] Представляет собою чудо мастерства *(фр.)*.

личительной черте школы, «основанной Жуковским и Батюшковым».

И в октябре того же 1830 года он пишет из Болдина своему другу П. А. Плетневу, что имел в виду посвятить «Бориса Годунова» Карамзину, но за его смертью решил посвятить ее Жуковскому... Дочери Карамзина, однако, просили его посвятить свой любимый труд памяти их отца.

«Итак,— писал Пушкин,— если еще можно, то напечатай на заглавном листе

Драгоценной для россиян памяти
Николая Михайловича
Карамзина
сей труд, гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностью посвящает
Александр Пушкин».

Письмо это показывает, как высоко ценил Пушкин Жуковского, своего старого учителя, который «имел решительное влияние на дух нашей словесности», как писал он о том Рылееву 25 января 1825 года из Михайловского...

К. Н. Батюшков также считался поэтом старшего поколения, хотя был всего на двенадцать лет старше Пушкина.

Для Пушкина Батюшков был чудотворцем, который «русские звуки заставлял звучать по-итальянски», и в посвященном ему стихотворении юный поэт писал:

Но что!.. цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею...

И сам Батюшков, посетив Лицей, был взволнован вдохновенным творчеством лицейского певца... Судорожно сжимая в руках листок со стихотворением «Юрьеву» («Любимец ветреных Лаис»), он воскликнул:

— О! Как стал писать этот злодей!..

Пушкин считал Батюшкова одним из наиболее значительных русских поэтов, но, отстаивая свою поэтическую самостоятельность, отказывался от навязываемой ему Батюшковым тематики — петь «войны кровавый пир». Ему всего шестнадцать лет, но он отвечает старшему, 28-летнему поэту:

Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.

И последнюю строку подчеркивает...

Позже, когда Батюшков тяжело и безнадежно заболел душевной болезнью, Пушкин писал о нем 25 января 1825 года из Михайловского: «Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастия и несозревшие надежды»...

Пушкин по-прежнему высоко ценит поэтов старшего поколения, но, по выражению того же Батюшкова, ему «Аполлон дал чуткое ухо», он тонко разбирается во всех тембрах и оттенках их поэтических звучаний и не может пройти мимо режущих его слух звуков.

«Звон» поэтических творений писателей той поры очень образно и ярко охарактеризовал Гоголь: «...у каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина, которого до сих пор не может еще позабыть наше ухо; этот густой, как смола или струя столетнего токая, стих Пушкина; этот сияющий, праздничный стих Языкова, влетающий, как луч в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мед из горного ущелья; этот легкий, воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук эоловой арфы; этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, щемящей русской грустью,— все они, точно разнозвонные колокола или бесчисленные клавиши одного великолепного органа, разнесли благозвучие по русской земле».

Отзывы выросшего Пушкина о фальшивых нотах своих учителей неожиданны, резки, и может возникнуть вопрос: не неблагодарность ли это со стороны гениального ученика...

Нет. Хорошо известно, что отличительными чертами Пушкина были верность и дружба.

Пушкин не может, конечно, забыть тех, кто были его наставниками и учителями в те дни, когда он еще нетвердыми шагами поднимался на вершину своей поэтической славы.

В библиотеке поэта находился и перешел затем к его старшему сыну Александру Александровичу экземпляр вышедшей в 1817 году второй части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова. В книге свыше 250 страниц, и все они испещрены на полях многочисленными поправками и заметками Пушкина.

Этих поправок около двухсот. Приведем лишь некоторые из них, чтобы видеть, как строго и требовательно относился Пушкин к печатному слову и как беспощаден он был в оценке литературных произведений даже таких больших и авторитетных поэтов, каким бесспорно являлся Батюшков.

Надежда

Все дар его: и краше всех
Даров надежда лучшей жизни!

Неудачный перенос

Выздоровление

Как ландыш под серпом
убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет...

Не под *серпом*, а под *косою;* ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных.

Последняя весна

К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.

черт знает что такое!

*К Г***чу*

Только дружба обещает
Мне бессмертия венок;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек.

Что за детские стихи!

К другу

Минутны странники, мы ходим по гробам;
Все дни утратами считаем:
На крыльях радости летим к своим друзьям
И что ж? их урны обнимаем.
Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;
Чело открытое одной из важных Муз
И прелесть — девственной Хариты.

прелесть!.. да и все прелесть!

звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков

***

Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов...
Увы! но с юностью
исчезнут и мечтанья...

прекрасно

дрянь

Послание г. В—му

И новый регламент и новые законы
В глазах прелестницы читать!

Mauvais goût [1]— это редкость у Батюшкова

*Ответ Г**чу*

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает...

Батюшков женится на Гнедиче!

В ряде стихотворений Пушкин перечеркнул отдельные строки, некоторые выражения Батюшкова заменил другими.

По поводу послания «Мои пенаты» он замечает: «Главный порок в сем прелестном послании есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни. Музы существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но *норы* и *келии*, где лары расставлены, слишком переносят нас в греческую хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином суворовского солдата с двуструнной балалайкой.— Это все друг другу слишком уже противоречит...»

Так оценивает выросший Пушкин произведения большого поэта, учителя своих юных лет...

Пушкин и его поэтические учителя представляли разные эпохи, и их поэтические пути разошлись. Пушкин призван был открыть новую блестящую страницу в русской литературе. Вокруг него выросла большая плеяда поэтов, творчество которых пронизано было идеями освободительной борьбы с самодержавием и крепостничеством. Все они, по выражению Гоголя, «зажигали свои свечи от его творческого огня», и многие из них образовали героическую когорту декабристов.

Державина, Жуковского, Батюшкова Пушкин искренне любил, высоко ценил и был им верен до конца дней. Но,

[1] Дурной вкус *(фр.)*.

когда критиковал, мог сказать словами древнеримского философа: «Amicus Plato, sed magis amica veritas» — «Платон мне друг, но истина мне больший друг»...

КЮХЛЯ

Это была лицейская кличка близкого друга Пушкина и Дельвига, поэта и чудака, долговязого, несколько похожего по своему романтическому складу мышления на Дон Кихота, певца свободы Вильгельма Карловича Кюхельбекера.

Директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт так характеризовал своего питомца:

«Читал все на свете книги обо всех на свете вещах, имеет много таланта, много прилежания, много доброй воли, много сердца и много чувства, но, к сожалению, во всем этом не хватает вкуса, такта, грации, меры и ясной цели. Он, однако, верная невинная душа, и упрямство, которое в нем иногда проявляется, есть только донкихотство чести и добродетели с значительной примесью тщеславия. При этом он, в большинстве случаев, видит все в черном свете, бесится на самого себя, совершенно погружается в меланхолию, угрызения совести и подозрения, и не находит тогда ни в чем утешения, разве только в каком-нибудь гигантском проекте».

Неудивительно, что эту «верную невинную душу» лицейские товарищи очень любили, но иногда и ранили своими острыми и беспощадными юношескими шутками.

Кюхельбекер помрачнел, когда прочитал «Эпиграмму на смерть стихотворца», в которой Пушкин иронизировал над поэтическим творчеством «внука Тредьяковского, Клита» — Кюхельбекера:

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи.
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

И совсем обиделся, когда вскоре после этого до него дошли новые озорные пушкинские стихи:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно.

В. В. Вересаев рассказывает в своей книге «Спутники Пушкина» о происхождении этих стихов:

«Кюхельбекер бывал, между прочим, у Жуковского и порядочно докучал ему своими стихами. Однажды Жуковский был зван куда-то на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский ответил:

— Я еще накануне расстроил себе желудок; к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома».

Кюхельбекер, узнав, кто автор стихов, «взбесился и вызвал Пушкина на дуэль. Никак нельзя было отговорить его. Пришлось Пушкину принять вызов. Кюхельбекер стрелял первый и промахнулся. Пушкин бросил пистолет и хотел обнять товарища. Но Кюхельбекер неистово закричал:

— Стреляй, стреляй!

Пушкин выстрелил в воздух, подал Кюхельбекеру руку и сказал:

— Полно дурачиться, милый; пойдем чай пить!»...

Однажды Кюхельбекер надулся за что-то на Дельвига, и тот сейчас же ответил эпиграммой:

Поэт надутый Клит
Навеки заклялся со мною говорить.
О Клит возлюбленный! смягчися, умоляю:
Я без твоих стихов бессонницей страдаю!

Кюхельбекер был еще слишком молод, чтобы понимать, что все это — лишь озорные дружеские шутки и остроты товарищей. Все они никогда не переставали любить друг друга. Для Пушкина Кюхельбекер — «брат родной по музе, по судьбам», для Кюхельбекера Пушкин — первый среди первых: тот, кого он горячо любил и перед кем преклонялся.

Все потрясены были, когда после 14 декабря 1825 года Кюхельбекер оказался в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем был приговорен к смертной казни, замененной двадцатилетними каторжными работами.

Свыше десяти лет провел Кюхельбекер в казематах Петропавловской, Шлиссельбургской, Динабургской, Ревельской и Свеаборгской крепостей. Свыше десяти лет в одиночном заключении!..

Но тяжелые годы не сломили его духа. Сердце его не остыло, и чувства не погасли. Об этом говорят многочисленные написанные им в казематах стихотворения.

Четырнадцатого октября 1827 года, накануне второй годовщины восстания декабристов, словно луч света прорезал окружавший узника мрак. В этот день Кюхельбекера

перевозили из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую, и на станции Залазы он неожиданно встретился с Пушкиным.

«Один из арестантов,— записал тогда Пушкин,— стоял опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели... Увидев меня, он с живостью на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга,— но куда же?»

Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его,

расстался тогда Пушкин со своим лицейским товарищем.

Больше они уже не встретились. Но оба долго вспоминали это неожиданное свидание и никогда не забывали друг друга.

Незадолго до восстания Пушкин получил от Кюхельбекера только что вышедшую его книгу «Шекспировы духи», драматическую шутку в двух действиях. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина.

Кюхельбекер был тогда на свободе, а Пушкин отбывал свою ссылку. Из Михайловского он написал Кюхельбекеру письмо, в котором благодарил за книгу и давал ей свою оценку: кое за что побранил, многое похвалил. Ряд мест отметил на полях карандашом...

Вышедший в 1824 году альманах «Мнемозина», издававшийся В. Одоевским и В. Кюхельбекером, также сохранился на полках пушкинской библиотеки.

В альманахе напечатана была статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие».

Статья вызвала возражения Пушкина.

Кюхельбекер находился уже в крепости, когда, полемизируя с ним, Пушкин писал:

«Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии. Критик смешивает вдохновение с восторгом...

Нет; решительно нет,— *восторг* исключает *спокойствие*, необходимое условие *прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частей в их отношении к це-

лому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно, не в силе произвесть истинное великое совершенство (без которого нет лирической поэзии)».

Известно, что многие тюремщики, охранявшие безмолвие одиночных камер, выделяли декабристов из среды остальных заключенных. Они относились к ним сочувственно и старались, чем могли, облегчить их участь.

И неудивительно, что даже из одиночной камеры Динабургской крепости до Пушкина дошел голос Кюхельбекера. Он получил от него написанное 10 июля 1828 года в заточении письмо, адресованное ему и А. С. Грибоедову:

«Любезные друзья и братья, поэты Александры! Пишу к вам вместе: с тем, чтобы вас друг другу сосводничать. Я здоров и, благодаря подарку матери моей — природы, легкомыслию, не несчастлив. Живу du jour au jour [1], пишу. Пересылаю вам некоторые безделки, сочиненные мною в Шлиссельбурге. Свидания с тобою, Пушкин, в век не забуду...— Если желаешь, друг, прочесть отрывки из моей поэмы, напиши к С. Бегичеву. Я на днях переслал ему их несколько. Простите! Целую вас.

В. Кюхельбекер».

Часто писать Кюхельбекер, конечно, не мог. Следующее письмо он направил Пушкину 20 октября 1830 года. Кюхельбекер сообщал, что голоса петербургской жизни от времени до времени доходили до него сквозь глухие крепостные стены. Он даже «слышал» в каторжной тюрьме, что Пушкин женится:

«Любезный друг Александр. Через два года, наконец, опять случай писать к тебе: часто я думаю о вас, мои друзья. Но увидеться с вами надежды нет, как нет; от тебя, то есть из твоей псковской деревни, до моего Помфрета, правда, не далеко; но и думать боюсь, чтобы ты ко мне приехал... А сердце голодно: хотелось бы хоть взглянуть на тебя! Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическом: мою бороду? фризовую шинель? медвежью шапку? Как ты, через семь с половиною лет, мог узнать меня в таком костюме? вот чего не постигаю!

Я слышал, друг, что ты женишься: правда ли? Если она стоит тебя, рад: но скажи ей или попроси, чтоб доб-

[1] Со дня на день *(фр.)*.

рые люди ей сказали, что ты быть молодым лордом Байроном не намерен, да сверх того и слишком для таких похождений стар.— Стар? Да, любезный, поговаривают уже о старости и нашей: волос у меня уже крепко с русого сбивается на серо-немецкий...

Сделай, друг, милость, напиши мне: удался ли мой «Ижорский» или нет?..

Напиши... разумеется, не по почте, а отдашь моим, авось они через год, через два или десять найдут случай мне переслать. Для меня времени не существует. Через десять лет или завтра для меня à peu près [1] все равно...

Престранное дело письма: хочется тьму сказать, а не скажешь ничего. Главное дело вот в чем: что я тебя не только люблю, как всегда любил, но за твою «Полтаву» уважаю, сколько только можно уважать...

Что́, мой друг, твой Годунов? Первая сцена: *Шуйский* и *Воротынский,* бесподобна; для меня лучше, чем сцена: *Монах* и *Отрепьев;* более в ней живости, силы, драматического. Шуйского бы расцеловать: ты отгадал его совершенно. Его: «А что мне было делать?» рисует его лучше, чем весь XII том покойного и спокойного историографа (Карамзина.— *А. Г.*)...»

Письмо это поразительно. Кюхельбекер благодарит своего друга за «Полтаву», дает оценку «Борису Годунову» и даже советует «не быть лордом Байроном» перед будущей молодой супругой... А ведь написано оно было не между двумя прогулками по Царскосельскому парку, где «с тополем сплелась младая ива», а в одиночной камере Динабургской крепости, куда даже луч света едва проникал... И ответа Кюхельбекер ждет «через год, через два или десять».

Какая глубокая безнадежность и одновременно бурлящее вдохновение в этих написанных им в тюрьме стихах:

Ужель и неба лучшие дары
В подлунном мире только сновиденье?
. . . . . .
И тот же мир и впечатленья те же,
Но прежних песней не уловит слух,
Но я не тот; уж нет живого чувства,
Которым средь свободных, смелых дум
Бывал отважный окрыляем ум:
Я робкий раб холодного искусства —
Седеет волос в осень скорбных лет;
Ни жару, ни цветов весенних нет...

[1] Более или менее *(фр.)*.

Драма «Ижорский», о которой Кюхельбекер упоминал в своем письме, была написана им в 1829 году в той же одиночной камере. Ему удалось переслать ее Дельвигу. Но Дельвиг скончался...

Пушкин только что женился тогда, проводил лето с молодою женою в Царском Селе, но просьбу своего друга не мог оставить без внимания. 19 июля 1831 года он обратился к их лицейскому товарищу М. Л. Яковлеву с тем, чтобы тот взялся получить у вдовы Дельвига, Софьи Михайловны, «готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же «Ижорский»...

Пушкин добавляет:

«Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать...»

Излишне говорить, как трудны и рискованны были в то время попытки печатать произведения находившихся на каторге декабристов.

Желая помочь томившемуся в крепости Кюхельбекеру, Пушкин решился на смелый шаг — он обратился к шефу жандармов Бенкендорфу со следующим письмом:

«Девица Кюхельбекер просила узнать у меня, не могу ли я взять на себя издание нескольких рукописных трагедий ее брата, которые он ей оставил. Я подумал, что на это необходимо разрешение Вашего превосходительства, а дозволения цензуры недостаточно. Надеюсь, что разрешение, о котором я ходатайствую, не повредит мне... Я был школьным товарищем Кюхельбекера, и естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому».

С «его величеством» нельзя было вообще говорить о декабристах. Тем более нельзя было обращаться к нему с просьбою разрешить напечатать произведение находившегося в крепости «государственного преступника». Но Пушкину помог в этом деле, по причинам необъяснимым, брат царя, великий князь Михаил Павлович. Мистерия «Ижорский» Кюхельбекера в 1835 году увидела свет. И любопытно, что печаталась книга «в типографии III Отделения собственной его величества канцелярии».

Видимо, не без помощи Пушкина был издан в 1836 году и «Русский Декамерон» Кюхельбекера.

Через шесть лет, 12 февраля 1836 года, Кюхельбекер пишет Пушкину из Баргузина, где живет теперь на поселении:

«Не знаю, как на тебя подействуют эти стихи: они писаны рукою, когда-то тебе знакомою; рукою этою водит сердце, которое тебя всегда любило; но двенадцать лет не шутка. Впрочем, мой долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе в минуту, когда считаю себя свободным писать к вам; *долг,* потому что и ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике. Книги, которые время от времени пересылал ты ко мне, во всех отношениях мне драгоценны: раз, они служили мне доказательством, что ты не совсем еще забыл меня, а во-вторых, приносили мне в моем уединении большое удовольствие...

Мое заточение кончилось: я на свободе, т. е. хожу без няньки и сплю не под замком...

Если пожелаешь письмá поскладнее, отвечай.— Обнимаю тебя».

Вместе с Вильгельмом Кюхельбекером в Баргузине отбывает ссылку брат его Михаил, который тоже шлет Пушкину привет и, со своей стороны, справляется, где находится Лев Пушкин.

Письмо это Пушкин получил в Петербурге в апреле 1836 года. Какими-то путями о нем осведомился шеф жандармов Бенкендорф и предложил поэту представить письмо Кюхельбекера и непременно сообщить, через кого оно получено.

Пушкин ответил, что письмо он получил, вернувшись с прогулки, и что оно вручено было его людям без всяких объяснений неизвестным лицом. И на другой день уехал в Москву...

Несмотря на столь неусыпный надзор, Пушкин не оставил письма Кюхельбекера без ответа. Баргузинского узника это очень обрадовало, и 3 августа 1836 года он снова написал другу:

«Ты хочешь, чтобы я говорил тебе о самом себе...— писал он.— Дышу чистым, свежим воздухом, иду, куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрыпу замков, ни шепота часовых при смене: все это прекрасно, а между тем — поверишь ли? — порою жалею о своем уединении. Там я был ближе к вере, к поэзии, к идеалу...

Есть случаи, где *«всяк человек ложь»;* но есть и такие, где всяк человек — истина. Писать *к тебе* и о самом себе — как не высказать того, что во мне бродит? А это еще рано...»

Набережная Мойки, 12. Последняя квартира А. С. Пушкина. Фотография.

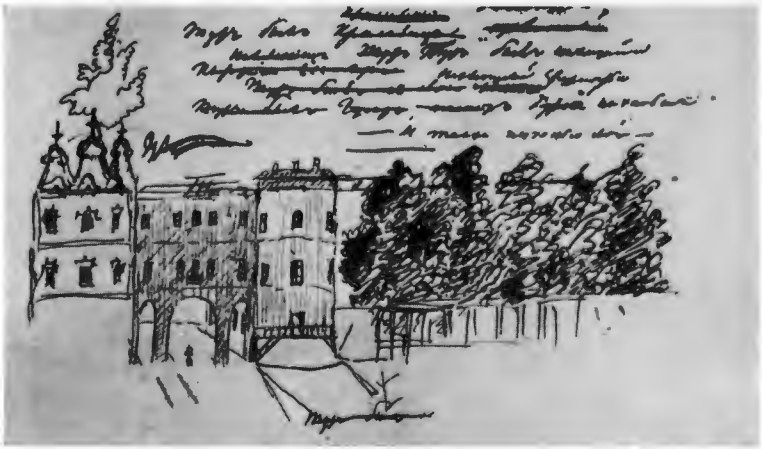
Пушкинский дом Академии наук СССР. Фотография.

Пушкин-лицеист. Гравюра Е. Гейтмана. 1822.

Здание Царскосельского лицея. Фотография.

Лицей. Рисунок А. С. Пушкина на рукописи восьмой главы романа «Евгений Онегин».

«Северные цветы». 1828 год. Обложка.

А. А. Дельвиг. Рисунок А. С. Пушкина.

О. С. Пушкина, сестра поэта. Неизвестный художник.

Л. С. Пушкин, брат поэта. Художник А. Орловский.

Княгиня Е. И. Голицына.
Художник Д. Грасси.

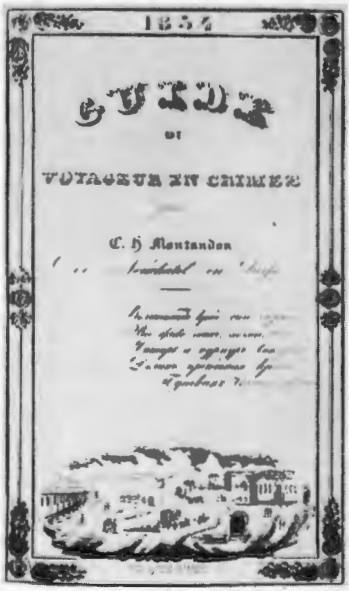
Н. В. Всеволожский. Художник О. Дезарно.

Одесса. Театр. Литография. 1832.

Г. Монтандон. Путеводитель по Крыму. Титульный лист.

И. И. Козлов. Гравюра с портрета О. Кипренского.

Е. А. Баратынский. Портрет работы Ж. Вивьена.

А. П. Керн. С миниатюры работы неизвестного художника.

А. С. Пушкин. Художник П. Соколов.

В. К. Кюхельбекер. Гравюра
И. Матюшина.

А. А. Бестужев (Марлинский).
Акварель Н. А. Бестужева.

Н. М. Карамзин. Гравюра А. Флорова с портрета В. Тропинина.

В. А. Жуковский. Гравюра А. Флорова с портрета П. Соколова.

Пушкин и Онегин. Гравюра Е. Гейтмана с рисунка А. Нотбека.

Пушкин и Онегин. Зарисовка А. С. Пушкина в письме к брату.

Нащокинский домик. Спальня и гостиная. Макет. 1830-е годы.

П. В. Нащокин. Художник К. Мазер.

Княгиня Н. П. Голицына. Портрет работы неизвестного художника.

Н. К. Загряжская, тетка жены А. С. Пушкина. Художник П. Соколов.

Н. А. Дурова. Литография.

Заглавная виньетка 1-го тома сборника «Новоселье». Рисунок А. Брюллова.

А. С. Пушкин. Художник А. Линев.

И. И. Пущин. Автолитография неизвестного художника.

Письмо Кюхельбекера большое. Оно посвящено в значительной своей части литературе. Он говорит в нем о Шекспире, Альфреде де Виньи, Гюго. Просит прислать ему произведения Тацита и Эсхила с комментариями, хороший латинский словарь, «Сакунталу» на английском языке и «Шах-намэ» на немецком. Пишет о Гоголе, Кукольнике и Хомякове. Принимает предложение Пушкина сотрудничать в «Современнике».

Так в крепостных казематах, на каторге и в ссылке не угасало творческое горение старого лицеиста...

Последнее свое письмо Пушкину Кюхельбекер написал в канун двадцать пятой лицейской годовщины.

Письмо восторженное: «Grande nouvelle! [1] Я собираюсь — жениться... Что-то бог даст. Для тебя, поэта, по крайней мере важно хоть одно, что она *в своем роде* очень хороша: черные глаза ее *жгут душу;* в лице что-то младенческое и вместе что-то страстное... Но довольно. Завтра 19 октября. Вот тебе, друг, мое приношение. Чувствую, что оно недостойно тебя, но, право, мне теперь не до стихов».

К письму Кюхельбекер приложил написанное им стихотворение «19 октября 1836 года»...

В этот самый день одиннадцать друзей, лицейских товарищей первого выпуска, собрались, чтобы в двадцать пятый раз «день Лицея торжествовать».

Пушкин писал своею рукою протокол. И в нем был пункт третий: «читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей».

Протокол подписывали своими лицейскими кличками.

Пушкин читал на этой встрече посвященное годовщине стихотворение. Оно начиналось строками:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.

И Кюхельбекер, точно перекликаясь с Пушкиным, писал в тот же день друзьям из далекого Баргузина:

Шумит поток времен. Их темный вал
Вновь выплеснул на берег жизни нашей
Священный день, который полной чашей
В кругу друзей и я торжествовал...

---

[1] Большая новость! *(фр.).*

Одиннадцать лет назад, в 1825 году, находясь в михайловской ссылке, Пушкин говорил в стихотворении «19 октября»:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Это было за два месяца до восстания 14 декабря. Кюхельбекер был тогда еще на свободе. Сегодня Пушкин пользовался уже относительной свободой, а Кюхельбекер, декабрист Кюхельбекер, отбывал ссылку. Оттуда он обратился к Пушкину с страстным призывом:

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как перуны
Сибирских гроз, его златые струны
Рокочут... Пушкин, Пушкин! это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты;
Твои живые, вещие мечты
Меня не забывали в ту годину,
Как пил и ты, уединен, кручину.

Свое взволнованное обращение Кюхельбекер закончил трогательным признанием и вопросом:

О друг! хотя мой волос поседел,
Но сердце бьется молодо и смело
Во мне душа переживает тело,
Еще мне божий мир не надоел.
Что ждет меня? Обманы наш удел,
Но в эту грудь вонзилось много стрел;
Терпел я много, обливался кровью:
Что, если в осень дней столкнусь с любовью?

Теми же самыми настроениями был охвачен и Пушкин, отразивший их в своей написанной перед женитьбой «Элегии».

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней,
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
. . . . . .
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Девятнадцатое октября 1836 года... Это последняя встреча Пушкина с друзьями лицейской юности. Своего

посвященного этой годовщине стихотворения он не дочитал. Когда-то Пушкин писал: «Суровый славянин, я слез не проливал...» Но в этот вечер поэт настроен был грустно. Он начал читать свои стихи, и при первых же словах слезы покатились из глаз его...

Стихотворение осталось неоконченным. И скоро Пушкина не стало...

Через два года, 19 октября 1838 года, в двадцать седьмую лицейскую годовщину, Кюхельбекер писал из ссылки:

А я один средь чуждых мне людей,
Стою в ночи, беспомощный и хилый
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей.
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,
Последний пал, родимый мне поэт...
И вот опять Лицея день священный;
Но уж и Пушкина меж вами нет.

Не принесет он новых песней вам,
И с них не затрепещут перси ваши,
Не выпьет с вами он заздравной чаши:
Он воспарил к заоблачным друзьям —
Он ныне с нашим Дельвигом пирует,
Он ныне с Грибоедовым моим:
По них, по них душа моя тоскует,
И жадно руки простираю к ним.

Пора и мне!..

Кюхельбекер прожил еще восемь лет. Печальны были последние годы жизни поэта.

Из Баргузина его перевели в Акшу, затем в Смоленскую слободу Курганского округа, в Ялуторовск и, наконец, в Тобольск. Жена всюду сопровождала мужа в его кочевой поселенческой жизни. У них было трое детей.

В написанных в те годы стихотворениях Кюхельбекер выражал свои горькие думы и настроения. Поэт вспоминал молодость и парижские лекции, в которых говорил о свободолюбивых традициях великого русского народа, доказывал неизбежность победы угнетенных над силами деспотизма и варварства. И в изгнании он живо отзывался на те или иные вести о товарищах и друзьях. Вспоминал казненного Рылеева, рано ушедших из жизни Грибоедова и Дельвига, Гнедича... Посвятил большое стихотворение погибшему в борьбе за освобождение Греции Байрону и позже — Виктору Гюго, когда прочитал известие о гибели его дочери.

Узнав о смерти в енисейской больнице А. И. Якубовича, Кюхельбекер писал:

Все, все валятся сверстники мои,
Как с дерева валится лист осенний...
. . . . . .
Он был из первых в стае той орлиной,
Которой ведь и я принадлежал...
Тут нас, исторгнутых одной судьбиной,
Умчал в тюрьму и ссылку тот же вал...

Себе самому он посвятил, незадолго до смерти, стихотворение «Усталость»:

Да! чаша житейская желчи полна;
Но выпил же эту я чашу до дна,—
И вот опьянелой, больной головою
Клонюсь и клонюсь к гробовому покою.

Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
Узнал слепоты нерассветную тьму
И совести грозной узнал укоризны,
И жаль мне невольницы милой отчизны.

Мне нужно забвенье, нужна тишина...
. . . . . .

В день своего рождения поэт написал небольшое стихотворение, в котором несколькими словами обрисовал свой жизненный путь:

Нет в жизни для меня обмана.
Блестящ и весел был восход,
А запад весь во мгле тумана.

И в этом сумрачном настроении, больной и ослепший, В. Кюхельбекер остался верен идеалам молодости. Он писал М. Н. Волконской за год до смерти:

А в глубине души моей
Одно живет прекрасное желанье:
Оставить я хочу друзьям воспоминанье,
Залог, что тот же я;
Что вас достоин я, друзья...

Одиннадцатого августа 1846 года В. Кюхельбекер умер, окруженный друзьями и товарищами по изгнанию. Почти ежедневно его навещал служивший в Тобольске П. П. Ершов, автор известной сказки «Конек-Горбунок».

Жена В. Кюхельбекера просто и безыскусственно сообщила родным в Петербург о смерти мужа: «Похоронили его через три дня, как желал В. К., надлежащим порядком. Все товарищи приняли участие, вынесли из дому на руках своих и в похоронах хотят принять участие. Но я в этом случае не расположена и желаю принять употребленные расходы для друга на свой счет».

Детей Кюхельбекера взяла к себе и воспитала в Петербурге Ю. К. Глинка, сестра декабриста.

Жена его осталась в Сибири. В течение многих лет она получала пособие от Литературного фонда.

«НЕСПРАВЕДЛИВ ТВОЙ ПРИГОВОР...»

Во второй половине сентября 1828 года Пушкин получил от своего друга П. А. Вяземского письмо из Остафьева:

«Вот тебе послание,— писал Вяземский,— от одной костромитянки... Эта Готовцова точно милая девица телом и душою. Сделай милость, батюшка Александр Сергеевич, потрудись скомпоновать мадригалец в ответ, не посрами... Нельзя ли напечатать эти стихи в «Северных цветах»: надобно побаловать женский пол, тем более, что и он нас балует, а еще тем более, что весело избаловать молодую девицу...»

К письму Вяземский приложил стихотворное послание к Пушкину молодой поэтессы А. И. Готовцовой и свои собственные, посвященные ей стихи.

Обитательница глубинной Костромы была талантливой поэтессой. В. Г. Белинский причислял ее к крупным женским дарованиям эпохи. Не скрывая своего восхищения творчеством Пушкина, она писала ему:

О Пушкин! слава наших дней,
Поэт, любимый небесами!
Ты век наш на заре своей
Украсил дивными цветами:
Кто выразит тебя сильней
Природы блеск и чувства сладость,
Восторг любви и сердца радость,
Тоску души и пыл страстей?
Кто не дивился вдохновеньям,
Игривой юности мечтам,
Свободных мыслей выраженьям,
Которые ты предал нам?
В неподражаемой картине
Ты нам Кавказ изобразил
И деву гор, и плен в чужбине,
Черкесов жизнь в родной долине
Волшебной кистью оживил.
Дворец и сад Бахчисарая,
Фонтан любви, грузинки месть,
Из края в край не умолкая,
Гласят поэту славы весть.
Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!..
. . . . . .

Несправедлив твой приговор;
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор.

Готовцова не указала в своем послании, что именно вызвало ее недовольство, и Пушкину оставалось лишь догадываться, о каком его «несправедливом приговоре» писала поэтесса.

Вяземский познакомился с Готовцовой, приехав в Кострому. Это была умная и культурная девушка, внимательно следившая за новинками литературы. Свое послание она, видимо, написала под влиянием появившихся в печати резких отзывов Пушкина о женщинах.

В «Московском вестнике» Пушкин опубликовал в 1827 году «Отрывок из «Евгения Онегина» под названием «Женщины».

Приводим эти строфы. Они интересны и по содержанию, и потому, что должны были стать начальными строфами четвертой главы «Евгения Онегина».

Позже Пушкин передумал и не включил их ни в одно из изданий романа.

В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол;
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством,
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством,
Пред ней я таял в тишине:
Ее любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством.
Жить, умереть у милых ног —
Иного я желать не мог.

То вдруг ее я ненавидел,
И трепетал, и слезы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злобных, тайных сил;
Ее пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры —
Все было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Все в ней алкало слез и стона,
Питалось кровию моей...
То вдруг я мрамор видел в ней,
Перед мольбой Пигмалиона
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркий и живой.

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон, забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою...
Я долго был пленен одною —
Но был ли я любим, и кем,
И где, и долго ли?.. зачем
Вам это знать? не в этом дело!
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно,
И все в нем пусто и темно.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменя,
Не могут надивиться нами,
Себя по совести ценя.
Восторги наши своенравны
Им очень кажутся забавны;
И право, с нашей стороны
Мы непростительно смешны.
Закабалясь неосторожно,
Мы их любви в награду ждем,
Любовь в безумии зовем,
Как будто требовать возможно
От мотыльков или лилей
И чувств глубоких и страстей!

Через год, в 1828 году, в дельвиговском альманахе «Северные цветы» Пушкин напечатал свои «Отрывки из писем, мысли и замечания», в которых так высказался о литературных суждениях женщин:

«Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки».

Пушкин не мог сразу ответить молодой поэтессе: в те дни, когда он получил ее стихи, ему было не до нее. Он написал Вяземскому, что живет среди хлопот и неприят-

ностей всякого рода: «Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец «Гавриилиада»; приписывают ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность... Все это не весело...»

«Гавриилиаду», как известно, написал Пушкин, но отрекся от нее, когда особая следственная комиссия под непосредственным наблюдением Николая I начала расследование дела. Поэт умышленно извратил факты в расчете, что николаевские жандармы вскроют его письмо Вяземскому и следствие будет направлено таким образом по ложному пути...

Пушкин находился в то время в Малинниках Старицкого уезда Тверской губернии, в имении своих соседей по Тригорскому: он работал над «Полтавой», заканчивал седьмую главу «Евгения Онегина».

Лишь 26 ноября 1828 года отправил редактору «Северных цветов» Дельвигу письмо: «Вот тебе ответ Готовцовой (черт ее побери), как ты находишь ces petits vers froids et coulants [1]. Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрям упрекает? — в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или... в беспорядочном поведении? Господь ее знает».

В своем «Ответе А. И. Готовцовой» Пушкин писал:

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им — но и робею:
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

Готовцовой было действительно «мало барыша» от пушкинских стихов. Вяземский, «язвительный поэт, остряк замысловатый», писал ей:

[1] Эти холодные и гладенькие стишки *(фр.)*.

Благоуханием души
И прелестью подобно розе,
И без поэзии, и в прозе
Вы достоверно хороши.

Но мало было вам тревожить
В нас вдохновительные сны;
Вы захотели их умножить
Дарами счастливой весны.

Вы захотели примирить
Существенность с воображеньем,
За вдохновенье вдохновеньем,
За песни песнями платить.

Дается редкому поэту
Быть поэтическим лицом:
В гостиной смотрит сентябрем,
Кто чародей по кабинету.

Но в вас, любимица наук,
С плодом цвет свежий неразлучен:
С улыбкой вашею созвучен
И стих ваш, сердца чистый звук.

На полках пушкинской библиотеки стоит томик «Северных цветов» на 1829 год. Его страницы знакомят нас с этой стихотворной перепиской трех поэтов.

По существу своего «несправедливого приговора» Пушкин ничего Готовцовой не ответил, хотя одновременно писал:

«Не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостью чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами? Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещенны, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые, бог ведает, почему».

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ»

В глухую ночь своей знаменитой болдинской осени 1830 года Пушкин закончил девятую, последнюю, главу «Евгения Онегина» и на следующий день, 26 сентября, составил план и хронологию своего романа, который до того выходил в свет отдельными главами.

По этому плану роман должен был состоять из трех частей, по три главы в каждой. Всем главам Пушкин дал свои названия: первой — «Хандра», второй — «Поэт», третьей — «Барышня», четвертой — «Деревня», пятой —

«Именины», шестой — «Поединок», седьмой — «Москва», восьмой — «Странствие», девятой — «Большой свет». Подготовляя «Евгения Онегина» к печати, Пушкин, однако, решил все эти названия глав отбросить. На плане поэт обозначил даты начала и окончания работы над романом: 1823 год, 9 мая, Кишинев — 1830 год, 25 сентября, Болдино.

Всегда нуждаясь в деньгах, Пушкин на том же листке подсчитал, сколько принесет ему издание «Онегина». Он имел в виду тираж в 2400 экземпляров по 15 рублей за экземпляр. Умножил. Получилось 36 000. Но очень нужны были деньги, и Пушкин, видимо, повысил цену, написал другую цифру — 25 и обвел ее кружочком... Роман продавался, однако, не по этой цене, а по 12 рублей за экземпляр...

Закончив эти финансовые выкладки, Пушкин произвел еще один подсчет: сколько времени он трудился над «Евгением Онегиным»? Получилось: 7 лет 4 месяца 17 дней.

По первоначальному замыслу «Евгений Онегин» должен был состоять из двух частей по двенадцати глав в каждой. Один из знакомых поэта, М. В. Юзефович, рассказывал со слов Пушкина: «Он объяснил нам довольно подробно все, что входило в первоначальный замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».

Первую главу Пушкин начал писать в Кишиневе 9 мая 1823 года. Поэт работал обычно с раннего утра, еще не вставая с постели. Приятели часто заставали его то задумчивого, то помирающего со смеху над тою или иною строфою романа. Очень скоро Пушкин закончил черновик начальных строф первой главы и поставил дату: «28 мая ночью». Муза ни на один час не покидала его в эти девятнадцать дней...

Третьего июля Пушкин переезжает из Кишинева в Одессу. Его доброго и благожелательного начальника, генерала Инзова, о котором поэт всегда говорил «с чувством сыновнего умиления», «Инзушку», как он его называл, сменил сухой и черствый вельможа и англоман Воронцов.

Обстановка и условия жизни поэта резко изменились. Изменилось и настроение. Пушкин получал теперь жалованье ежемесячно по третям каждый раз по 225 рублей 60 копеек ассигнациями, и денег всегда не хватало. Он пишет об этом брату Льву в Петербург и просит передать отцу, что не может жить «на хлебах у Воронцова»...

В Одессе Пушкин по-прежнему работает, оставаясь с утра в постели, полураздетый, с пером в руке и листком бумаги на коленях.

Знакомя читателя в первой главе романа с Онегиным, поэт рассказывает, как проводил его герой свой день.

Получив и прочитав полученные утром записочки и приглашения,

Покамест, в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*,
Онегин едет на бульвар,
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брегет
Не прозвонит ему обед.

Пушкин, поработав, тоже встает, одевается, заботливо ухаживает за своими бакенбардами и непомерно длинными ногтями и выходит на одесскую улицу. На нем строгий черный сюртук, черная шляпа à la Bolivar и тяжелая железная палка в руках.

Гуляет. Завтракает в кафе. Заходит в одесский Ришельевский лицей.

— Как это напоминает мне мой лицей! — радостно восклицает Пушкин, вспоминая Царское Село.

Он застает одного юнца за чтением его произведений.

— Охота вам читать этот вздор! — шутя и широко улыбаясь, замечает поэт.

Первая глава «Онегина» подвигается вперед медленно. То одно, то другое отвлекает...

Гуляя, Пушкин оказался однажды за городом. Офицер стоявшей там батареи П. А. Григоров узнал его и приветствовал орудийным залпом. Сбежались остальные офицеры и с триумфом повели поэта в свои палатки...

Вечером Пушкин обычно в театральных креслах. Поет знаменитая итальянская певица Аделина Каталани. Идут оперы Россини: «Севильский цирюльник», «Итальянка в Алжире», опера-буфф Чимарозы.

Пушкин знакомится с Амалией Ризнич, женою богатого одесского негоцианта, и увлекается ею. Эта страсть захватывает его. На рукописях появляются ее многочисленные портреты. Ей Пушкин посвящает строки:

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?

Еще до напечатания первой главы Пушкин опасался, что начало его реалистического романа, создававшегося

в пору господства романтизма, не будет понято современниками. Известный критик Н. Полевой писал, что многие смотрят на роман «косыми глазами предубеждений». Познакомившись с первой главой в рукописи, А. Бестужев высказался о ней в письме к Пушкину осуждающе.

Сам поэт писал брату Льву в начале 1824 года об «Онегине»: «это лучшее мое произведение. Не верь Н. Раевскому, который бранит его,— он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал».

Учитывая эти настроения, Пушкин написал для первого издания первой главы романа стихотворное предисловие: «Разговор книгопродавца с поэтом».

Поэт выступает в нем в качестве автора реалистического романа, героем которого стал обыкновенный человек.

Освободившись от изжившей себя романтической эстетики с ее субъективизмом, автор продает книгопродавцу свою рукопись.

По словам Белинского, в «Евгении Онегине» Пушкин взял современную жизнь «как она есть, не отвлекая от нее только одних поэтических ее мгновений, взял ее со всем холодом, со всею ее прозою и пошлостию...».

Двадцать второго октября 1823 года Пушкин заканчивает первую главу и уже на следующее утро, 23 октября, приступает ко второй. Вдохновение владеет им, и он в течение десяти дней создает семнадцать строф, в ноябре еще десять.

Восьмого декабря, ночью, Пушкин заканчивает вторую главу и под тридцать девятой строфой, которая должна была быть последней, ставит эту дату. Но позднее он добавляет еще одну строфу, в которой пишет, что ему было бы грустно мир оставить «без неприметного следа». И обращается к будущему читателю своего романа с «отдаленными надеждами», что звук его поэтической лиры напомнит о нем:

И чье-нибудь он сердце тронет;
И сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
Прими ж мои благодаренья,

Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

Пушкин из года в год носил с собою свой поэтический замысел и постепенно создавал главу за главой. Одни свободно и быстро «текли» из-под его пера, другие рождались медленно: жизнь с ее треволнениями, а часто любовь с ее волнующими страстями и ревностью прерывали его вдохновенный труд, отвлекали от работы.

Следующие четыре главы Пушкин написал в Михайловском. Третья была начата ночью 8 февраля 1824 года и закончена 2 октября того же года; строфы четвертой главы писались в разное время, начиная с 31 декабря 1824 года по 6 января 1826 года; пятая глава была начата 4 января 1826 года, окончена и переписана 22 ноября того же года; шестая закончена была 10 августа 1827 года. Седьмую главу Пушкин писал в Москве на протяжении 1827—1828 годов, начиная с 18 марта 1827 года по 4 ноября 1828 года.

Восьмая глава, впоследствии исключенная Пушкиным и напечатанная под заглавием «Отрывки из путешествия Онегина», была начата 24 декабря 1829 года и закончена 18 сентября 1830 года.

О причинах, заставивших поэта исключить восьмую главу, впоследствии рассказывал поэт и критик П. А. Катенин:

«Об восьмой главе Онегина слышал я от покойного в 1832 году, что сверх Нижегородской ярмарки и одесской пристани Евгений видел военные поселения, заведенные графом Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе с тем выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую».

Таким образом, следующую, девятую, главу, законченную 25 сентября 1830 года в Болдине, Пушкин сделал восьмой, а между нею и зашифрованной, а затем сожженной 19 октября 1830 года в Болдино, десятой главой поместил лишь «Отрывки из путешествия Онегина». На последней странице рукописи «Метели» Пушкин пометил 19 октября 1830 года: «Сожж. X песнь».

По поводу изъятия из романа целой главы Пушкин писал в предисловии к последней главе:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем, весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифрой; но во избежание соблазна решился он лучше выставить вместо девятого нумера осьмой над последней главою Евгения Онегина и пожертвовать одою из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти Каменам,

и проч...».

В романе нельзя было говорить о самом главном событии первой четверти XIX века — о восстании декабристов. Это заставило поэта пересмотреть и коренным образом изменить намеченный им план...

Пушкин задумал свой роман как «шуточное описание нравов» своего времени, но постепенно, в процессе многолетнего творческого труда, роман превратился в широкую картину русской жизни начала прошлого века. «Евгений Онегин» — самое крупное, наиболее популярное и первое подлинно реалистическое произведение в мировой литературе XIX века.

«Все-таки он лучшее мое произведение»,— писал Пушкин А. Бестужеву в марте 1825 года об «Онегине».

Роман Пушкин посвятил своему другу — писателю и критику П. А. Плетневу:

Прими собранье пестрых глав,
Полу-смешных, полу-печальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Современники высоко оценили «Евгения Онегина». «Как истинный художник,— писал В. Г. Белинский,— Пушкин не нуждался в выборе поэтических предметов для своих произведений, но для него все предметы были

равно исполнены поэзии. Его «Онегин», например, есть поэма современной действительной жизни не только со всею ее поэзиею, но и со всею ее прозою, несмотря на то, что она писана стихами... «Евгений Онегин» есть поэма *историческая* в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица... В ней Пушкин является не просто поэтом только, но и представителем впервые пробудившегося общественного самосознания; заслуга безмерная!»

В романе последовательно отразились впечатления петербургской жизни поэта в 1817—1820 годах и настроения во время пребывания в Михайловском в 1824—1825 годах.

В этом «собранье пестрых глав» рядом с Онегиным и другими героями зримо присутствует и сам Пушкин: роман насыщен многочисленными «лирическими отступлениями», отражающими страницы личной жизни поэта и его взаимоотношений с друзьями.

Отступления эти весьма разнообразны и часто неожиданны. Главную нить рассказа вдруг прерывает воспоминание о юной Марии Раевской, пленившей поэта во время незабываемой поездки по Крыму:

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!

Или строфа — «У ночи много звезд прелестных», посвященная Александре Римской-Корсаковой, в семье которой Пушкин часто бывал.

И строфа, в которой упоминается «Чадаев» — друг ранней юности Пушкина.

Неожиданно вспоминаются поэтом «старик Державин», «певец *Пиров* и грусти томной» Баратынский, «Языков вдохновенный», товарищи послелицейских лет — «архивны юноши», петербургские театры —

Там, там, под сению кулис
Младые дни мои неслись...

Первая встреча с музой:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

А в письме к П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 года Пушкин прямо признается: «...мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне «Онегина» я изобразил свою жизнь...»

О «лирических отступлениях» Пушкина Белинский писал: «Отступления, делаемые поэтом от рассказа, обращения его к самому себе исполнены необыкновенной грации, задушевности, чувства, ума, остроты: личность поэта в них является такою любящею, такою гуманною. В своей поэме он умел коснуться так многого, намекнуть о столь многом, что принадлежит к миру русской природы, к миру русского общества. «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением».

Жизнь Онегина, параллельно с жизнью самого Пушкина, вплетается в важнейшие события общественной жизни первой четверти XIX века.

Около восьми лет работал Пушкин над романом и за эти годы сблизился с своими героями, полюбил их:

Простите мне, я так люблю
Татьяну милую мою!
. . . . . .
Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу...

И Онегин стал близок Пушкину:

С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты...

Знакомя читателя в начальных строфах романа с Онегиным, Пушкин пишет, как однажды на берегу Невы

С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит...

И у поэта рождается веселая мысль. Он берет лист бумаги и рисует на нем карандашом «картинку»: на берегу Невы, опершись на гранит, стоят они оба в непринужденных позах — слева Пушкин, справа Онегин.

Под этими двумя фигурами Пушкин дает пояснения: «1. Хорош. 2. Должен быть — опершимся на гранит. 3. Лодка. 4. Крепость Петропавловская».

На обороте Пушкин пишет брату Льву письмо и в начале ноября 1824 года отправляет его из Одессы в Петербург: «Брат, вот тебе картинка для «Онегина» — найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтоб все в том же *местоположении*. Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно».

Льву Сергеевичу Пушкин поручил издание первой главы «Евгения Онегина», и рисунок должен был украсить ее.

Это очень занимает поэта, и в середине ноября он осведомляется у брата: «Будет ли картинка у «Онегина»?»

Первая глава вышла, однако, без «картинки», но в «Невском альманахе» за 1828 год художник А. Нотбек изобразил все так, как хотел Пушкин, и под рисунком поместил две строки из сорок восьмой строфы первой главы «Евгения Онегина».

Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке...

Увидев рисунок, поэт тут же написал:

Вот перешедши мост Кокушкин,
Опершись ..... о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

Юный Ленский, «с душою прямо геттингенской... поклонник Канта и поэт», был также очень дорог Пушкину. В ряде строф романа мы встречаем суждения Пушкина о поэтическом труде и судьбе поэта. И, вглядываясь в черты нарисованного Пушкиным портрета Ленского, невольно ставим их рядом...

Сравнивая Онегина с Ленским, Пушкин писал:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

Несмотря на это, мы часто узнаем черты Пушкина в образах и Онегина и Ленского. И это, очевидно, дало основание М. Горькому сказать, что Онегин — «брат Пушкина по духу», даже «портрет Пушкина». А по замечанию

Мицкевича, «Ленский — тоже Пушкин в одну из эпох его жизни». На сходство Пушкина с Онегиным обращал внимание Писарев, который даже отождествлял Пушкина с его героем.

Пушкин был хорошо осведомлен о том, что читала молодежь той поры. Он знакомит нас с кругом чтения его героев — Татьяны и Онегина, Ольги и Ленского. Пушкин упоминает в романе свыше восьмидесяти разных авторов, преимущественно иностранных. Произведения их мы находим в пушкинской библиотеке. Любую из этих книг он мог всегда снять с полки и открыть на нужной странице.

И мы убеждаемся, что «Евгений Онегин» — не только энциклопедия русской жизни начала прошлого века, но и своего рода справочник литературы той эпохи...

Перелистываем страницы романа главу за главой. Все они снабжены эпиграфами — цитатами из русских и иностранных писателей. Большинство из них нам знакомы. Есть и малоизвестные — Неккер, Мальфилатр...

В эпиграфе к четвертой главе «Евгения Онегина» Пушкин привел слова Неккера, министра Людовика XVI, сказанные в беседе с Мирабо: «La morale est dans la nature des choses» [1].

А Мальфилатр? Томик его произведений, в 269 страниц, изданный в 1825 году в Париже, стоит здесь же рядом. Это французский поэт, родившийся в 1733 году и умерший в 34-летнем возрасте. Автор поэмы «Нарцисс на острове Венеры», сюжет которой заимствован им у Овидия.

Томик Мальфилатра разрезан Пушкиным от начала до конца. Из него он взял эпиграф к третьей главе «Евгения Онегина»: «Elle était fille, elle était amoureuse» [2].

Французский поэт говорил о нимфе Эхо, влюбленной в Нарцисса, Пушкин — о Татьяне. В посвященной ей главе романа русский поэт чудесно преобразил строку своего французского собрата:

Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.

Обращает на себя внимание эпиграф из Горация ко второй главе: «O rus!» [3] — и рядом, по-русски: «О Русь!»

---

[1] Нравственность в природе вещей *(фр.)*.
[2] Она была девушкой, она была влюблена *(фр.)*.
[3] О деревня! *(лат.)*

Ставя эти созвучные слова рядом, Пушкин передает впечатления, вынесенные им из жизни в русской деревне в годы ссылки... Их совсем в другом плане поэт отразил ранее в своей «Деревне»...

Что читала Татьяна?

Ей рано нравились романы,
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо...

Это были авторы модных в пушкинское время сентиментальных романов XVIII века, которыми зачитывались русские провинциальные девушки из дворянской среды. Особым успехом пользовался роман Ричардсона «Кларисса Гарлоу»; главным действующим лицом его был Ловлас, имя которого сделалось нарицательным.

В библиотеке Пушкина было три тома произведений Ричардсона на английском языке, читал их поэт еще в годы своего михайловского заточения. Он часто бывал тогда в Тригорском и там нашел роман «Кларисса Гарлоу», нарисовал на полях чей-то женский профиль, но читал без увлечения. «Читаю Кларису: мочи нет, какая скучная дура»,— написал он брату.

На этих романах, в которых говорилось главным образом о любви и сильных чувствах благородных героев, и воспитывалась Татьяна...

Мы алчем жизнь узнать заране,
И узнаем ее в романе,—

писал Пушкин в изъятой им девятой строфе первой главы «Евгения Онегина».

Встретившись с Онегиным, Татьяна продолжает «пить обольстительный обман» —

Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон,
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

«Любовник Юлии Вольмар»... Это Сен-Пре — герой романа «Новая Элоиза» Жан-Жака Руссо, двадцатитомное

собрание сочинений которого находится на полках пушкинской библиотеки. Читательницы этого романа были увлечены письмами Юлии Вольмар к своему учителю Сен-Пре. А сама Татьяна воображала себя героиней

Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной...

Дельфина — героиня вышедшего в 1802 году и имевшего в пушкинскую пору большой успех романа французской писательницы де Сталь — «Дельфина».

Малек-Адель — герой «посредственного», по определению Пушкина, романа французской писательницы Коттен «Матильда, или Воспоминания из эпохи крестовых походов». Де Линар — герой сентиментального автобиографического романа баронессы Крюднер, современницы Пушкина, жены русского дипломата,— «Валерия, или Письма Густава де Линара к Эрнесту де Г.», вышедшего в 1804 году третьим изданием. Пушкин находил его прекрасным.

Широкой популярностью пользовался в пушкинскую пору прочитанный Татьяной роман Гете «Страдания молодого Вертера», герой которого Вертер покончил с собою из-за несчастной любви к Лотте.

И «бесподобный Грандисон» — персонаж романа Ричардсона «История сэра Ричарда Грандисона».

Татьяну интересуют люди со сложными характерами, самоотверженные, способные на большое чувство и борьбу —

Британской музы небылицы,
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль Вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.

Кто они? «Вампир» — появившаяся в 1819 году на английском языке, полная таинственных приключений повесть, которую ошибочно приписывали Байрону. Автором ее был доктор Полидори, путешествовавший с Байроном по Швейцарии и слышавший от него фабулу повести.

Мельмот — герой «гениального», по мнению Пушкина, романа английского писателя Роберта Мэтьюрина «Мельмот-скиталец». Это — сверхъестественное существо, обреченное служить злу. Эпизоды ужасов испанской инквизиции перемежаются в романе с трагическими любовными

приключениями. В библиотеке Пушкина было два романа Роберта Мэтьюрина.

В том же «Мельмоте-скитальце» упоминается и легенда о «Вечном жиде», который наказан был мучительным бессмертием и вечным скитанием за то, что оскорбил шедшего на казнь Христа.

«Корсар» — романтическая восточная поэма Байрона. Ее герой — мрачный разбойник Конрад, находившийся «в борьбе с людьми и во вражде с небом».

«Таинственный Сбогар» — герой известного романа французского академика Шарля Нодье «Жан Сбогар». В пушкинской библиотеке было семитомное собрание произведений Нодье и еще несколько книг этого автора...

После встречи с Онегиным и наивно-доверчивого письма к нему, после зловещего сна книги эти уже не занимали Татьяну...

Но ни Виргилий, ни Расин,
Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека,
Ни даже Дамских Мод Журнал
Так никого не занимал,—

как занимал Мартын Задека —

Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

Мартына Задеку ей «уступил за три с полтиной» вместе с «разрозненной *Мальвиной*» «кочующий купец», и Татьяна дала ему в придачу грамматику, которая ей уже не нужна была, третий том Мармонтеля и две «Петриады» — поэмы того времени о Петре Великом.

Мартын Задека издал в Петербурге в 1821 году «Толкователь снов», объемом в 256 страниц, с очень сложным и любопытным названием: «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного сташестилетнего старца Мартына Задеки, по которому узнавал он судьбу каждого через круги счастия и несчастия человеческого, с присовокуплением Волшебного Зеркала или толкования снов; также правил Физиогномии и Хиромантии, или Наук, как узнавать по сложению тела и расположению руки или чертам свойства и участь мужеского и женского пола, с приложением его ж Задека предсказания любопытнейших в Европе происшествий, событием оправданное, с прибавлением Фокус-Покус и забавных Загадок с Отгадками»...

Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит.

Посетив после гибели Ленского, перед отъездом из деревни в Москву, дом Онегина и оказавшись в его кабинете,

...чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

Этот «мир иной» открылся ей в произведениях «певца Гяура и Жуана» — Байрона и двух-трех романах.

Среди этих романов на первом месте был роман Бенжамена Констана «Адольф». Герой его — пресыщенный жизнью аристократ, насмешливый, злой, скучающий, одинокий человек; затем роман Шатобриана «Гений христианства», в котором автор описывает типичные для байронических героев настроения.

Окунувшись в этот мир, Татьяна начинает понемногу понимать, по ком она осуждена вздыхать:

Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще...

Что читал Онегин?

Знакомя читателя с героем своего романа, Пушкин пишет, что Евгений мог «потолковать об Ювенале», римском поэте, авторе сатир, в которых изображалась жизнь человеческого общества первого века нашей эры. Онегин изучал латинский язык и

...помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха...

Сам Пушкин еще в Лицее познакомился с римскими поэтами. Вергилия, автора «Энеиды», он упоминает в 1814 году в «Бове», а через год в «Городке»... Евгений

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита...

Пушкин, наоборот, очень любил Гомера, легендарного слепого поэта, слагавшего свои песни на берегу тихого ручья в древней Смирне. Гомер ходил по городам и весям Древней Греции и декламацией «Илиады» и «Одиссеи» зарабатывал свой хлеб.

Древнегреческий поэт Феокрит был автором слащавых буколических поэм.

Адам Смит, которого читал Онегин, известный английский экономист, автор труда «Богатство народов». Пушкин его высоко ценил.

Было еще нечто, в чем Онегин «истинный был гений, что знал он тверже всех наук». Это

Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон...

Овидий Назон — в трех книгах своих сорока девяти любовных элегий и особенно в нашумевшей «Науке любви».

Книги эти занимали почетное место и на полках пушкинской библиотеки...

Онегин, «ученый малый, но педант», знал и произведения западноевропейских авторов. В черновиках пятой строфы первой главы были строки, в дальнейшем изъятые, которые дают представление о литературных вкусах Онегина:

Подозревали в нем талант,
И мог Евгений в самом деле
Вести приятный разговор
О Мирабо, о Мармонтеле,
О карбонарах, о Парни,
О Байроне и Бенжамене,
Об генерале Жомини.

Имя Мирабо, крупного деятеля французской революции, «колоссального Мирабо», как называл его Пушкин, «пламенного трибуна, предрекшего перерождение земли», хорошо известно.

Мармонтель, близкий к просветителям французский писатель,— автор популярных «Сказок» и романа «Велизарий», в котором выступил против тирании верховной власти и говорил о несовершенстве законов, бедности народа.

Карбонарами назывались члены тайной революционной организации так называемых угольщиков. Организация эта возникла в Италии, ее целью была борьба против французского владычества, она имела связи с революционерами Франции, Швейцарии, Польши, и с нею были знакомы определенные круги молодежи пушкинского времени. О ней знали и декабристы, членом ее стал Байрон, принявший участие в борьбе за освобождение Греции.

Французский поэт Парни, широко известный своими элегиями, упоминается здесь как автор саркастических, направленных против католицизма поэм.

После дуэли и гибели Ленского, после новой встречи с Татьяной

Стал вновь читать он без разбора.
Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля,
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы...

Любую из этих книг мы можем найти на полках пушкинской библиотеки.

Здесь и художественная литература: Собрание сочинений госпожи Сталь, издания 1820 года; восьмитомное Собрание сочинений французского писателя Шамфора, известного своими афоризмами, мыслями, замечаниями и анекдотами, изданное в 1812 году; русские альманахи и журналы.

Исторические сочинения: тринадцатитомное издание, 1793 года, английского историка Гиббона, автора фундаментальной «Истории упадка и разрушения Римской империи»; критические очерки Тери, издания 1832 года, о русской и иностранной литературе — в книге имеется статья немецкого поэта и мыслителя Гердера; произведения Манзони, издания 1834 года, автора исторического романа «Обреченные», которым восхищался Пушкин.

Философские сочинения французского энциклопедиста и философа Жан-Жака Руссо, издания 1818 года; «скептического Беля» — французского философа Бейля, о котором К. Маркс писал впоследствии, что он «возвестил появление *атеистического общества...*», доказавшего, что «*возможно* существование общества, состоящего из одних только атеистов, что атеист *может* быть почтенным человеком, что человека унижает не атеизм, а суеверие и идолопоклонство» [1]. Восьмитомное Собрание сочинений, издания 1767 года, французского писателя и философа Фонтенеля, который вместе с Бейлем выступал против христианства, чудес и суеверий.

Труды по физиологии и медицине: изданные в 1829 году научные изыскания о жизни и смерти знаменитого

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 141—142.

французского академика Биша; работы швейцарского врача А. Тиссо, автора распространенных в свое время сочинений о прививке оспы и других.

Таков был круг чтения Онегина.

Литературные интересы и внутренний облик Ленского Пушкин ясно и четко отразил всего в нескольких строках:

...Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты...

И дальше:

Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете,
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем.

Существует предположение, что прототипом Ленского явился Кюхельбекер, но мы находим в нем, как уже отмечалось, черты и самого Пушкина. Те же «вольнолюбивые мечты» у обоих поэтов. Как и Пушкин,

Он пел любовь, любви послушный...

Как и Пушкин, Ленский писал в альбомы стихи и мадригалы, и, как у Пушкина, «чаще гневною сатирою одушевлялся стих» Ленского.

Что касается Ольги, то ее литературные интересы были очень ограниченны. Ленский

...иногда читает Оле
Нравоучительный роман...

Онегин шутливо называет ее «Филлидой», Пушкин в нескольких строках рисует ее портрет:

Все в Ольге... но любой роман
Возьмите, и найдете, верно,
Ее портрет...

Приступая к созданию «Евгения Онегина», Пушкин не надеялся увидеть свой роман в стихах напечатанным. «О печати и думать нечего»,— писал он 4 ноября 1823 года. Позднее, уже находясь в михайловской ссылке, поэт

Ленский. Рисунок А. С. Пушкина.

все же решил попытаться выпускать «Евгения Онегина» отдельными главами и писал Вяземскому: «Сленин предлагает мне за Онегина сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе, а я думал, что это ошибка географов».

Первая глава вышла в свет 18 февраля 1825 года значительным по тому времени тиражом в 2400 экземпляров и продавалась по 5 рублей за экземпляр ассигнациями, что составляло 1 рубль 43 копейки серебром.

Глава имела успех и вызвала восторженные отзывы.

Издание романа Пушкин, находясь в Михайловском, поручил Плетневу, и тот писал ему: «Все жаждут. «Онегин» твой будет карманным зеркалом петербургской молодежи. Какая прелесть! Латынь мила и уморительна. Ножки восхитительны. Ночь на Неве с ума нейдет у меня. Если ты в этой главе без всякого почти действия так летишь и скачешь, то я не умею вообразить, что выйдет

после. Но «Разговор с книгопродавцем» верх ума, вкуса и вдохновения. Я уже не говорю о стихах: меня убивает твоя логика. Ни один немецкий профессор не удержит в пудовой диссертации столько порядка, не поместит столько мыслей и не докажет так ясно своего предложения. Между тем какая свобода в ходе!»

В. Г. Белинский писал о «Евгении Онегине»:

«Онегин» — есть самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, и можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такою полнотою, светло и ясно, как отразилась в «Онегине» личность Пушкина. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его, здесь его чувства, понятия, идеалы. Оценить такое произведение — значит оценить самого поэта во всем объеме его творческой деятельности. Не говоря уже об эстетическом достоинстве «Онегина», эта поэма имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение».

Пушкин закончил «Евгения Онегина» 25 сентября 1830 года в Болдине.

В связи с этим тогда же написал стихотворение «Труд»:

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату принявший свою, чуждый работе другой!
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

«Окончен мой труд многолетний...» Нет, оказывается, «Евгений Онегин» еще не был закончен, и не расставался поэт со своим «молчаливым спутником ночи»: еще не было написано письмо Онегина к Татьяне. Поэт написал его лишь через год, 5 октября 1831 года, в Царском Селе, и только в марте 1833 года выпустил весь роман в одной книге.

Заканчивая его, Пушкин попрощался и с читателем:

Прости...
. . . . . .
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок
Хотя крупицы мог найти.
Засим расстанемся, прости!

Поэт настроен элегически. Он берет с полки вышедший в 1828 году в Париже, в переводе с турецкого на француз-

ский язык, томик, автором которого был Мохамед Бен-Пир Аяи Эльберкеви. Отыскивает в нем стихи знаменитого персидского поэта Саади, жившего в 1184—1291 годах, автора «Сада роз» («Гюлистана»), и дописывает последнюю строфу «Онегина»:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...

Пушкин задумался... Где сейчас его милые сердцу лицейские товарищи: Дельвиг, Пущин, Кюхельбекер, Вольховский, где Рылеев и еще многие, многие «друзья, братья, товарищи»... декабристы?..

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал,
Без них Онегин дорисован...

Пушкин — наш самый любимый «в подлунном мире» поэт.

В. И. Ленин высоко ценил его творчество. Посетив как-то в двадцатых годах коммуну Вхутемаса, Ленин сказал собравшейся молодежи по поводу ее увлечения футуризмом и отрицания «Евгения Онегина»: «Вот как, вы, значит, против «Евгения Онегина»? Ну, уж мне придется тогда быть «за»... Вот приеду в следующий раз, тогда поспорим...»

И так как разговор происходил в третьем часу ночи, добавил шутя: «Ну, а вы все-таки спать-то пораньше ложитесь, а то что ж, научиться — научитесь, а сил-то против «Евгения Онегина» не хватит...» [1]

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ»

Перед нами восемь изящных, прекрасно оформленных маленьких поэтических альманахов. Их украшают стилизованные титульные листы, рисованные В. Лангером и графированные С. Галактионовым и И. Ческим. Это «Северные цветы», издававшиеся с 1825 по 1832 год.

На одном из альманахов, стоящих на полках пушкинской библиотеки, имеется дарственная надпись.

«Северные цветы» — это цветы поэзии и литературы, которыми украшали страницы альманаха виднейшие поэты и писатели начала XIX века.

---

[1] «В. И. Ленин о литературе и искусстве», М., «Художественная литература», 1979, с. 722, 723.

Пушкин писал в 1827 году, что «альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах».

Помимо «Северных цветов», в пушкинское время издавались, как известно, К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым (Марлинским) альманах «Полярная звезда», В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским — «Мнемозина».

«Северные цветы» выпускались А. А. Дельвигом при содействии книгопродавца И. В. Сленина, магазин которого охотно посещался писателями. Сленин, между прочим, скупил большую часть экземпляров первого издания «Руслана и Людмилы», а за «Евгения Онегина» предлагал Пушкину «сколько хочет».

Каждый альманах содержал прозу и поэзию. Первый — 1825 года — открывался большой обзорной статьей П. А. Плетнева о русских поэтах, начиная с М. В. Ломоносова. В отделе поэзии помещены были стихотворения А. С. Пушкина: «Песнь о вещем Олеге», «Демон», «Прозерпина» и отрывки из «Евгения Онегина»; «Привидение» и «Таинственный посетитель» В. А. Жуковского; басня И. А. Крылова «Муха и пчела»; «Младый певец» П. А. Вяземского; два стихотворения Е. А. Баратынского — «Оправдание» и «Сонет».

«Греческие простонародные песни» Н. И. Гнедича сопровождались «замечанием» издателя: «С удовольствием уведомляем наших читателей, что собрание лучших простонародных новогреческих песен, переведенных отличным писателем нашим, Н. И. Гнедичем, скоро выйдет из печати, украшенное любопытным предисловием о духе поэзии нынешних греков и сходстве ее с простонародною русскою».

Далее шли русские песни А. А. Дельвига, стихотворения И. И. Козлова, Ф. Н. Глинки и П. А. Плетнева.

Среди «Северных цветов» были еще четырнадцать отрывков «Цветов, выбранных из греческой антологии».

Этот краткий обзор дает представление о богатстве и разнообразии творчества поэтов той поры и показывает, почему альманах сразу привлек к себе внимание читателей.

В альманахе, вышедшем в 1826 году, проза и поэзия были представлены с таким же блеском.

Отдел поэзии открывался стихотворением П. А. Вяземского, обращенным к сестре Пушкина, Ольге Сергеевне,— «Нас случай свел...».

Пушкин поместил отрывки из поэмы «Цыганы» — рассказ Старика цыгана об Овидии и ответ Алеко, отрывки из «Подражания Корану» и второй главы «Евгения Онегина», два стихотворных послания из Бессарабии Баратынскому и отрывок из письма о путешествии («Из Азии переехали мы в Европу на корабле...»).

Под странным названием «Трактирная лестница», за подписью никому не известного Александра Коростылева, в альманахе напечатан был рассказ декабриста Н. А. Бестужева, автора аналогичной по содержанию и настроениям повести «Шлиссельбургская станция». Он находился в то время в Петропавловской крепости, и печатать в тех условиях рассказ под настоящим его названием и за его подлинной подписью было, конечно, невозможно.

В альманахе были еще помещены статьи «О состоянии художеств в России» и о «персидском Омере» — поэте Фирдоуси, а также отрывки из XIV песни «Илиады» Гомера в переводе Н. И. Гнедича и «Русской песни» («Соловей мой, соловей...») А. А. Дельвига.

В «Северных цветах» на 1827 год печатаются стихотворения Ф. И. Тютчева под общим названием — «Подражание арабскому» и «Три розы» Д. В. Веневитинова. Пушкин помещает в этом альманахе ночной разговор Татьяны с няней, письмо Татьяны к Онегину, стихотворения «Я помню чудное мгновенье» и «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»).

Одно за другим появляются в последующие годы в «Северных цветах» произведения Пушкина. Все, что выходит из-под его пера, он направляет своему другу Дельвигу, и читатели часто впервые знакомятся с этими стихотворениями на страницах альманаха. Лучшие писатели той поры приносят в дельвиговский альманах цветы своего творчества.

В альманахе за 1831 год была впервые опубликована повесть «Последний квартет Бетховена» В. Ф. Одоевского.

Бетховен скончался в 1827 году, и Одоевский писал М. П. Погодину: «Поверите ли тому, что я в петербургских книжных лавках ничего не мог найти о Бетховене, кроме того, что он был побочный сын Фридриха Вильгельма II, короля прусского, родился в Бонне в 1772 году, учился у знаменитого Альбрехтсбергера и одиннадца-

ти лет разыгрывал труднейшие сочинения Себастьяна Баха».

Одоевский рассказывает в своей повести, как однажды, весною 1827 года, гуляя по венскому предместью, уже потерявший слух Бетховен неожиданно воспринял свой последний квартет. Его разыгрывали несколько любителей музыки.

Композитор вернулся домой потрясенный, сел, затем вскочил и сильным ударом растворил окно, в которое из соседнего дома неслись гармонические звуки.

«Я слышу! — воскликнул он, бросившись на колени, и с умилением протянул руки к раскрытому окну,— это симфония Эгмонта — так, я узнаю ее: вот дикие крики битвы; вот буря страстей; она разгорается, кипит; вот ее полное развитие — и все утихло, остается лишь лампада, которая гаснет, потухает,— но не навеки... Снова раздались трубные звуки: целый мир ими наполняется, и никто заглушить их не может...»

Повесть Одоевского заканчивается строками: «На блистательном бале одного из венских министров толпы людей сходились и расходились.

— Как жаль! — сказал кто-то.— Театральный капельмейстер Бетховен умер, и говорят, не на что похоронить его.

Но этот голос потерялся в толпе: все прислушивались к словам двух дипломатов, которые толковали о каком-то споре, случившемся между кем-то во дворце какого-то немецкого князя».

Повесть эта, как и статья Одоевского, сыграла большую роль в пропаганде музыки великого композитора в России. Повесть была высоко оценена передовой литературной общественностью того времени. О ней с похвалой отозвались Пушкин, Гоголь и Белинский. Великолепный образец русской художественной прозы, повесть эта неоднократно переиздавалась и переведена была на немецкий и французский языки...

Альманах на 1831 год явился последним, выпущенным Дельвигом. Поэт скончался в расцвете своих творческих сил — ему было всего тридцать три года...

Письма Пушкина, написанные друзьям после смерти Дельвига, показывают, как глубоко скорбел он о потере самого близкого своего друга. Плетневу Пушкин писал 31 января 1831 года: «Я знал его в Лицее — был свидете-

лем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, *что душу волнует, что сердце томит».*

И через несколько месяцев снова Плетневу: «Что же твой план «Северных цветов» в пользу братьев Дельвига? Я даю в них «Моцарта» и несколько мелочей. Жуковский даст свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; он пришлет нам сокровища; он в своей деревне.— От тебя стихов не дождешься, если бы ты собрался да написал что-нибудь об Дельвиге! то-то было бы хорошо!»

Двадцать первого ноября 1831 года Пушкин сообщает Ф. Н. Глинке: «Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние «Северные цветы». И продолжает: «Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух поэтов, с коими, после лицейских его друзей, более всего был он связан... Надеюсь еще на Вашу благосклонность и на Ваши стихи».

Альманах «Северные цветы» на 1832 год, выпущенный друзьями в память Дельвига, в пользу его семьи и двух его малолетних братьев, наконец вышел. В нем были помещены неопубликованные и еще не законченные стихотворения и песни Дельвига с сообщением, что «сии пять стихотворений отысканы вместе с несколькими другими, доныне не изданными, в бумагах незабвенного поэта».

Баратынский посвятил памяти Дельвига стихотворение «Мой Элизий»:

Не славь, обманутый Орфей,
Мне Элизийские селенья:
Элизий в памяти моей
И не кропим водой забвенья.
В нем мир цветущий старины
Умерших тени населяют,
Привычки жизни сохраняют
И чувств ее не лишены.
Там жив ты, Дельвиг! там за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юные мечты.

Языков напечатал стихи «На смерть барона А. А. Дельвига»:

Любовь он пел,— его напевы
Блистали стройностью живой,
Как резвый стан и перси девы,
Олимпа чаïницы младой.

Он пел вино,— простой и ясный
Стихи восторг одушевлял;
Они звенели сладкогласно,
Как в шуме вольницы прекрасной
Фиал, целующий фиал;
И девы русские пристрастно
Их повторяют — и поэт
Счастлив на много, много лет.

Пушкин поместил в альманахе отрывок из «Моцарта и Сальери» и стихотворения «Царскосельская статуя», «Отрок», «Рифма», «Труд», «Эхо», «Делибаш», «Анчар», «Бесы», «Дорожные жалобы»...

Это был поэтический венок северных цветов на могилу Дельвига, «навек от нас утекшего гения»...

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве хранится экземпляр «Северных цветов» с дарственной надписью: «Е. А. Баратынскому от Дельвига»...

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

Наша «Литературная газета» — орган Союза советских писателей — является своего рода газетой-внучкой «Литературной газеты», издававшейся А. А. Дельвигом в Петербурге. Дельвиговская газета состояла из восьми полос и по своему формату скорее походила на современный иллюстрированный журнал.

Полное ее название было таково: «Литературная газета, составленная из повестей, анекдотов, статей о нравах, разных литературных отрывков, библиографических и театральных статей и других произведений изящной словесности в стихах и прозе».

Газета начала выходить 1 января 1830 года, выходила один раз в пять дней и просуществовала до середины 1831 года.

В 1840 году «Литературная газета» возродилась под редакцией А. А. Краевского и в дальнейшем выходила три раза в неделю под редакцией Ф. А. Кони и Н. А. Полевого. Ее название было уже иное: «Литературная газета. Вестник наук, искусств, литературы, новостей и мод». Сотрудничали в ней: В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, В. И. Даль, В. А. Соллогуб, В. Г. Бенедиктов, А. В. Кольцов и другие.

В 1849 году газета прекратила свое существование.

Газета Дельвига не имела права касаться политических тем. «Цель сей газеты,— объявлял издатель в первом номере,— знакомить публику с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности российской».

Дальше шло сообщение о том, что́ будет помещаться на ее страницах.

«1. *Проза.* В это отделение будут входить статьи исторические, повести оригинальные и переводные, отрывки из романов и т. п.

2. *Стихотворения.* Здесь будут помещаться произведения полные и отрывки из больших поэтических сочинений.

3. *Библиография русская и иностранная.* К известиям о книгах будут присовокупляться замечания более или менее обширные, смотря по важности предмета и по достоинству сочинений; местами же и любопытные выписки, особливо из книг иностранных.

4. *Ученые известия.* Об открытиях, изобретениях по части науки и искусства, о новых теориях, о замечательнейших учебных курсах; о важнейших путешествиях, изысканиях древностей и т. п.

5. *Смесь.* В этом отделении будут помещаться разные известия, не относящиеся до учености и политики; новейшие анекдоты, объявления, статьи о театре, короткие замечания и проч.

При всех сих отделениях, по принадлежности, будут иногда прилагаться чертежи, картинки, географические карты и ноты».

Такова была намеченная Дельвигом программа газеты. Но он считал необходимым особо подчеркнуть: «Издатель признает за необходимое объявить, что в газете его не будет места критической перебранке. Критики, имеющие в виду не личные привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, будут с благодарностью принимаемы в «Литературную газету».

«Литературная газета» была важнейшим литературным органом того времени. Вскоре душою дела стал Пушкин. После выхода двух первых номеров газеты Дельвиг на некоторое время уехал в Москву, и десять номеров редактировал Пушкин.

Для него, как для поэта и журналиста, издание «Северных цветов» и «Литературной газеты» имело особое значение. Профессор Ю. Г. Оксман в статье «Пушкин — литературный критик и публицист» пишет, что уже к се-

редине двадцатых годов прошлого столетия Пушкин приходит к «критическому пересмотру опыта современной ему литературы и ее традиций».

«В течение первых девяти недель существования «Литературной газеты»... Пушкин опубликовал в ней 20 статей, рецензий, заметок... Ни в одном году своей жизни, если не считать года издания «Современника», Пушкин не уделял так много времени и внимания критике и публицистике, как в пору издания «Литературной газеты».

Пушкин проявляет во всех своих статьях и письмах исключительный интерес к вопросам литературной теории и критики. Он пишет заметки о творчестве поэтов и писателей как старшего, так и современного ему поколения, «о литературе мировой — греческой и римской, раннего и позднего средневековья, о литературе Возрождения, о французском классицизме и романтизме, о литературе немецкой, английской, итальянской, о всех сколько-нибудь значительных новинках французской поэзии, прозы и публицистики...

Особенно часто и охотно Пушкин обращался к литературному наследию Шекспира, Вольтера, Гете, Байрона, Вальтера Скотта, всегда учитывая при этом значение их опыта для путей развития русской литературы».

Пушкин настоятельно нуждался в газетной трибуне для высказывания своих убеждений и взглядов в критических и публицистических статьях. Поэтому, когда газета закрылась, он возбудил ходатайство о разрешении ему издания новой литературно-политической газеты.

Осенью 1832 года царь разрешил издание такой газеты, был даже набран «примерный ее нумер» под названием «Дневник. Политическая и литературная газета». Но выход ее не состоялся.

В конце 1835 года Пушкин просил разрешить ему издание «четырех томов статей чисто литературных (как-то: повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; наподобие английских трехмесячных Reviews».

Десятого января 1836 года ходатайство было удовлетворено, и в течение 1836 года вышло четыре тома пушкинского «Современника».

Письмо Пушкина к Денису Давыдову дает представление о том, как зорко и придирчиво относилось правительство к «Современнику»: «И с одною цензурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только смир-

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

Титульный лист журнала «Современник» с автографом А. С. Пушкина.

ны, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притеснены как нынче...» И жене своей Пушкин писал 18 мая 1836 года: «...Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!»

Исследования показали, что до нас «дошло около 160 статей и заметок Пушкина, не считая дневниковых записей и выписок из разных печатных и архивных источников. При жизни Пушкина из этих 160 произведений опубликовано было только 55, остальное входило в литературный и научный оборот в течение ста двадцати лет, появляясь на страницах общей и специальной печати, начиная с «Современника» 1837 года и первого посмертного издания «Сочинений Александра Пушкина».

Откликаясь на первые публикации неоконченных статей и заметок Пушкина, В. Г. Белинский писал, что во всех этих не известных ранее материалах «виден не критик, опирающийся в своих суждениях на известные начала, но гениальный человек, которому его верное и глубокое чувство, или, лучше сказать, богатая субстанция открывает истины везде, на что он ни взглянет... когда дело идет о таком человеке, как Пушкин, тогда мелочей нет, а все, в чем видно даже простое его мнение о чем бы то ни было, важно и любопытно: даже самые ошибочные понятия Пушкина интереснее и поучительнее самых несомненных истин многих тысяч людей».

Перелистывая страницы выпущенных Дельвигом номеров «Литературной газеты», мы видим, что первый номер открывается романом А. Погорельского «Магнетизер». Затем следовал отрывок из «Путешествия Онегина»:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я...

В отделе библиографии вопреки заявлению издателя, что в газете не будет места «критической перебранке», напечатана была резкая заметка по адресу московского Цензурного комитета. Только что вышедшее тогда двухтомное Собрание сочинений и переводов Д. И. Фонвизина издано было, по заявлению одного из ближайших родственников покойного драматурга, «с повреждением текста, долженствовавшего оставаться неприкосновенным, с выпусками, с переменами оглавлений, с статьями без

начала и конца, с бесчисленным множеством всякого рода ошибок.

Учитывая, что «помянутая книга, нанося бесславие памяти сочинителя, под именем которого она выдана, ни в каком отношении не может удовлетворить ожиданию просвещенных любителей отечественной словесности», «Литературная газета» сообщала, что «в утешение их» в Москве готовится к изданию «новое, *полное,* исправное и благовидное Собрание сочинений Д. И. Фонвизина».

Две заметки А. С. Пушкина помещены были в отделе смеси.

Первая из них:

«В конце истекшего года вышла в свет *«Некрология генерала-от-кавалерии Н. Н. Раевского»,* умершего 16 сентября 1829 года. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло».

Пушкин имел в виду известный эпизод из истории Отечественной войны 1812 года, когда генерал Н. Н. Раевский, взяв за руки двух своих сыновей, Александра и Николая, повел свою часть вперед со словами:

«Вперед, ребята! За царя и за отечество я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..»

Эпизод этот нашел отражение в ряде красочных лубков того времени. Раевский был тогда очень популярен. О его подвиге Жуковский писал в одной из строф своего стихотворения «Певец во стане русских воинов»:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами.
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Во второй заметке сообщалось о предстоящем выходе в свет переведенного князем Вяземским «славного романа» Бенжамена Констана «Адольф», принадлежащего к числу двух или трех романов,

В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,

Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Приводя эти строки из седьмой главы «Евгения Онегина», Пушкин писал, что «Бенжамен Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона». Таково было содержание первого номера дельвиговской «Литературной газеты».

Второй номер открылся стихотворением Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...».

В те дни вышла на русском языке «Илиада» Гомера, над переводом которой поэт Н. И. Гнедич работал свыше двадцати лет.

Слышу умолкнувший звук божественной
эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой,—

этими двумя чудесными строками отметил Пушкин появление «Илиады», а в «Литературной газете» писал:

«Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожиданный перевод «Илиады»! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности; когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие,— с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого высокого подвига. Русская «Илиада» перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность».

Знакомясь со следующими номерами газеты, мы видим, что постоянными сотрудниками ее были поэты А. С. Пушкин, П. А. Катенин, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, И. И. Козлов, И. А. Крылов.

Несколько стихотворений прислал из Сибири декабрист А. И. Одоевский,— стихотворения его, по понятным причинам, напечатаны были без подписи автора.

В первые месяцы существования газеты Пушкин довольно часто помещал в ней свои стихотворения. Там были напечатаны: «В часы забав иль праздной скуки...»; посвя-

щенное А. Ф. Закревской «Когда твои младые лета...»; послание «К Языкову» («Издревле сладостный союз...»); «Что в имени тебе моем?»; «Послание к Н. Б. Ю.»; «Собрание насекомых»; «Кавказ»; «Мадонна»; отрывок из прозаического «Путешествия в Арзрум» и другие.

В марте 1830 года Пушкин уехал в Москву, но продолжал сотрудничать в газете.

В тридцать восьмом номере он поместил за подписью Крс (согласные буквы в обратном порядке, его «арзамасского» прозвища «Сверчок») стихотворение «Калмычке», навеянное посещением по пути на Кавказ калмыцкой кибитки:

Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе
Или в кибитке кочевой?

В сорок третьем номере поэт впервые напечатал посвященное декабристам стихотворение «Арион». Он написал его в июле 1827 года, в первую годовщину казни пяти декабристов, и поместил в газете без подписи:

Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Блюдя чистоту газетных нравов, «Литературная газета» выразила свое отрицательное отношение по адресу «Сына отечества», поместившего на своих страницах такую заметку о писателе Н. Полевом:

«Ныне некто г-н Николай Полевой, в сочинительском пылу о дарованиях и знаниях своих возмечтав, первый том «Истории русского народа» напечатал и там равномерно свои суесловия о происхождении руссов поместил».

Николай Полевой был известным в свое время писателем, критиком и журналистом, издавал журнал «Московский телеграф». И хотя он был идейным противником «Литературной газеты», в ней напечатаны были следующие строки по адресу «Сына отечества»:

«Мы не одобряем личностей и непристойных выходок, хотя бы предметами оных были и люди, коих мнения и литературные действия в совершенном противоречии с нашими. Выражение «некто г-н Полевой» есть выраже-

ние нелитературное, невежливое. Осуждайте творение, но имейте всегда уважение к лицу».

По поводу приемов критики Пушкин писал: «В одном из наших журналов дают заметить, что «Литературная газета» у нас не может существовать по весьма простой причине: *у нас нет литературы.*— Если б это было справедливо, то мы не нуждались бы и в критике; однако ж произведения нашей литературы как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч...

Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных...»

Из Москвы Пушкин прислал в газету полемическую заметку против своего литературного противника, редактора «Северной пчелы» Фаддея Булгарина.

«Литературная газета», как уже говорилось, не имела права касаться политических вопросов, но ей невозможно было удержаться от спора с нападавшими на нее противниками из булгаринского лагеря. Булгарин начал в то время писать доносы на издателя «Литературной газеты», а приятели его объявили объединившихся вокруг газеты писателей аристократическими заговорщиками. После недавнего восстания декабристов это было опасное обвинение, и Пушкин высмеял Булгарина, связав его имя с именем французского сыщика Видока.

На полицейскую службу Видок попал из тюремного заключения, которое отбывал как беглый солдат и уголовный преступник, и затем написал свои известные мемуары, напечатанные в 1829—1830 годах в русских журналах.

Булгарину, агенту III Отделения, Пушкин дал уничтожающую характеристику:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

Пушкин имел в виду роман Булгарина «Иван Выжигин»...

Дельвига стали часто вызывать после этого к Бенкендорфу, и он вынужден был давать объяснения всесильному шефу жандармов...

Когда-то Пушкин пророчил Дельвигу покой от «злых бурь». Он писал своему другу:

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят его покой.

Но буря налетела... Бенкендорф сразил «наперсника богов». Жандармы привели Дельвига в III Отделение, и Бенкендорф набросился на него со словами:

— Что ты опять печатаешь недозволенное?

Во Франции разразились тогда волнующие июльские события 1830 года, и в «Литературной газете» были опубликованы четыре строки стихотворения французского поэта Делавиня, посвященные памяти жертв революции. Бенкендорф увидел в этом открытое выражение симпатий французским революционерам и добивался, откуда Дельвиг знает песню с призывом: «Аристократов на фонари!» Дельвиг оправдывался тем, что все это пропущено цензурой, и «упреки его сиятельства» должны быть обращены не к нему, издателю, а к цензору.

Бенкендорф пришел в ярость, он кричал:

— Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться!

Бенкендорф сам не читал «Литературной газеты», но не скрыл, что ему обо всем этом донес Булгарин.

Дельвиг заметил, что Булгарин у него никогда не бывает, и он не считает его своим знакомым. Бенкендорфа это взорвало, и он выгнал Дельвига:

— Вон, вон!.. Я всех вас, троих друзей, тебя, Пушкина и Вяземского, ужо упрячу, если не теперь, то вскоре в Сибирь!

«Три друга» и все их друзья возмущены были наглым поведением Бенкендорфа. Дельвиг решил жаловаться, но тогдашний министр юстиции, бывший член «Арзамаса» Блудов, вмешался в это дело и посоветовал Бенкендорфу извиниться перед Дельвигом.

Через некоторое время к Дельвигу действительно явился жандармский чиновник и заявил, что сам Бенкендорф «по нездоровью» не может приехать, а прислал извиниться в том, что разгорячился при последнем свидании. И что издание «Литературной газеты» будет разрешено, но только под редакцией ее сотрудника писателя Сомова, а не Дельвига. Он добавил, что дальнейшее издание газеты под редакцией Дельвига император Николай I запретил.

Мягкого и впечатлительного Дельвига потрясла грубость Бенкендорфа. Его и без того слабое здоровье начало сдавать. Он простудился и 14 января 1831 года скончался. «Литературная газета» в том же году, на тридцать седьмом номере, прекратила свое существование.

Советские ученые продолжают уделять много внимания изучению издававшейся Дельвигом «Литературной газеты» с точки зрения участия и роли в ней Пушкина в качестве литературного критика и публициста.

В своем большом исследовании «Проблемы авторства и теория стилей» академик В. В. Виноградов пишет, что Пушкин с большой энергией и творческим воодушевлением содействовал организации, изданию и редактированию «Литературной газеты», и личный вклад его в это важное литературное предприятие был не только очень значителен, но и глубоко продуман. Его критические статьи возбуждали живой интерес и привлекали общественное внимание, а сотрудники, даже такие, как Вяземский, обращались к нему с просьбой о литературной правке.

В первые два месяца существования «Литературной газеты», когда Пушкин исполнял, совместно с Сомовым, обязанности главного редактора, он «не только больше всех поместил своих критических статей в газете, но и подверг многое из чужих литературных материалов редакторско-стилистической правке, состоящей нередко из нескольких строк, в отдельных случаях резко выделяющейся по стилистическим признакам».

Тонко анализируя эти признаки, Виноградов устанавливает, что именно Пушкин являлся автором многих анонимных статей и заметок.

Но некоторые важные статьи газеты до сих пор остаются еще не прикрепленными к авторам.

На полках библиотеки А. С. Пушкина находится полный комплект «Литературной газеты» за 1830 год в обложке. Но это не тот экземпляр, который Пушкин получал как

подписчик. В этом экземпляре разрезаны лишь страницы, где помещен отзыв о курсе французской литературы Ферри де Пиньи, и страницы, где помещена статья об «Истории русского народа» Н. Полевого. Между ними положены были бумажные закладки.

Комплекта «Литературной газеты» за 1831 год в библиотеке Пушкина не оказалось.

ПОСЛОВИЦЫ

Памятники народной поэзии — сказки, пословицы — всегда интересовали Пушкина. Он никогда не упускал случая записать услышанные им песни крестьянских певцов и повествования сказителей народных преданий. Многие из этих записей нашли отражение в его творчестве. Тетрадь песен Псковской губернии Пушкин подарил в 1833 году известному знатоку и собирателю русского фольклора П. В. Киреевскому. При этом он заметил, что среди записанных в тетради песен есть несколько сочиненных им самим. Какие именно — Пушкин не назвал. Это так и осталось неустановленным, настолько они близки по своему характеру к народному творчеству.

На полках библиотеки Пушкина стояло большое, в 320 страниц, изданное в 1770 году «Собрание 4291 древних российских пословиц». Многие пословицы отмечены на полях книги крестиками и значками. Они, видимо, привлекли к себе особое внимание Пушкина...

Приводим их.

Ворон во́рону глаза не выклюнет; а хоть и выклюнет, да не вытащит.

Вот тебе село да вотчина, чтоб тебя вело да корчило.

В драке богатой бережет лица́, а убогой кафтана.

В дураке и бог не волен.

В Москве толсто звонят, да тонко я́дят.

В мутные глаза́ да песок сыплешь.

В ноги не кланяется, а за пяты кусает.

Высоко поднял, да низко опустил.

Денежка мала и попа в яму завела.

Деньги прах, а животы что голуби — где поведутся.

Для дураков не за море ездить — и дома есть.

Добродетель — наилучшее шляхетство.

Друзей у богатых — что мякины около зерна.

Живот болит, а детей родит.
Животы — что голуби, где поведутся.
Живучи в бедности не ищет честности.
Живучи на погосте, всех не приплакать.
Когда за своими щеками не удержал, за чужими не удержишь.
На чужой рот пуговицы не нашьешь.
Наши правы, а сто рублей дали.
Не без печали дальная посылка, однако ж не ссылка.
Не бей в чужие ворота плетью: не ударили бы в твои дубиною.
Не бей по роже — себе дороже.
Небогатой как уродливой, что есть, то и носит.
Не бойся истца, бойся судьи.
Не боюсь богатых гроз, боюсь убогих слез.
Не будет пахатника, не будет и бархатника.
Не будет покойник, будет и полковник.
Не велик городок, да семь воевод.
Неволя, неволя, боярский двор, ходя наешься, стоя выспишься.
Не всякой в старцы стрижется для Исуса, иной и для хлеба куса.
Не верь вору, что божится, он и кнута не боится.
Не верь коню в дороге, а жене в подворье.
Не гребень голову чешет — время.
Не грози боярин холопу хлебом, а холоп боярину бегом.
Не грози попу церковью.
Не гром то грянул, что бедной слово молвил.
Не груби малому, не вспомнит старой.
Не смотри на меня комом, а смотри россыпью.
Не спрашивай старова, спрашивай бывалова.
Не спеши казнить, дай выговорить.
Не ставь недруга овцою, а ставь его волком.
Не тряси головой, не быть с бородой.
От миру челобитчик, а сам никому не обидчик.

Из помещенных в сборнике пословиц Пушкин отметил 47. На одной из страниц он вписал своей рукою и собственную пословицу: «В кабак далеко, да ходить легко — в церковь близко, да ходить склизко».

В библиотеке Пушкина находились еще «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем», издания 1785 года, а также «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. С при-

совокуплением *Таблицы содержания оных, для удобнейшего их приискания»*, издания 1822 года. Эпиграфом к книге святые слова И. Ф. Богдановича: «Ласкаюсь, что нация увидит с благоговением изданное в печать собственное свое сочинение».

Отдельные пословицы в обеих этих книгах также отмечены на полях карандашом.

В библиотеке Пушкина, кроме того, два выпуска книги И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках» 1832 и 1834 годов. Эпиграфом к одной из них служили слова: «Старинная пословица не мимо молвится».

Находятся на полках пушкинской библиотеки словарь французских пословиц и двухтомное сочинение в 786 страниц на французском языке: «Физиология вкуса, или Размышления о гастрономии. Теоретическое и историческое сочинение о порядке дня. Издано парижским гастрономом, профессором, членом многих научных обществ. Четвертое издание. Париж. 1834».

Автор этой книги, из которой многие изречения сделались поговорками,— Анселъм Брилль-Саварин.

Между страницами 18—19 вложен листок бумаги формата книги, на котором рукою Пушкина написано: «Не откладывай до ужина того, что можешь съесть за обедом».

Под этими словами Пушкин написал и затем зачеркнул слова: «Не предлагай своему гостью того, что сам...» — и дальше: «Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность».

Наконец, на французском языке: «Точность — вежливость поваров».

В особой заметке Пушкин приводит ряд «старинных пословиц и поговорок», остановивших на себе его особое внимание, и сопровождает их пояснениями:

«*Не суйся середа прежде четверга.* Смысл иронический: относится к тем, которые хотят оспорить явные законные преимущества; вероятно, выдумано во времена местничества.

В праздник жена мужа дразнит (выписка из Кирши).

Горе лыком подпоясано — разительное изображение нищеты; см. *Древние стихотворения.*

Иже не ври же, его же не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно, и в старину острили насчет славянизмов.

Кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет. Апология пытки, пословица палача, выдуманная каким-нибудь затейным палачом.

На посуле, как на стуле. Посул — *церковная дань,* а не *обещание,* как иные думали: следственно, пословица сия значит — на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле.

Беспечальным сон сладок.

Не твоя печаль чужих детей качать — не твоя забота; *печаль* от глагола *пекусь.*

Бодливой корове бог рог не дает — пословица латинская.

Бог даст день, бог даст и пищи.— Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену. «Да,— отвечала она,— пищи, пищи, да с голоду и умри».

Нужда научит калачи есть,— то есть нужда — мать изобретения и роскоши.

Кто в деле' (в должности), *тот и в ответе* (в посольстве)».

Внимательно изучая русское народное творчество, Пушкин часто использует пословицы и поговорки в своих произведениях.

Вот реплики из сцены в корчме на литовской границе в драме «Борис Годунов»:

— Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь? — спрашивает монах Варлаам самозванца Григория.

— Не хочу,— отвечает Григорий.

— Вольному воля,— замечает Мисаил.

— А пьяпому рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...— подхватывает Варлаам.

И заключает:

— Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить, как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Большое количество пословиц и поговорок на страницах «Капитанской дочки».

Эпиграфом ко всей повести Пушкин поставил пословицу — «Береги честь смолоду».

Еще два эпиграфа — тоже пословицы: к восьмой главе — «Незваный гость хуже татарина», и к четырнадцатой — «Мирская молва — морская волна».

Проигравшись в карты с случайным встречным в трактире, Гринев просит Савельича простить его.

— Что делать? — отвечает Савельич.— Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме...

В письме по этому поводу к отцу Гринева Савельич пишет:

«Быль молодцу не укора: конь и о четырех ногах, да спотыкается»...

Пугачев убеждал Гринева: «Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья...»

Вспоминая при новой встрече с Гриневым, как тот подарил ему в лютый мороз заячий тулупчик, Пугачев дарит ему коня и шубу со словами:

— Долг платежом красен...

— С лихой собаки хоть шерсти клок,— замечает по этому поводу Савельич...

Застигнутый бураном Гринев попросил случайно встретившегося ему человека показать дорогу и довезти до жилья. Утром он увидел своего вожатого, его «черную бороду и два сверкающие глаза».

— Эхе, опять ты в нашем краю! Отколе бог принес? — спросил вожатого хозяин постоялого двора.

Вожатый — то был Пугачев — ответил многозначительною скороговоркою:

— В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком, да мимо...

Хозяин постоялого двора, продолжая иносказательный разговор, заметил: «Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте».

— Молчи, дядя,— отвечает Пугачев.— Будет дождик, будут и грибки, а будут грибки, будет и кузов...

И, наконец, «пропущенная глава» повести заканчивается поговоркой: «Чужая головушка — полушка, да и своя шейка копейка».

Таких примеров много в произведениях Пушкина...

Даже в письмах Пушкина встречаются пословицы и поговорки. Находясь в Болдине, не имея возможности выехать оттуда из-за холеры, он пишет своей невесте Наталье Николаевне Гончаровой 11 октября 1830 года: «Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, как бы дать крюку и приехать к Вам через Кяхту или через Архангельск? Дело в том, что для друга семь верст не крюк;

а ехать прямо на Москву значит семь верст киселя есть (да еще какого? Московского!)».

И затем, 30 октября 1833 года, из Болдина: «...отпустил я себе бороду; *ус да борода — молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовут*».

В одной из своих тетрадей Пушкин записал пословицу, слышанную от игумена Святогорского монастыря Ионы, который любил говорить пословицами и поговорками: «А вот то будет, что и нас не будет»...

Пушкин проявлял всегда большое чутье в отношении произведений народного творчества.

«ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ...»

В бывшем Глинищевском переулке — сегодня улице Немировича-Данченко — под номером шестым, вблизи площади, которая носит имя Пушкина, до наших дней сохранилось старинное двухэтажное здание. Безликое и приземистое, оно ничем не привлекает к себе внимания прохожего. Лишь пройдя двадцать — тридцать шагов вдоль вытянувшегося в длину фасада, человек невольно останавливается: перед ним, в простенке между окнами — большой барельеф: два человека во весь рост и внизу — пушкинские стихи на русском и польском языках:

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Дом этот связан с именами двух гениальных людей, двух величайших поэтов своих народов — русского и польского — Александра Пушкина и Адама Мицкевича.

В этом доме в первой половине прошлого века помещалась гостиница «Север», позднее переименованная в «Англию». Приезжая в Москву, здесь не раз останавливался и жил Пушкин, сюда к нему приходил Мицкевич.

Они познакомились в те сентябрьские дни 1826 года, когда Пушкин прибыл в Москву по вызову Николая I.

Встретились два изгнанника. Пушкин только что отбыл свою михайловскую ссылку. Мицкевич, арестованный в 1823 году за участие в нелегальной студенческой органи-

зации и просидевший полгода в виленской тюрьме, был выслан из Польши в Россию. Его назначили преподавателем Ришельевского лицея в Одессе. Правительство, однако, нашло невозможным пребывание ссыльных поляков в Одессе, и в ноябре 1825 года Мицкевич оказался в Москве, где получил место в канцелярии генерал-губернатора.

На всех, с кем встречался Мицкевич, он производил прекрасное впечатление. Известный литератор пушкинской поры К. Полевой нарисовал такой портрет польского поэта: «Все... полюбили его не как поэта (ибо очень немногие могли читать его сочинения), но как человека, привлекавшего к себе возвышенным умом, изумительною образованностью и особенною, какою-то простодушною, только ему свойственною любезностью. Ему тогда не могло быть тридцати лет. Наружность его была истинно прекрасна. Черные, выразительные глаза, роскошные черные волосы, лицо с ярким румянцем; довольно длинный нос, признак остроумия; добрая улыбка, часто являвшаяся на его лице, постоянно выражавшая задумчивость,— таков был Мицкевич в обыкновенном, спокойном состоянии духа; но когда он воодушевлялся разговором, глаза его воспламенялись, физиономия принимала новое выражение, и он бывал в эти минуты увлекателен, очаровывая притом своею речью: умною, отчетливою, блистательною, несмотря на то, что в кругу русских он обыкновенно говорил по-французски...»

Приехав в Москву, Мицкевич почти не знал русского языка, но уже через год говорил на нем совершенно свободно, даже почти без акцента. Кроме того, он знал английский, итальянский и испанский языки...

Два поэта встретились, как два брата. Поэзия и большая взаимная симпатия сблизили их. Особенно восхищали Пушкина изумительные импровизации Мицкевича. О них приятель польского поэта Одынец писал своему другу: «Ах, ты помнишь его импровизации в Вильно! Помнишь это изумительное преображенное лицо, этот блеск глаз, этот проникающий голос, от которого тебя даже страх охватывает, словно через него говорит дух. Стих, рифма, форма — ничто тут не имеет значения. Говорящим по наитию духа дан дар обладания всеми языками, или, вернее, тем таинственным языком, который понятен всякому...

Во время одной из таких импровизаций в Москве Пушкин, в честь которого был дан этот вечер, вдруг вскочил с места и, ероша волосы, почти бегая по зале, воскликнул:

— Quel génie! quel feu sacré! que suis-je auprès de lui? [1]

И, бросившись Адаму на шею, обнял его и стал целовать, как брата...»

Широко известна замечательная картина художника Г. Г. Мясоедова «Мицкевич в салоне Зинаиды Волконской»; в этом салоне «царицы муз и красоты», в «римском палаццо у Тверских ворот» Мицкевич вдохновенно импровизирует, Пушкин взволнованно слушает своего польского друга.

Его восхищает возвышенная настроенность Мицкевича, он искренне признает за ним первенство как в отношении поэтического дара, так и в отношении его общего миросозерцания. По поводу одной их встречи шутливо рассказывали в Петербурге.

— Посторонитесь, туз идет! — сказал, улыбаясь и отойдя в сторону, Пушкин.

— Козырная двойка туза бьет! — также улыбаясь, ответил Мицкевич и направился Пушкину навстречу.

Польский поэт, со своей стороны, высоко ценил творчество Пушкина. Они довольно часто встречались у общих друзей и знакомых в Петербурге и Москве.

Семнадцатого мая 1828 года Мицкевич присутствовал на одном из чтений «Бориса Годунова» в доме графа И. С. Лаваля, отца жены декабриста Е. И. Трубецкой.

Встречались они в Петербурге и у знаменитой пианистки и композитора Марии Шимановской, на дочери которой, Целине, был женат Мицкевич.

В музее имени Мицкевича в Париже хранится альбом — на страницах его записи многих выдающихся людей, с которыми Шимановская встречалась во время своих заграничных гастролей: А. Гумбольдта, Шатобриана, Делавиня, Бенжамена Констана, Гете и других.

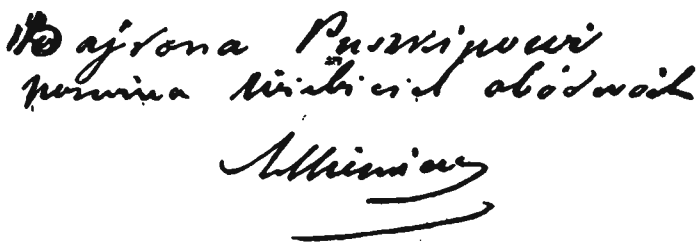
Альбом хранит автографы Карамзина, Дмитриева, Гнедича, Дениса Давыдова, Вяземского. Пушкин, находившийся в дружеских отношениях с Шимановской, 1 марта 1828 года вписал в ее альбом:

...из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь — мелодия...

Строки эти Пушкин вложил позднее в уста первого гостя в доме Лауры во второй сцене «Каменного гостя»...

---

[1] Какой гений! какой священный огонь! что я рядом с ним? *(фр.)*

Дарственная надпись А. Мицкевича А. С. Пушкину на однотомнике Байрона. 1826 год.

Мицкевич родился годом раньше Пушкина. Он был уже известным поэтом, когда встретился с ним.

Еще до приезда Мицкевича в Москву вышли на польском языке два тома его стихотворений, баллад, романсов, поэм. Они имели огромный успех. В Москве были изданы в конце 1826 года и его «Крымские сонеты», переведенные на русский язык П. А. Вяземским.

О них Пушкин пишет в «Отрывках из путешествия Онегина». Евгений посетил Тавриду, где

...пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал...

И в стихотворении «Сонет»:

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал...

В феврале 1828 года в Петербурге вышла на польском языке поэма Мицкевича «Конрад Валенрод» — самое значительное из всего созданного им в России. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина, как и вышедшие в Петербурге в 1829 году на польском языке два тома его стихотворений.

Поэму Мицкевича Пушкин хотел перевести на русский язык, но перевел лишь вступление к ней — «Сто лет минуло, как тевтон...». Позднее, работая над четырнадцатой главой «Дубровского», Пушкин вспомнил эту поэму: Маша Троекурова «не путалась шелками, подобно любовнице Конрада, которая в любовной рассеянности вышила розу зеленым шелком».

Мицкевич перевел на польский язык «Воспоминание» Пушкина, обратил внимание поэта на вышедший в 1827 году сборник Мериме «Гузла» и, встретившись с ним

у Дельвига, советовал исключить из «Бориса Годунова» сцену в монастырской ограде, что Пушкин и сделал.

Русский и польский поэты обменялись подарками: Мицкевич подарил Пушкину томик Байрона на английском языке, Пушкин Мицкевичу — свою «Полтаву».

Сам пройдя тягостный путь шестилетнего изгнания и скитаний, Пушкин сочувствовал Мицкевичу и 7 января 1828 года подал управлявшему III Отделением фон Фоку записку с просьбой разрешить польскому поэту выехать на родину. Этим он, видимо, действительно помог Мицкевичу получить разрешение на отъезд из России, но выехать тот получил возможность лишь через год.

Мицкевич не раз навещал Пушкина и однажды в присутствии Вяземского и Плетнева импровизировал на тему о любви, которая должна связать народы между собою. Отзвуком этого вечера, бесспорно, и явились цитировавшиеся строки из стихотворения Пушкина «Он между нами жил...».

Перед Пушкиным, быть может, вставал образ Мицкевича, когда он рисовал в «Египетских ночах» портрет импровизировавшего перед Чарским бедного неаполитанца:

«Глаза итальянца засверкали — он взял несколько аккордов — гордо поднял голову, и пылкие строфы, выражение мгновенного чувства, стройно излетели из уст его —

Поэт идет: открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его...
. . . . . .
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его,
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона».

Необходимо сказать, что в тридцатых годах прошлого века в Петербурге и Москве импровизаторы выступали довольно часто. В газетах появлялись статьи об искусстве импровизации, а В. Ф. Одоевский напечатал в 1835 году повесть «Импровизатор»...

Дружеские отношения Пушкина с Мицкевичем продолжались до самого отъезда польского поэта из России. Он

уехал из Петербурга 15 мая 1829 года. Покидая навсегда самодержавную Россию, Мицкевич простился с друзьями, а оказавшись в открытом море, выбросил за борт русские деньги с портретами ненавистных ему русских императоров.

Польский поэт прожил в России четыре с половиною года. Эти годы имели большое значение для его жизни и творчества.

«Мы его получили от вас сильным, а возвращаем могучим»,— сказал поэт Козлов друзьям Мицкевича при его отъезде.

События польского восстания 1830—1831 годов разделили поэтов, и это нашло отражение в их творчестве. Пушкин и Мицкевич оказались, в сущности, в разных, враждующих между собою лагерях. На резкие по адресу России речи во французской палате депутатов и статьи в газетах Пушкин ответил стихотворением «Клеветникам России»:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собой,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

В годовщину Бородинского сражения русские войска взяли Варшаву, и Пушкин писал в стихотворении «Бородинская годовщина»:

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Двадцать второго июля 1833 года, возвращаясь из-за границы, в Петербург заехал С. А. Соболевский, у которого Пушкин иногда останавливался, приезжая в Москву. Он привез своему другу в подарок только что вышедшее тогда в Париже четырехтомное Собрание сочинений Мицкевича на польском языке, издания 1828—1832 годов. Чет-

вертый том включал цикл стихотворений Мицкевича, объединенных под общим названием — «Петербург». На внутренней стороне обложки этого тома Соболевский сделал чернилами шутливую надпись: «А. С. Пушкину за прилежание, успехи и благонравие. *С. Соболевский*». Это был, видимо, намек на официозную позицию Пушкина в отношении к польскому делу.

Патриотически настроенный польский поэт, резко отрицательно относившийся к русскому правительству и официальной России, издал в 1832 году в Дрездене отрывки из третьей части «Дзядов», посвятив их польским мученикам, умершим в заточении в Архангельске, Москве и Петербурге. Там же напечатан был Мицкевичем «Памятник Петру Великому».

Осенью 1833 года, уезжая на места Пугачевского восстания, Пушкин взял этот том с собою. Польский язык он тогда уже настолько хорошо знал, что произведения своего друга мог читать в оригинале.

Пронизанные гражданским пафосом стихотворения Мицкевича из цикла «Петербург» не могли не заинтересовать Пушкина. Польский поэт давал в них сатирическое изображение Петербурга, символизировавшего ненавистную ему николаевскую императорскую Россию.

Особое внимание Пушкина обратили на себя три стихотворения этого цикла. Необыкновенно четким, аккуратным почерком он списал их в свою тетрадь, имея в виду перевести.

В первом стихотворении — «Олешкевич» — Мицкевич дал яркое описание знаменитого петербургского наводнения 7 ноября 1824 года. До сих пор на многих зданиях на набережной Невы сохранились на высоте до полутора метров отметки и надписи, указывающие, до какой черты доходили в тот день вышедшие из берегов невские воды. А в творческом сознании самого Пушкина уже зрели картины и образы его «Медного всадника», явившиеся до известной степени и ответом на сатирическое изображение Петербурга Мицкевичем. В частности, полемически звучали замечательные пушкинские строки:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,

Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса...

Второе стихотворение Мицкевича было адресовано русским друзьям. В третьем — «Памятник Петру Великому» — говорилось о дружбе Пушкина с Мицкевичем и излагались их задушевные беседы. Это стихотворение начиналось строками:

Двое юношей стояли под дождем,
Рука с рукой и под одним плащом;
Один из них — неутомимый странник,
Сын Запада, неведомый пришлец,
Другой — народа русского избранник,
Прославленный на Севере певец,
Но узы дружбы их соединяют.

Переписав все эти стихотворения, Пушкин впоследствии отказался от их перевода, хотя тогда же перевел две баллады Мицкевича: «Будрыс и его сыновья» и «Воевода».

В стихотворении Мицкевича «Русским друзьям» были, однако, строки, которые Пушкин мог принять на свой счет:

Быть может, кто-нибудь из вас, чином,
орденом обесславленный,
Вольную душу продал за царскую ласку
И теперь у его порога отбивает поклоны.
Быть может, продажным языком славит его торжество
И радуется страданиям своих друзей...

Через год, в 1834 году, Пушкин отозвался на эти строки примирительным незаконченным стихотворением:

Он между нами жил,
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем

Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом —
и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напоял. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром
И возврати ему...

Мицкевич, однако, не питал злобы к своему русскому собрату: в журнале «Globe» он поместил 25 мая 1837 года посвященный Пушкину некролог на французском языке за подписью — «Один из друзей Пушкина», в котором писал: «Он любил рассуждать о высоких вопросах, религиозных и общественных, которые и не снились его соотечественникам... Пушкин, вызывавший восторг читателей своим поэтическим талантом, изумлял своих слушателей живостью, тонкостью и проницательностью своего ума. Он обладал удивительной памятью, определенностью суждений и утонченным вкусом. Слушая его рассуждения об иностранной или внутренней политике его страны, можно было принять его за человека, поседевшего в трудах на общественном поприще и ежедневно читающего отчеты всех парламентов. Своими эпиграммами и сарказмами он создал себе много врагов. Они мстили ему клеветой. Я знал русского поэта весьма близко и в течение довольно продолжительного времени; я наблюдал в нем характер слишком впечатлительный, а порою легкий, но всегда искренний, благородный и откровенный. Недостатки его представлялись рожденными обстоятельствами и средой, в которой он жил, но все, что было в нем хорошего, шло из его собственного сердца...»

Поэт Н. М. Языков в письме В. Д. Комовскому от 20 апреля 1837 года сообщил даже дошедший до него слух, будто Мицкевич вызвал на дуэль приехавшего в Париж убийцу Пушкина, Дантеса...

В 1830—1831 годах Мицкевич жил в Познани, а после подавления восстания переехал в Дрезден, а затем в Париж. Материально нуждаясь, он должен был добиваться места профессора в Лозаннской академии, а затем вернулся в Париж, где читал в Коллеж де Франс лекции на учрежденной для него кафедре славянских литератур. Одну из лекций читанного здесь курса Мицкевич целиком посвятил Пушкину.

Царскую Россию Мицкевич ненавидел до конца своих дней и не переставал мечтать о возрождении независимой Польши. Во время Крымской войны 1854—1856 годов он направился в Константинополь, чтобы принять участие в военных действиях против России, но заболел холерой и 14 ноября 1855 года скончался...

НАЩОКИНСКИЙ ДОМИК

Среди многочисленных персонажей, населяющих страницы гоголевских «Мертвых душ», есть один, чей прообраз — живое лицо близкого пушкинского окружения.

Это не Собакевич, не Ноздрев, не Плюшкин, не Манилов, не Коробочка. Сам Гоголь выделил его из среды и поселил во втором томе «Мертвых душ». Это Хлобуев, к которому приехал Чичиков покупать имение перед тем, как попал в острог.

Яркими, сочными мазками рисует Гоголь портрет Хлобуева:

«— Пойдем, пойдем осматривать беспорядки и беспутство мое,— приглашает Хлобуев Чичикова, Костанжогло и Платонова, направляясь с ними мимо слепых лачуг своей деревни с крохотными, заткнутыми онучей окнами.— Конечно, вы хорошо сделали, что пообедали. Поверите ли, курицы нет в доме — до того дожил!.. Не можете вообразить, как трудно! Безденежье, бесхлебье, бессапожье. Ведь это для вас слова иностранного языка...»

В доме Хлобуева гостей поразило «как бы смешение нищеты с блестящими безделушками позднейшей роскоши. Какой-то Шекспир сидел на чернильнице; на столе лежала щегольская ручка слоновой кости для почесывания себе самому спины»...

Городская жизнь этого любопытного персонажа отличалась большими странностями: «...сегодня поп в ризах служил молебен, завтра давали репетицию французские актеры. В иной день ни крошки хлеба нельзя было отыскать; в другой — хлебосольный прием всех актеров и художников и великолепная подача всем...»

Хлобуеву всегда нужны были деньги, и не какие-нибудь скромные суммы, а сто или двести тысяч.

— Но что прикажете делать? Нет, да и нет такого благодетеля, который решился бы дать двести или хоть сто тысяч взаймы. Видно, уж бог не хочет,— говорил Хло-

буев, выгрузив перед своими гостями целую кучу «прожектов», из которых один был нелепее другого.

Вслед за этим Хлобуев совершенно неожиданно объявлял:

— На будущей неделе я даю обед всем сановникам в городе...

Портрет этот Гоголь рисовал с Павла Воиновича Нащокина, одного из очень близких друзей Пушкина.

Чем же пленил Нащокин Пушкина?

Прежде всего тем, что он был «ума необыкновенного и доброты несказанной». Поэту нравился его необузданный широкий размах.

Нащокин учился вместе с братом Пушкина Львом в Благородном университетском пансионе. В этом, бесспорно, культурном и образованном, с тонким художественным вкусом человеке, несмотря на большие странности, было нечто, выделявшее его из среды общества ординарных людей, и друзьями его были выдающиеся люди эпохи: Баратынский, Вяземский, Жуковский, Языков, Денис Давыдов, Гоголь, Чаадаев, художники Брюллов и Тропинин, знаменитый актер Щепкин.

Пушкин хотел сделать его героем своего романа «Русский Пелам», показать богатого и одаренного молодого человека, который сумел пронести через всю свою разгульную и бесшабашную жизнь ясный ум и чистую, исполненную благородства душу.

В письмах Пушкин делился с Нащокиным самыми интимными своими переживаниями, радостными и печальными, и нередко устраивал через него свои денежные дела.

Пушкин, между прочим, был восприемником родившейся у Нащокина дочери, а Нащокин — восприемником старшего сына Пушкина, Александра.

Нащокин рассказал Пушкину случай с помещиком Островским, который лег в основу сюжета «Дубровского», и обратил внимание поэта на молодого Белинского.

Свою страстную неуемную натуру Нащокин, видимо, унаследовал от отца, одного из известнейших генералов екатерининского века. О нем ходило в свое время множество забавных рассказов и анекдотов. Это побудило Пушкина просить Нащокина писать свои воспоминания.

Тот начал их в 1830 году и первые страницы послал Пушкину из Москвы. Записки были интересны, написаны хорошим литературным языком, и Пушкин исправлял их на полях своею рукою.

Нащокин рассказал в них, между прочим, любопытный эпизод из жизни своего отца.

После похода с А. В. Суворовым отец Нащокина выпросил отпуск и прожил несколько месяцев в деревне, занимаясь охотой. Когда он вернулся в армию, Суворов успел отличиться и встретил его в александровской ленте через плечо.

— Так-то, батюшка В. В.,— сказал ему Суворов, указывая на свою красную ленту,— покамест вы травили зайцев, и я затравил красного зверя.

Старый Нащокин вспылил и дал Суворову пощечину. Тот пожаловался императрице. Екатерина II просила Суворова не поднимать шума, а Нащокину послала Георгиевский крест при рескрипте, в котором было сказано, что «за обиду, учиненную храброму, храбрый лишается награды, которой он достоин», а Нащокин получает орден по личному ходатайству А. В. Суворова.

Нащокин ордена не принял. Он заявил императрице, что никому не хочет быть обязан, кроме как самому себе...

Позднее, когда Павел I занял царский престол, старый генерал вышел в отставку. Подавая прошение, Нащокин объяснил царю причину:

— Вы горячи, и я горяч: нам вместе не ужиться.

Отец Нащокина вообще никого не почитал не только высшим, но даже равным себе. «Он и о боге отзывался хотя и с уважением, но все как о низшем по чину, так что когда он был генерал-майором, то на бога смотрел как на бригадира»,— писал его сын.

Нащокин посылал Пушкину свои рукописи с перерывами, и Пушкин написал ему в 1832 году:

«Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом вырастет том, а там, поглядишь,— и другой...»

Но царившая в доме Нащокина сутолока не давала возможности заняться литературным трудом. О ней дает представление письмо Пушкина жене, написанное в 1831 году, когда он, приехав в Москву, остановился у своего друга.

«Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него

разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного... Все это поневоле меня бесит... Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел...»

Записок своих Нащокин, конечно, не закончил в такой обстановке, и ни одного тома, который мог бы украсить библиотеку Пушкина и его личную, не получилось.

О дружеских отношениях Пушкина с Нащокиным свидетельствует шутливое письмо поэта к композитору А. Н. Верстовскому, написанное в ноябре 1830 года из Болдина. Кругом свирепствовала холера, она докатилась уже до Москвы, и Пушкин писал: «Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому, что он мне должен; 2) потому, что я надеюсь быть ему должен; 3) что, если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, т. е. умного и дружеского...»

В 1834 году Пушкин писал самому Нащокину: «Когда бы нам с тобою увидеться! Много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня в этот год такого, о чем не худо бы потолковать у тебя на диване, с трубкой в зубах, вдали цыганских бурь и рахмановских наездов».

Приезжая в Москву, Пушкин не раз останавливался у Нащокина.

Однажды он остановился у него в Гагаринском переулке, 4, в двухэтажном доме с шахматной крышей и гербом на фронтоне.

Как-то, когда Нащокин был при деньгах, у него явилась мысль — один из его неожиданных и оригинальных «прожектов» — воспроизвести в миниатюре этот дом и комнаты.

Изготовление домика осуществлялось на протяжении нескольких лет. Лучшим мастерам Москвы были заказаны миниатюрные предметы домашнего обихода. Мебель выполняли па знаменитой московской мебельной фабрике Гамбса, посуду — на старинной фарфоровой фабрике Попова. И на всех крошечных чашечках и тарелочках стояла марка этой фирмы. В особом погребце лежали крошечные ножи, вилки, ложки. Серебряные самовар, чайник, подно-

сы помечены 1831—1834 годами. Обувь делал по специальным колодкам известный петербургский мастер Педо.

В гостиной стоял изготовленный на фабрике Фишера настоящий миниатюрный рояль в семь с половиной октав. На нем, по словам Пушкина, «играть можно будет пауку», и на этом крошечном рояле, длиною в 50 и высотою в 18 сантиметров, жена Нащокина действительно наигрывала молоточком мелодии.

На крошечном письменном столе стояли письменный прибор, бювары, лампа под абажуром. В небольшом футляре лежала пара дуэльных пистолетов. В углу — стойки с трубочными чубуками и тростями. Был и маленький биллиард с шарами и киями.

В спальне, за ширмой,— широкая постель, на колодках — крошечные высокие сапоги.

С потолка свешивались золоченые люстры ажурной работы, украшенные гирляндами и амурами. Повсюду стойки с маленькими масляными лампами.

«С Нащокиным вижусь каждый день,— писал Пушкин жене из Москвы.— У него в *домике* был пир; подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль, не было гостей». И в другом письме: «Дом Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человеков! Как бы Маша им радовалась!»

Затея эта обошлась Нащокину в 44 000 рублей ассигнациями. Он хотел завещать кукольный домик жене Пушкина, Наталье Николаевне, но в трудную минуту, проигравшись в карты, заложил его за 6000 рублей.

Нащокин, видимо, не выкупил домика. На протяжении трех четвертей века домик переходил из рук в руки и постепенно разрушался. Он объявился наконец в 1910 году и был показан в Петербурге на специальной выставке в конференц-зале Академии наук и в 1911 году — в московском Литературно-художественном кружке. Домик выставил художник С. А. Галяшкин.

В своей недавно вышедшей книге о людях и житейских встречах известный писатель В. Г. Лидин подробно рассказывает, как С. А. Галяшкин приобрел нащокинский домик.

Эту повесть он записал у постели его 76-летнего больного брата, Якова Александровича Галяшкина, и ему посвятил ее.

Сергей Александрович Галяшкин, узнав, что нащокинский домик приобрел проживавший в Луге антиквар, приехал к нему и воочию увидел домик. «Антиквар запросил

за него,— написал он брату в Петербург,— препорядочно — пять тысяч. Что делать? У меня сейчас таких денег нет, а упустить эту вещь не могу. Может быть, она положит начало будущему Пушкинскому дому. Я вещью этой брежу, хотя она в страшном беспорядке и требует кропотливой многолетней реставрации...»

Домик был куплен, доставлен в Петербург, и в течение долгих месяцев оба брата, бродя по рынкам, подыскивали старинные ткани, миниатюрную посуду и другие игрушечные предметы, необходимые для восстановления домика в его первоначальном виде.

Когда домик был наконец восстановлен и выставлен в конференц-зале Академии наук, он привлек к себе общее внимание. Приехавшая на выставку великая княгиня Мария Павловна, президент Академии художеств, рассматривая его через лорнет, сказала:

— Какая милая вещь! Надо будет обязательно показать ее детям...

Домик приобретен не был, и Галяшкин переправил его в Москву.

На выставке нащокинского домика в Москве продавались небольшие альбомы с восемью репродукциями его комнат.

В альбоме воспроизведены были в миниатюре гостиная, столовая, спальня и человеческие фигурки. В одной из них узнаем Пушкина, он читает гостям стихи. Судя по облику, гости эти — Н. В. Гоголь и поэт пушкинской поры, редактор «Дамского журнала» Шаликов.

Мы видим Пушкина и в гостиной. Он стоит у дверей. За роялем — жена Нащокина. Руки ее на клавишах. Рядом с Пушкиным сидит на крошечном диване какая-то дама в пышном платье и большой шляпе. Каждая из этих крошечных скульптурных фигурок не превышала нескольких сантиметров.

На другой репродукции два человечка играют в биллиард. В руках у них крошечные кии, на биллиарде — миниатюрные шары...

Фигурки выполнены были императорским фарфоровым заводом в трех экземплярах каждая. Одну из них — Пушкина, читающего стихи, Я. А. Галяшкин подарил В. Г. Лидину.

Она хранится сегодня в библиотеке писателя, в окружении его замечательного собрания редких книг.

В 1913 году, в дни трехсотлетия дома Романовых, братья Галяшкины выставили нащокинский домик на

царскосельской юбилейной выставке. Выставку посетил Николай II. Он посмотрел на братьев и на домик пустыми глазами.

— Оригинальная вещь,— заметил он и равнодушно прошел мимо.

Я. А. Галяшкин рассказывал В. Г. Лидину, что в 1921 году нащокинский домик был обнаружен на одном из складов мебели. По просьбе А. В. Луначарского братья Галяшкины, живописец и историк, восстановили его вторично, но отдельные детали домика, в том числе человечки, безвозвратно погибли.

Покупая, полвека тому назад, у антиквара полуразрушенный нащокинский домик, братья мечтали о создании музея Пушкина. Мечта их осуществилась: домик находится сегодня во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

Пушкина Нащокин любил нежно и трогательно. Для него он был «удивительный Александр Сергеевич, утешитель мой, радость моя». Уезжая в Английский клуб, куда Пушкин не любил ездить, Нащокин обычно укладывал своего друга спать, укутывал и крестил. Иногда присылал из клуба варенец и моченые яблоки, до которых Пушкин был большой охотник.

У Нащокиных Пушкин остановился и в свой последний приезд в Москву, в мае 1836 года, когда они жили в сохранившемся до наших дней доме в Воротниковском переулке, 12.

— Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье! — часто восклицал он, сидя между Нащокиным и его женой на турецком диване, в красном архалуке с зелеными клеточками, поджав под себя ноги.

В этот приезд Пушкин прожил у Нащокиных немногим больше двух недель. За ужином он читал «Русалку», и этот ужин оказался прощальным. Они не думали, что больше никогда не увидятся...

«ТРОЙКА, СЕМЕРКА, ТУЗ...»

Карточная игра была очень распространена в пушкинском Петербурге. «Страсть к игре есть самая сильная из страстей»,— сказал как-то Пушкин в разговоре с Вяземским.

Поэт и сам был подвержен этой страсти. Женившись, он писал 15 января 1832 года одному из своих приятелей, М. О. Судиенке: «Надобно тебе сказать, что я женат около года и что вследствие сего образ жизни моей совершенно переменился, к неописанному огорчению... кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет...»

«Пиковая дама» была написана им в 1833 году, но замысел возник, по-видимому, значительно раньше, судя по наброску первой главы повести из жизни петербургских великосветских игроков конца двадцатых годов. Набросок «Года четыре тому назад» восстанавливал образ жизни самого поэта в 1828—1829 годах.

В те годы Пушкин встречался за карточным столом с известным московским игроком В. С. Огонь-Догановским, которому, судя по письму, написанному в мае — июне 1830 года, задолжал крупную сумму. Его он вывел впоследствии в «Пиковой даме» в образе «славного Чекалинского».

Большим успехом пользовалась в пушкинское время трехактная драма Дюканжа «30 лет, или Жизнь игрока». Она шла в первый раз 3 мая 1828 года, не сходила со сцены на протяжении семи лет, и Пушкин, конечно, видел ее. Героя этой пьесы Жоржа де Жермани играл знаменитый Каратыгин...

Несколько находящихся в библиотеке Пушкина книг свидетельствуют о том, что к литературе на темы карточной игры поэт проявлял известный интерес.

«Коран виста, или Полное собрание правил сей игры» — так называлась книга, изданная в 1832 году в переводе с французского, в которой приводились многочисленные примеры и случаи из области игры в вист и любопытные исчисления вероятности выигрышей.

Было в библиотеке Пушкина еще шеститомное «Историческое, политическое и практическое зеркало старого и нового Парижа» Л. Прюдома, вышедшее в 1807 году в Париже третьим изданием на французском языке. Между страницами второго тома, в главе «Игра и игроки», оказалась закладка из белой бумаги. Здесь было много сведений по истории карточной игры, рассказывалось о ее «опасностях», описывались игорные дома. Этот материал не мог не остановить на себе внимание будущего автора «Пиковой дамы».

Тема карточной игры отражена и в произведениях Э.-Т.-А. Гофмана, девятнадцатитомное издание которых,

вышедшее в 1830—1833 годах, в переводе на французский язык Леве-Веймара, сохранилось на полках пушкинской библиотеки. В «Эликсире сатаны» мы находим фантастический эпизод с картой, превращаемой в портрет. Эпизод с убитой дамой в финале карточной игры поэт мог прочитать в повести Гофмана «Счастье игрока».

Была еще книга, хорошо знакомая Пушкину,— вышедший в 1823 году в Дрездене исторический роман немецкого писателя Фан дер Фельде из эпохи Карла XII — «Арвед Гилленстиерн», в которой трактовалась та же тема.

Этой книги не было в библиотеке Пушкина, но она имелась в библиотеке в Тригорском, и о ней беседовал с поэтом А. Н. Вульф, собиравшийся переводить ее на русский язык. В этом романе в среду игроков попадают офицер Арвед и военный инженер Мегрет. У Пушкина главный герой «Пиковой дамы» Германн — тоже военный инженер. И у Фан дер Фельде, и у Пушкина мысль о счастливой карте возникает непосредственно за карточным столом.

В «Арведе» состязание Арведа с Мегретом кончается выигрышем последнего. Пушкин углубил сюжет, и карточный поединок Германна с Чекалинским заканчивается трагически.

Подтверждением тому, что роман Фан дер Фельде остановил на себе внимание Пушкина, служит запись поэта на рукописях четвертой и пятой глав «Евгения Онегина»: «От 7 до 9 гл. из Arwed Gillenstierna».

Была в то время хорошо известна в великосветских кругах Петербурга «усатая княгиня» Наталья Петровна Голицына, современница императрицы Елизаветы Петровны, фрейлина пяти императриц. С нею считались не только двор и «свет», но даже цари. Пушкин знал Голицыну и с интересом присматривался к этому редкостному обломку старины.

Ее внук, меломан, автор эпиграмм, остроумный рассказчик и картежник С. Г. Голицын, известный в кругу великосветской молодежи под именем Фирса, сам рассказывал Пушкину, как, проигравшись однажды в карты, пришел к бабке просить денег. Бабка денег не дала, но назвала ему три выигрышные карты — тройку, семерку, туза,— которые сообщил ей в Париже знаменитый алхимик и авантюрист Сен-Жермен.

— Попробуй! — сказала внуку бабушка.

Внук поставил на них и отыгрался...

Все это вместе взятое наслаивалось в творческом сознании Пушкина и привело к созданию «Пиковой дамы».

Поэт читал повесть своему другу Нащокину и в разговоре с ним подтвердил, что главная завязка ее — рассказ Томского о своей бабушке, старой графине, которой известна тайна трех карт,— не вымышлена.

«Пиковая дама» была опубликована в «Библиотеке для чтения» в 1834 году и имела большой успех.

Прообразом старой графини послужила поэту княгиня Н. П. Голицына. Нащокин, однако, заметил гораздо большее сходство между графиней и теткой жены Пушкина, Натальей Кирилловной Загряжской, тоже девяностолетней старухой, фрейлиной Екатерины II.

Пушкин согласился с Нащокиным, но сказал, что ему все же легче было изобразить Голицыну, чем Загряжскую, привычки и характер которой были много сложнее. Вообще же Пушкин любил бывать у Загряжской и из уст ее часто слышал интереснейшие воспоминания о прошлом и рассказы о жизни придворных и светских кругов. Некоторые эпизоды из ее рассказов мы находим в «Дневнике» Пушкина 1833—1835 годов.

Седьмого апреля 1834 года Пушкин записал в «Дневнике»: «Моя «Пиковая дама» в большой моде.— Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...»

«А В НЕНАСТНЫЕ ДНИ СОБИРАЛИСЬ ОНИ...»

В глуши михайловской ссылки, вдали от Петербурга, Пушкин особенно остро ощущал свое одиночество. Он только что закончил «Бориса Годунова», послал лицейским товарищам свое замечательное «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»), продолжал трудиться над «Евгением Онегиным». Но настроение у него было угнетенное: «С тех пор как я в Михайловском, я только два раза хохотал»,— писал он Вяземскому.

Между тем шел уже седьмой год его ссылки...

Со смертью Александра I и воцарением Николая I у поэта рождаются надежды на освобождение. Он обращается к Жуковскому: «Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?»

И затем к Плетневу: «...не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я шесть лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге — а?»

Он пишет Вяземскому из Пскова: «...если царь даст мне *слободу*, то я месяца не останусь... мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне «Онегина» я изобразил свою жизнь... Незабавно умереть в Опочецком уезде...»

О чем же говорил Пушкин в этой четвертой песне своего романа?

Евгений «в первой юности своей был жертвой бурных заблуждений и необузданных страстей...». Читателя волнует холодный, бездушный ответ Онегина на трогательное признание Татьяны. Волнует, что, сразу забыв о встрече с ней, Онегин, «точно равнодушный гость, на *вист* вечерний приезжает».

Пушкин спрашивает: «в глуши что делать в эту пору?» — когда уже трещат морозы. Пишет, что любит «дружеские враки и дружеский бокал вина», и заканчивает четвертую песню строками:

Но жалок тот, кто все предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!

Тяжелый «опыт» шестилетнего изгнания не остудил сердца Пушкина, и поэт не запрещает себе от времени до времени «забываться» в кругу приятелей.

Среди таких приятелей Пушкина был И. Е. Великопольский, отставной офицер и поэт, живший то в Москве, то в своем тверском имении и от времени до времени наезжавший в Псков. Пушкин иногда приезжал из Михайловского в Псков и останавливался у своего знакомого Г. П. Назимова.

Здесь он встретился и сблизился с Великопольским. Отношения между ними установились дружеские.

В начале марта 1826 года Великопольский прислал Пушкину томик стихотворений поэта-крестьянина Ф. Н. Слепушкина. В библиотеке Пушкина два томика его стихотворений. На одном — «Четыре времени года русского поселянина», изданном в Петербурге в 1830 году, дарственная надпись: «Его высокоблагородию милостивейшему государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного почитания и благодарности приносит сочинитель».

Другая книга стихотворений Слепушкина «Досуги сельского жителя», изданная в Петербурге в 1826 году, прислана Пушкину Великопольским.

Пушкин сразу же отозвался и поблагодарил Великопольского письмом: «Сердечно благодарю Вас за письмо, приятный знак Вашего ко мне благорасположения. Стихотворения Слепушкина получил и перечитываю все с бóльшим и бóльшим удивлением. Ваша прекрасная мысль об улучшении состояния поэта-крестьянина, надеюсь, не пропадет. Не знаю, соберусь ли я снова к Вам во Псков; Вы не совершенно отнимаете у меня надежду Вас увидеть в моей глуши...»

В один из приездов Пушкина в Псков вечером у Назимова, очевидно, сели за карты —

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом.

Пушкин, видимо, выиграл в этот вечер, и Великопольский остался ему должен. И 3 июня 1826 года решил напомнить Великопольскому о его старом карточном долге:

«С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви, то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штосс:
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

Сделайте одолжение, пятьсот рублей, которые Вы мне должны, возвратить не мне, но Гавриилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно

Александра Пушкина».

Великопольский написал Пушкину в ответ:

В умах людей, как прежде царствуй,
Храни священный огнь души,
Как можно менее мытарствуй,
Как можно более пиши,
А за посланье — благодарствуй!

И закончил, вспоминая привычку Пушкина носить длинные ногти:

В стихах ты — только, что не свят,
Но счастье — лживая монета,
И когти длинные поэта
От бед игры не защитят!

Великопольский, вероятно, не мог забыть, как шутливо-иронически отозвался Пушкин о его поэтическом творчестве,— «играешь ты на лире очень мило»,— и в минуту раздражения направил по адресу Пушкина стихи:

АРИСТ-ПОЭТ

Арист — негодный человек,
Не связан ни родством, ни дружбой:
Отцом покинут, брошен службой,
Провел без совести свой век;
Его исправить — труд напрасен,
Зато кричит о нем весь свет:
Вот он-то истинный поэт,
И каждый стих его прекрасен.
И точно: верь или не верь,—
Не правда ли (сказать меж нами)?
На всю поэзию теперь
Другими взглянем мы глазами!

Четвертая строка стихотворения была в первом варианте иная: «Шумит, бунтует целый век», но Великопольский заменил ее более резкою строкою: «Провел без совести свой век».

Прошло около двух лет. Великопольский, видимо, убедился, что он действительно «довольно плохо в штосс играет», и написал стихи «К Эрасту (Сатира на игроков)», в которых доказывал пагубность для молодых людей увлечения картами.

Зная Великопольского страстным и увлекающимся игроком, Пушкин напечатал в «Северной пчеле» без

подписи «Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков», которое закончил строками:

Я с ним готов всю ночь не спать
И до полдневного сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.

Задетый этим стихотворением, Великопольский послал в «Северную пчелу» свой «Ответ знакомому сочинителю послания ко мне», в котором были, между прочим, строки:

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе.

Редактор «Северной пчелы» Булгарин не решился напечатать эти стихи Великопольского без согласия Пушкина и познакомил с ними поэта. Пушкин написал в конце марта 1828 года Великопольскому:

«Любезный Иван Ермолаевич.

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не мог согласиться.

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе,

и ваше примечание,— конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочие — очень милы. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мере отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставите меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8-ю главу «Онегина»?»

Пушкин вспомнил, как Великопольский заплатил ему однажды карточный долг 35-ю томами «Энциклопедии наук, искусств и ремесл» Дидро, д'Аламбера и других, издания 1751—1780 годов, и закончил свое письмо к Великопольскому строками:

«NB. Я не проигрывал 2-й главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи.

Простите.

Весь ваш *А. П.*»

Последним отголоском всей этой истории явилось написанное Пушкиным в 1829 году резкое стихотворение «На Великопольского»:

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров —
И с радостью на карту б, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

Именем Горация назвал Пушкин Великопольского за его сатирические стихотворения, Беверлеем — по имени игрока, главного героя драмы французского писателя Сорена «Беверлей», переведенной на русский язык и с большим успехом шедшей на русской сцене в пушкинскую пору.

Ни на письмо Пушкина, ни на это стихотворение Великопольский ничего не ответил. Он очень уважал Пушкина и о своей размолвке с великим поэтом впоследствии не любил вспоминать...

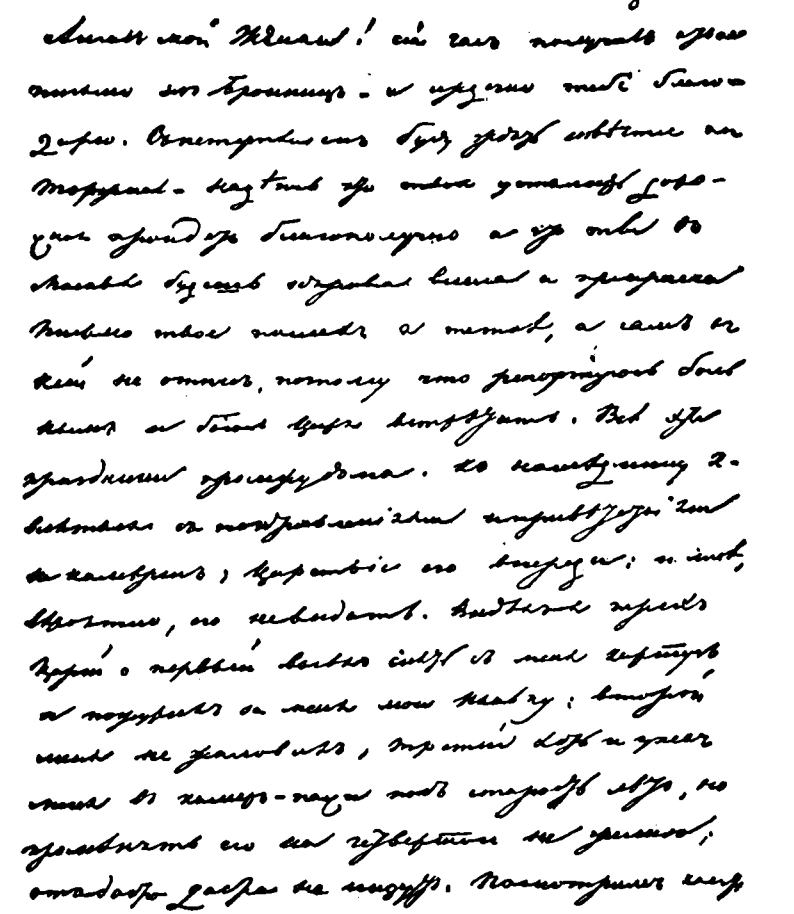
«ВИДЕЛ Я ТРЕХ ЦАРЕЙ...»

В дельвиговском альманахе «Северные цветы» довольно часто печатались стихотворения поэта М. Д. Деларю. Произведения его не вызывали восторгов читателей.

Деларю был лицеистом позднейшего выпуска. Пушкин невысоко ценил его как поэта. В ответ на письма П. А. Плетнева, находившего у Деларю «прекрасный талант», Пушкин писал в апреле 1831 года: «Деларю слишком гладко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а много искусства...»

В издававшемся Смирдиным журнале «Библиотека для чтения» Деларю напечатал в 1834 году перевод стихотворения В. Гюго «Красавице»:

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
    За взор, за взгляд единый твой.
И если б богом был,— селеньями святыми
Клянусь,— я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
    За твой единый поцелуй!

Письмо А. С. Пушкина к жене. Автограф.

Митрополит Серафим счел необходимым обратить внимание Николая I на «неприличные выражения», допущенные Деларю в этих стихах и заключающие в себе «дерзкие мечты быть царем и даже богом».

За разрешение печатать это стихотворение цензор А. В. Никитенко просидел восемь суток на гауптвахте, а Деларю, служивший в канцелярии военного министра, получил строгий выговор и вынужден был подать в отставку.

Пушкин записал по этому поводу в «Дневнике» 22 декабря 1834 года: «Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это все равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль».

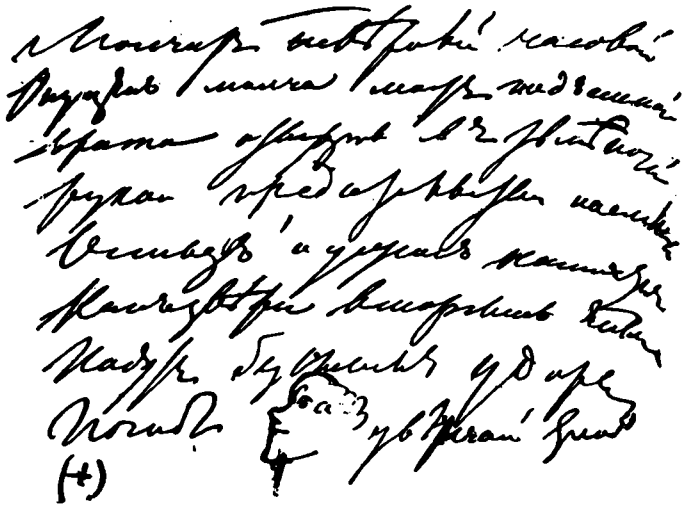
В 1835 году Деларю выпустил небольшой сборник своих стихотворений «Опыты в стихах», который преподнес Пушкину. Томик этот и сегодня стоит на полках пушкинской библиотеки. Из ста пятидесяти двух страниц его разрезаны, однако, лишь двадцать восемь.

Деларю преклонялся перед Пушкиным, и к 1834 году относится рассказ о том, как он выручил Пушкина, когда его письмо к жене, Наталье Николаевне, было перехвачено и вскрыто московским почт-директором А. Я. Булгаковым и попало в руки шефа жандармов Бенкендорфа.

Само по себе письмо было невинно по содержанию, но в нем поэт упоминал о трех царях, и к одному из них — царствовавшему тогда Николаю I — письмо попало от Бенкендорфа. Пушкин писал: «...рапортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю, от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями!»

Можно себе представить, с каким удивлением безмерно подозрительный Николай I читал попавшее к нему письмо поэта... Но Жуковскому все же удалось представить царю дело в благоприятном для Пушкина свете.

Пушкин, однако, был глубоко возмущен вмешательством Булгакова, Бенкендорфа и Николая I в его частную личную переписку с женою и 10 мая 1834 года записал в «Дневнике»: «Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодар-

Шаржированный портрет императора Павла I на рукописи оды «Вольность». Рисунок А. С. Пушкина.

ностию. Но я могу быть подданным, даже рабом,— но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным».

Пушкин никогда не доверял почте, и еще 20 декабря 1823 года писал П. А. Вяземскому: «Я бы хотел знать, нельзя ли в переписке нашей избегнуть как-нибудь почты — я бы тебе переслал кой-что слишком для нее тяжелое. Сходнее нам в Азии писать по оказии».

Письмо это Пушкин направил своему другу еще из южной ссылки, но за десять лет, протекших с того времени, ничто не изменилось, и 3 июня 1834 года поэт писал жене в связи с пережитыми неприятностями: «...свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше...»

Почти через полвека, в 1880 году, в журнале «Русская старина» появилась статья «М. Д. Деларю и Пушкин», в которой сообщалось, что секретарь Бенкендорфа, бывший лицеист П. И. Миллер, желая выручить Пушкина, переложил копию перлюстрированного письма поэта к жене из одного отделения письменного стола Бенкендорфа в другое; зная рассеянность и забывчивость своего начальника, он хотел тем самым предотвратить нависшую над Пушкиным угрозу. По другой версии, Деларю взял ее себе.

Вся эта история характеризует приемы, средства и нравы самого императора и его правительства и красноречиво говорит о том, на какие мелочи величайший русский поэт должен был растрачивать свой гений...

«ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ ПРИДЕТ ИЗ РОССИИ...»

В библиотеке Пушкина имеется несколько разрозненных томов произведений Генриха Гейне на французском языке, изданных в Париже в 1834—1835 годах.

Второй том («Путевые картины») весь разрезан, и между 64-й и 65-й страницами осталось лежать полученное Пушкиным письмо от 27 апреля 1835 года, в котором австрийский посол в России граф Фикельмон, муж внучки фельдмаршала М. И. Кутузова, сообщает, что ему доставляет удовольствие преподнести Пушкину два полученных им «контрабандным» путем тома.

Между 162-й и 163-й страницами второго тома была найдена небольшая, сделанная рукою Пушкина запись на листке почтовой бумаги, оторванном от чьего-то письма, на котором сохранилась лишь надпись: «22-го апреля 1835 года. Его высокобл. А. С. Пушкину».

Пушкин писал на французском языке: «Освобождение Европы придет из России, так как только там предрассудок аристократии не существует вовсе. В других местах верят в аристократию, одни, чтобы презирать ее, другие, чтобы ненавидеть, третьи, чтобы извлекать из нее выгоду, тщеславие и т. п. В России ничего подобного. В нее не верят, вот и все».

По мнению известного пушкиниста М. А. Цявловского, это не выписка из Гейне и не пересказ его мыслей: в «Путевых картинах» Гейне есть места, которые могли натолкнуть Пушкина на подобные размышления.

В главе «Италия» Гейне, между прочим, пишет: «...благодаря удивительным переменам в лозунгах и среди пред-

ставителей великой борьбы, обстоятельства сложились так, что самый горячий приверженец революции в победе России видит благо всего мира...

...То, что до сих пор сочиняли алармисты об опасности, грозящей нам от слишком выросшего могущества России, глупо. По крайней мере нам, немцам, нечего рисковать; немного больше или немного меньше рабства, для нас это не существенно, когда должно быть достигнуто нечто более высокое — освобождение от остатков феодализма и клерикализма...

...стоит сравнить, в смысле свободы, Англию с Россией, и у самого осторожного человека не останется никакого сомнения относительно того, к которой партии следует примкнуть. Свобода в Англии возникла на почве исторических событий, в России она вытекала из принципов. Как те события, так и их результаты носят на себе отпечаток средних веков; вся Англия застыла на своих средневековых, необновляющихся учреждениях, которыми окопалась аристократия, ожидающая решительного боя. Те же принципы, из которых вытекала, или, вернее сказать, с каждым днем развивается русская свобода, суть либеральные идеи новейшего времени...»

Предметом размышлений Гейне в «Путевых картинах» являлась и Россия, потрясенная за несколько лет до их написания восстанием декабристов.

Мысль, выраженная Пушкиным в этой записи, очевидно, возникла у него при чтении произведений немецкого поэта, книги, если так можно выразиться, интернациональной, проповедующей братство народов, добивающихся своих политических прав, связанных общей борьбой против реакционных режимов.

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА Н. А. ДУРОВА

В середине августа 1835 года Пушкин получил письмо из Елабуги Вятской губернии. Характер и стиль письма выдавали человека умного, бывалого и решительного.

«Не извиняюсь за простоту адреса, милостивый государь Александр Сергеевич! — начал адресат свое письмо.— Титулы кажутся мне смешными в сравнении со славным именем Вашим. Чтоб не занять напрасно ни времени, ни внимания Вашего, спешу сказать, что́ заставило меня писать к Вам: у меня есть несколько листов моих записок; я желал бы продать их, и предпочтительно Вам.

Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо Ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественников, тем более, что происшествие, давшее повод писать их, было некогда предметом любопытства и удивления. Цену назначьте сами; я в этом деле ничего не разумею и считаю за лучшее вериться Вам самим, Вашей честности и опытности...

Преданный слуга ваш *Александров».*

«Происшествие», вызывавшее некогда любопытство и удивление,— замечательный героический подвиг кавалерист-девицы Надежды Андреевны Дуровой, сражавшейся во время Отечественной войны 1812 года в рядах русской армии под именем офицера Конно-Польского уланского полка Александрова.

Рукопись, о которой шла в письме речь, Пушкин получил через брата Дуровой и незамедлительно ответил ей:

«Сейчас прочел переписанные «Записки»: прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен...

Я издаю журнал; во второй книжке оного (то есть в июле месяце) напечатаю я «Записки о 12 годе» (все или часть их) и тотчас перешлю Вам деньги по 200 рублей за лист печатный...

«Полные записки», вероятно, пойдут успешно после того, как я о них протрублю в своем журнале. Я готов их и купить и напечатать в пользу автора — как ему будет угодно и выгоднее...

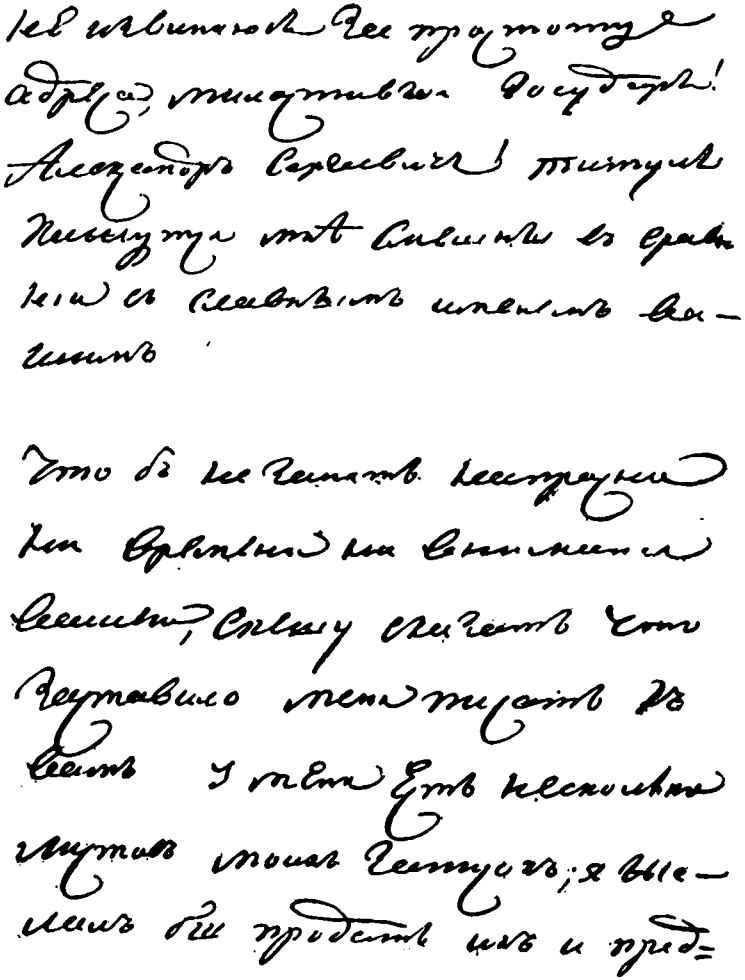
Братец Ваш пишет, что летом будет в Петербурге. Ожидаю его с нетерпением. Прощайте, будьте счастливы и дай бог Вам разбогатеть с легкой ручки храброго Александрова, которую ручку прошу за меня поцеловать.

Весь Ваш *А. Пушкин».*

Летом 1836 года автор «Записок», кавалерист-девица Н. А. Дурова, приехала в Петербург. Пушкин лично посетил ее и затем заехал за ней и пригласил к себе на дачу обедать. По пути на Каменный остров поэт показал Дуровой место казни декабристов, у Петропавловской крепости.

В те дни вышел номер «Современника», в котором напечатаны были отрывки из ее «Записок» со следующим написанным Пушкиным предисловием к ним:

«В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, вступил рядовым в Конно-Польский уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский Георгиевский крест и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский гусарский полк. Впоследствии перешел он в Ли-

Письмо Н. А. Дуровой А. С. Пушкину от 5 августа 1835 года. Автограф.

товский уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

По-видимому, все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шуму, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество...

С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы *«Современника»* отрывками из журнала, веденного ею в 1812—1813 году. С глубочайшей благодарностию спешим воспользоваться ее позволением».

Напечатанное в «Современнике» предисловие к «Запискам» взволновало Дурову: зачем Пушкин открыл ее настоящее имя и сообщил, что «корнет Александров был девица Надежда Дурова»? Она тотчас же написала ему:

«Имя, которым Вы назвали меня, милостивый государь Александр Сергеевич, в Вашем предисловии, не дает мне покоя! Нет ли средства помочь этому горю? Записки, хоть и напечатаны, но в свет еще не вышли, публика ничего об них не знает, итак, нельзя ли сделать таким образом: присоедините их к тем, что сегодня взяли у меня, издайте все вместе от себя и назовите: «Своеручные записки русской амазонки, известной под именем Александрова».

Что получите за эту книгу, разделите со мною пополам, за вычетом того, что употребите на печатание. Таким образом, Вы не потерпите ничего через уничтожение тех листов, где Вы называете меня именем, от которого я вздрагиваю, как только вздумаю, что двадцать тысяч уст его прочитают и назовут.

Угодно ли Вам мое предложение? Не опечаливайте меня отказом...

В ожидании ответа вашего остаюсь истинно почитающий вас

Александров».

Пушкин сразу же ответил на это письмо: «Вот начало Ваших «Записок». Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искренное и бескорыстное,— оставить как есть. «Записки амазонки» как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. «Записки Н. А. Дуровой» — просто, искренне и благородно. Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полумеры никуда не годятся.

Весь ваш *А. П.»*

Пушкин обещал Дуровой всяческую помощь при издании ее «Записок», но дело затягивалось. Дурова нервничала и 24 июня послала Пушкину решительное письмо, которое закончила строками: «Мне так наскучила бездейственная жизнь и бесполезное ожидание, что я только до 1-го июля обещаю вам терпение, но с 1-го, пришлете или не пришлете мне мои «Записки», действую сам.

Александр Сергеевич! Если в этом письме найдутся выражения, которые Вам не понравятся, вспомните, что я родился, вырос и возмужал в лагере; другого извинения не имею.

Простите, жду ответа и рукописи.

Вам преданный *Александров».*

На другой же день Пушкин ответил Дуровой: «Очень Вас благодарю за Ваше откровенное и решительное письмо. Оно очень мило, потому что носит верный отпечаток Вашего пылкого и нетерпеливого характера...

...«Записки» Ваши еще переписываются. Я должен был их отдать только такому человеку, в котором мог быть уверен. Оттого дело и замешкалось...

Вы со славою перешли одно поприще; Вы вступаете на новое, Вам еще чуждое. Хлопоты сочинителя Вам непонятны. Издать книгу нельзя в одну неделю; на то требуется по крайней мере месяца два. Должно рукопись переписать, представить в цензуру, обратиться в типографию и проч., и проч.

Вы пишете мне: *действуйте или дайте мне действовать.* Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну...

Будьте уверены в моей преданности и ради бога не спешите осуждать мое усердие.

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Александр Пушкин».

На это письмо Пушкин получил ответ: «Пришлите мне мои листочки, Александр Сергеевич! Их надобно сжечь, так я желал бы иметь это удовольствие поскорее...

Ваш покорный слуга

Александров».

«Записки» Дуровой, конечно, не были сожжены. Они вышли в 1836 году в свет под названием «Кавалерист-девица. Происшествие в России» и привлекли к себе внимание всей читающей публики.

Остановимся на подробностях этого необычайного «происшествия в России».

Что привело юную женщину на путь воинской славы в грозную эпоху наполеоновских войн?

Дед ее, Александрович, был большим деспотом, грозою семьи. Мать Дуровой однажды ночью бежала из родного дома. Ее личная жизнь сложилась неудачно. Она вышла замуж за ротмистра Дурова, мечтала иметь мальчика, но родилась девочка, и мать возненавидела ее с самого рождения. Девочка была неспокойная, и в порыве гнева мать выбросила ее однажды из окна кареты. Ребенка подняли окровавленным, без признаков жизни и отдали на попечение вестового ее отца, флангового гусара Астахова. Тот по целым дням носил девочку на руках, ходил с ней в эскадронную конюшню, сажал на лошадей, давал играть пистолетом, махал саблею, что приводило ее в восхищение.

Дома ребенка держали взаперти, часто наказывали. Когда матери не было, девочка любила бегать, скакать по комнате и кричать во весь голос: «Эскадрон! направо заезжай! с места марш-марш!»

Эти воинственные наклонности ребенка еще больше раздражали мать, и она заставляла ее плести кружева, шить, вязать, чего та терпеть не могла...

Дуровой было десять лет, когда она начала учиться ездить верхом, владеть оружием, стрелять из ружья. В то время ее отец купил для себя великолепную верховую лошадь — черкесского жеребца. Звали его Алкидом. Великолепное животное никого к себе не подпускало, но девочка приносила ему хлеб, сахар, соль, овес, гладила, ласкала,

говорила с ним так, будто лошадь могла понимать ее. Конь полюбил девочку, ходил за нею смирно и, сгибая кольцом шею, наклоняя к ней голову, легонько прикасался своими мягкими губами к волосам или плечу. Он свободно пускался в галоп, когда Дурова, взнуздав его, садилась в седло.

Если к матери приезжали гости, девочка убегала в сад, где в темном углу за кустарником хранились ее стрелы, лук, сабля, изломанное оружие.

Она забывала тогда все на свете...

Из уст матери ребенок часто слышал сетования на горькую женскую судьбу, угнетение, рабство и неволю, тягостную зависимость, жалобы на то, что женщина — самое презренное и ничтожное творение на свете.

В такой обстановке она росла, с годами у нее созрело решение сбросить тягостное домашнее иго и бежать из дома.

Но в 1801 году мать выдала 18-летнюю девушку замуж, и через год у нее родился сын. Брак без любви, был, видимо, безрадостен, и в своих «Записках» Дурова ни слова не говорит об этой эпизодической странице своей жизни.

«Я решилась,— читаем мы в ее «Записках»,— хотя бы это стоило мне жизни, отделиться от пола, находящегося, как я думала, под проклятием божиим».

Это она и осуществила 15 сентября 1806 года, в день своих именин.

«...Я встала,— пишет она,— чтобы скинуть свое женское платье; подошла к зеркалу, обрезала свои локоны, положила их на стол, сняла черный атласный капот и начала одеваться в казачий униформ. Стянув стан свой черным шелковым кушаком и надев высокую шапку с пунцовым верхом, с четверть часа я рассматривала преобразившийся вид свой; остриженные волосы дали мне совсем другую физиономию; я была уверена, что никому и в голову не придет подозревать пол мой... Наконец дверь отцовского дома затворилась за мною,— и кто знает? — может быть, никогда уже более не отворится для меня!..»

Ей нужно было проехать пятьдесят верст, чтобы добраться до селения, где дневал казачий полк. Окруженная мертвою тишиною леса и осенним мраком ночи, она ехала на своем Алкиде то быстрым скоком, то шагом и размышляла: «Итак, я на воле! Свобода! Независимость! Я взяла мне принадлежащее, мою свободу, свободу! Драгоценный дар неба, неотъемлемо принадлежащий каждому человеку. Я умела взять ее, охранить от всех притязаний на буду-

щее время, и отныне до могилы она будет и уделом моим и наградою!»

Дуровой шел уже двадцать третий год. На вид ей можно было дать намного меньше...

Ее зачислили в лейб-эскадрон Конно-Польского уланского полка, и уже 22 мая 1807 года Дурова приняла участие в бою под Гутштадтом.

«Как много пустого наговорили мне о первом сражении, о страхе, робости и, наконец, отчаянном мужестве! — писала она.— Какой вздор!.. Меня бранили за то, что я с каждым эскадроном ходила в атаку... я думала, так надобно, и очень удивлялась, что вахмистр чужого эскадрона, подле которого я неслась, как вихрь, кричал на меня: «Да провались ты отсюда! Зачем ты здесь скачешь?»... Новость зрелища поглотила все мое внимание. Грозный и величественный гул пушечных выстрелов, рев или какое-то рокотанье летящего ядра, скачущая конница, блестящие штыки пехоты, барабанный бой и твердый шаг и покойный вид, с каким пехотные полки наши шли на неприятеля,— все это наполняло душу мою такими ощущениями, которых я никакими словами не могу выразить».

Дурова участвовала еще в ряде сражений: при Гейльсберге, Фридланде, Тильзите, а позднее, в 1812 году,— в боях под Дашковой, в конной атаке под Смоленском, в Бородинском сражении.

Под влиянием сложившихся на фронте обстоятельств она вынуждена была однажды временно отстать от своей команды. Начальник части полковник Штакельберг грозился расстрелять ее, если она не найдет своей углубившейся в лес команды.

Команду она отыскала, но, вернувшись в часть, написала карандашом на клочке бумаги своему прямому начальнику: «Уведомьте полковника Штакельберга, что, не имея охоты быть расстрелянным, я уезжаю к главнокомандующему, при котором постараюсь остаться в качестве его ординарца».

Дурова направилась в главную квартиру фельдмаршала Кутузова.

— Главнокомандующий здесь? — спросила она встретившегося ей адъютанта.— Доложите обо мне, я имею надобность до него.

— Какую? Вы можете объявить ее через меня,— ответил адъютант.

— Не могу, мне надобно, чтобы я говорил с ним сам и без свидетелей, не откажите мне в этом снисхождении.

Адъютант прошел к Кутузову и через минуту пригласил Дурову войти, а сам вышел в переднюю.

С чувством благоговения, рассказывает Дурова, она поклонилась седому герою, маститому старцу, великому полководцу.

— Что тебе надобно, друг мой? — спросил Кутузов.

— Я желал бы иметь счастье быть вашим ординарцем во все продолжение кампании и приехал просить вас об этой милости.

— Какая же причина такой необыкновенной просьбы, а еще более способа, каким предлагаешь ее? — спросил Кутузов.

Дурова рассказала о только что полученном ею незаслуженном оскорблении от ее бывшего командира и сказала:

— Родясь и выросши в лагере, я люблю военную службу со дня моего рождения, я посвятил ей жизнь мою навсегда, я готов пролить кровь свою... Имею такой образ мыслей и репутацию храброго офицера еще в прусскую кампанию.

— В прусскую кампанию! — прервал ее Кутузов.— Разве вы служили тогда? Который вам год? Я полагаю, что вы не старее шестнадцати лет...

— В прусскую кампанию я служил в Конно-Польском полку.

— Как ваша фамилия?

— Александров.

Кутузов встал и обнял своего необычного посетителя, не подозревая, что перед ним женщина.

— Как я рад,— сказал он,— что имею, наконец, удовольствие узнать вас лично! Я давно уже слышал о вас. Останьтесь у меня, если вам угодно. Мне очень приятно будет доставить вам некоторое отдохновение от тягости трудов военных... Теперь подите к дежурному генералу Коновницыну и скажите ему, что вы у меня будете бессменным ординарцем.

Дурова пошла было, но Кутузов остановил ее:

— Вы хромаете? Отчего это?

— Я получил в сражении под Бородином контузию от ядра...

— Контузию от ядра! И вы не лечитесь! Сейчас скажите доктору, чтобы осмотрел вашу ногу...

Через несколько дней Кутузов велел позвать Дурову.

— Ну, что, покойнее ли у меня, нежели в полку? Отдохнул ли ты? Что твоя нога? — спросил он.

Дурова вынуждена была признаться, что нога болит нестерпимо, что от этого у нее каждый день лихорадка и что на лошади она держится только по привычке.

— Поезжай домой,— ласково сказал Кутузов,— ты в самом деле похудел и ужасно бледен. Поезжай, отдохни, вылечись и приезжай обратно.

Дурова возражала, но Кутузов категорически приказал ей ехать лечиться.

Никто из товарищей не подозревал, что уланский офицер Александров с Георгиевским крестом на груди — женщина, Надежда Дурова. Одно только смущало ее: отсутствие усов, которые все должны были носить в армии. Но она выглядела молодо, и до поры до времени отсутствие усов еще не выдавало ее...

Дурова оказалась наконец дома. Со времени ее отъезда прошло свыше шести лет. Отец принял дочь со слезами и с удивлением рассматривал ее шинель, потерявшую свой первоначальный цвет, простреленную, местами прожженную до дыр.

Выздоровев, Дурова вернулась в армию, взяв с собою, с разрешения Кутузова, младшего брата. Прослужив десять лет в конном строю, поручик Литовского уланского полка Александров, уступая настоятельным просьбам отца, вышел 9 марта 1816 года в отставку в чине штабротмистра.

«Записки» Дуровой привлекли к себе внимание не только читающей публики, но и критики. Пленили всех прекрасный патриотический порыв Дуровой и ее большое литературное мастерство.

«Священный долг к отечеству,— говорила она,— заставляет простого солдата бесстрашно встречать смерть, мужественно переносить страдания и покойно расставаться с жизнью».

«Записки» высоко оценил В. Г. Белинский.

«И что за язык, что за слог у девицы-кавалериста! — писал он.— Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этой живописною увлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то скрытою мыслию».

Помимо «Записок», Дурова написала ряд повестей и рассказов.

Позднее, уже незадолго до смерти, она напечатала замечательную статью, которая и сегодня, через столетие, звучит призывом к русским женщинам.

«В наше время,— писала она,— женщина скучающая, не умеющая найти себе занятие, утомленная бездействием, такая женщина более неуместна, чем когда-либо! Теперь, более, чем когда-либо, нужны русскому обществу женщины деятельные, трудящиеся, разумно сочувствующие великим событиям, которые происходят около них, и способные вложить свою лепту для того здания общественного блага и устройства, которое воздвигается общими усилиями. Теперь русскому обществу нужнее, чем когда-либо, не женщины-космополитки, а русские женщины во всем прекрасном значении этого слова!»

«Минувшее счастье!.. слава!.. опасности!.. шум!.. блеск!.. жизнь, кипящая деятельностью!.. прощайте!» — так простился штаб-ротмистр Александр Александров — кавалерист-девица Надежда Андреевна Дурова — со своим исполненным подвига и славы боевым путем.

Шестьдесят лет носила она мужское имя, ни разу не сделав попытки вернуться к своему полу и к своему настоящему имени. Она появлялась обычно в черном сюртуке и лосиных брюках, с Георгиевским крестом в петлице. И манеры у нее были мужские.

«Она села на диван...— вспоминала после встречи с ней Т. П. Пассек, двоюродная сестра А. И. Герцена,— уперла одну руку в колено, а в другой держала длинный чубук и покуривала».

Пушкин смущался, беседуя с ней. Вспоминая свое многокрасочное прошлое, Дурова говорила: я был... я пришел... я увидел.

И поэту трудно было вести с нею разговор, обращаться к ней, как к мужчине.

Когда же, прощаясь, Пушкин однажды поцеловал Дуровой руку, она поспешно выхватила ее, покраснела и сказала:

— Ах, боже мой! Я так давно отвыкла от этого, Александр Сергеевич!..

Последние свои годы Дурова прожила тихо и скромно в Елабуге, в маленьком домике, совершенно одинокая, если не считать четвероногих друзей и воспоминаний об Алкиде, вынесшем ее в темную сентябрьскую ночь из родительского дома на путь боевой славы.

Скончалась Н. А. Дурова 21 марта 1866 года, на 83-м году жизни. Ее похоронили с воинскими почестями. Впереди несли Георгиевский крест, которым она была награждена.

Печатая в «Современнике» «Записки Н. А. Дуровой», Пушкин снабдил свое предисловие к ним эпиграфом из Овидия на латинском языке: «Modo vir, modo foemina» — «То мужчина, то женщина»...

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

За три дня до дуэли к Пушкину пришел вместе с поэтом Л. А. Якубовичем фольклорист и этнограф И. П. Сахаров.

«Перед смертью Пушкина,— вспоминал он,— приходим мы, я и Якубович, к Пушкину. Пушкин сидел на стуле; на полу лежала медвежья шкура; на ней сидела жена Пушкина, положив свою голову на колени мужу. Это было в воскресенье; а через три дня уже Пушкин стрелялся. Здесь Пушкин горячо спорил с Якубовичем, и спорил дельно. Здесь я слышал его предсмертные замыслы о «Слове Игорева полка» — и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки.

Историк литературы С. П. Шевырев, у которого Пушкин бывал и с которым беседовал о своей работе над «Словом о полку Игореве», писал, что Пушкин помнил «Слово» от начала до конца наизусть и готовил ему объяснение. Оно было любимым предметом его последних разговоров».

«Слово о полку Игореве» — героическая песнь о неудачном походе новгород-северского князя Игоря против половцев весной 1185 года — было найдено в 1795 году среди старинных рукописей Спасо-ярославского монастыря.

Рукопись приобрел известный любитель и собиратель русских древностей А. И. Мусин-Пушкин, но при пожаре Москвы в 1812 году она сгорела. Мусин-Пушкин успел, к счастью, выпустить в 1800 году тщательно подготовленное им издание «Слова».

По поводу «Слова о полку Игореве» Н. М. Карамзин писал в одном из журналов: «Вы, может быть, удивитесь более, если узнаете, что два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием: «Песнь Игоревых воинов», которую можно сравнить с лучшими

Оссиановскими поэмами и которая написана в XII столетии. Слог, исполненный силы, чувствия высочайшего героизма; разительные изображения, почерпнутые из ужасов природы, составляют достоинства сего отрывка, в котором поэт, представляя картину одного кровавого сражения, восклицает: «Увы! чувствую, что кисть моя слаба; я не имею дара великого Бояна, сего соловья времен прошедших»; следственно, в России и до него были великие поэты, которых творения поглощены веками. Летописи наши не говорят об этом Бояне, мы не знаем, когда он жил и когда пел...»

В библиотеке Пушкина имелись почти все существовавшие в то время переводы «Слова», богатейшая литература о нем, летописи и сборники народных песен, четырнадцать словарей и грамматик разных славянских языков. И все это поэт внимательно изучал, видимо, готовясь к предстоящей работе над замечательным памятником древней русской словесности.

В экземпляр «Слова», изданного в Праге Вацлавом Ганкой, вплетены были белые листы, очевидно, для заметок.

На рукописи перевода Жуковского имеется до восьмидесяти замечаний и поправок Пушкина.

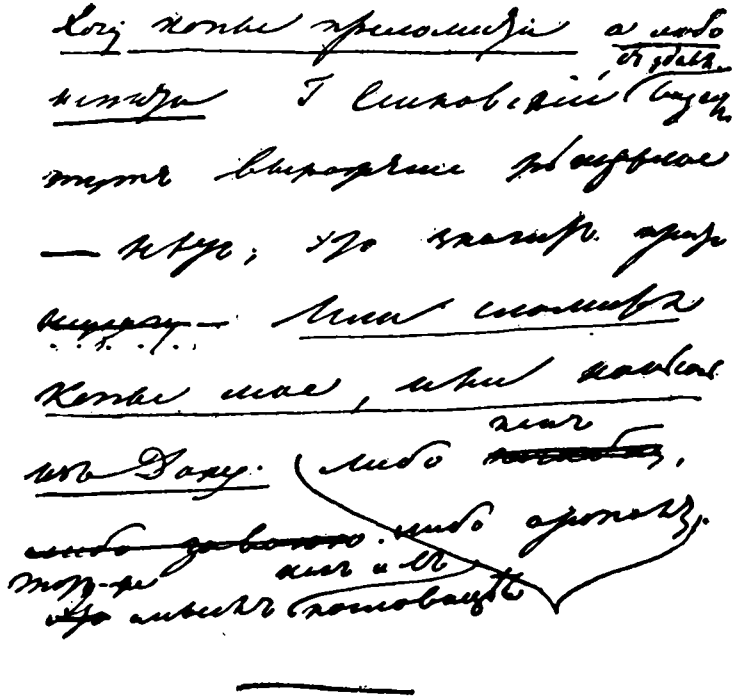
На экземпляре «Песни ополчению Игоря Святославича, князя новгород-северского» с эпиграфом: «Кто ты, певец Игоря?» — до тридцати замечаний Пушкина.

Экземпляр этот прислал ему автор перевода, А. Ф. Вельтман, с надписью и письмом:

«Александр Сергеевич, пети было тебе, Велесову внуку, соловию сего времени, песнь Игореви, того, Ольга, внуку, а не мне... Желал бы знать мнение Пушкина о «Песни ополчению Игоря», говорят все добрые люди, что он не просто поэт, а поэт-умница и знает, что смысл сам по себе, а бессмыслица сама по себе; и потому я бы словам его поверил больше, чем своему самолюбию».

Между страницами книги Вельтмана остался лежать листок бумаги с золотым обрезом, на котором Пушкин написал:

«Хочу копье преломити, а любо испити... Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское,— нет, это значит просто неудачу: *или сломится копье мое, или напьюсь из Дону...* Тот же смысл, как и в пословице: либо пан, либо пропал».

Замечания А. С. Пушкина по поводу «Слова о полку Игореве». Автограф.

Было среди книг пушкинской библиотеки еще шесть, присланных Вельтманом. На одной из них автор сделал надпись: «Первому поэту России от сочинителя». На другой сам Пушкин написал: «Мне от Александра Фомича В.».

Пушкин внимательно изучал «Слово о полку Игореве». «Первая задача,— писал известный ученый М. А. Цявловский,— стоящая перед Пушкиным как толкователем и переводчиком памятника, заключалась в осмыслении всех слов его. Поэтому самой ранней стадией его работы являются лингвистические заметки. Он искал и сопоставлял слова интересующего его памятника в Библии, в летописях, в Четьих-Минеях».

О характере работы Пушкина над «Словом» дает возможность судить и письмо Александра Тургенева к его жившему тогда в Париже брату, Николаю Тургеневу, написанное в декабре 1836 года.

Письмо это было вызвано просьбой французского лингвиста Эйхгофа прислать ему экземпляр «Слова о полку Игореве»: он собирался прочесть в Сорбонне цикл лекций по русской литературе.

А. И. Тургенев писал брату:

«Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о «Песне о полку Игореве», коей он приготовляет критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский и польский... У него случилось два экземпляра этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни... и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей... Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского».

Пушкин, видимо, познакомился со «Словом» еще в начале своего творческого пути. Уже в «Руслане и Людмиле» он упоминает о Баяне:

Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна...

В написанной Пушкиным заметке «Песнь о полку Игореве» мы читаем: «Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, сказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными».

Знатоков древней письменности поразила высокая поэтичность найденной рукописи, многие изучали ее. Появилось несколько переводов «Слова», в том числе В. А. Жуковского и А. Н. Майкова. Пушкин первый открыл теснейшую связь этого произведения с русской народной поэзией и, видимо, готовился издать «Слово» в собственном переводе.

Студенты той поры вспоминали, как однажды при посещении Пушкиным Московского университета между ним

и профессором М. Т. Качановским завязался горячий спор о подлинности «Слова»:

«Однажды утром лекцию читал И. И. Давыдов... предметом бесед его в то время была теория словесности. Г-на министра (тогда товарища министра С. С. Уварова.— *А. Г.*) еще не было, хотя мы, по обыкновению, ожидали его. Спустя около четверти часа после начала лекции вдруг отворяется дверь аудитории и входит г-н министр, ведя с собою молодого человека, невысокого роста, с чрезвычайно оригинальной, выразительной физиономией, осененной густыми курчавыми каштанового цвета волосами, одушевленной живым, быстрым, орлиным взглядом.

Вся аудитория встала. Г-н министр ласковой улыбкой приветствовал юношей и, указывая на вошедшего с ним молодого человека, сказал:

— Здесь преподается теория искусства, а я привез вам само искусство.

Не надобно было объяснять нам, что это олицетворенное искусство был Пушкин...

За лекцией профессора Давыдова следовала лекция покойного профессора М. Т. Каченовского... Встреча Пушкина с Каченовским, по их прежним литературным отношениям, была чрезвычайно любопытна... Здесь исторический скептицизм антиквария встретился лицом к лицу с живым чувством поэта...»

О прежних литературных отношениях Пушкина с Качановским и «историческом скептицизме» последнего здесь уместно будет сказать несколько слов.

Слушателями Каченовского были К. Д. Кавелин, А. И. Герцен, И. А. Гончаров. Они считали его главной заслугой умение будить критическую мысль, никогда ничего не принимать на веру.

С. М. Соловьев писал о нем: «Любопытно было видеть этого маленького старичка с пергаментным лицом на кафедре: обыкновенно читал он медленно, однообразно, утомительно; но как скоро явится возможность подвергнуть сомнению какое-нибудь известие, старичок оживится и засверкают карие глаза под седыми бровями, составлявшие одновременно красоту невзрачного старика».

К Пушкину, как вообще к молодым литераторам, Каченовский относился отрицательно.

«Возможно ли,— писал он после появления «Руслана и Людмилы»,— просвещенному человеку терпеть, когда

ему предлагают поэму, писанную в подражание «Еруслану Лазаревичу»... Но увольте меня от подробностей и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: «Здорово, ребята!» — неужели стали бы таким проказником любоваться?.. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещения, отвратительна, а немало не смешна и не забавна».

В «Вестнике Европы», принятом Каченовским от Карамзина, против Пушкина печатались на протяжении десятилетий самые злые и ядовитые статьи и заметки.

И Пушкин не остался в долгу. Каченовского он заклеймил рядом эпиграмм. Он называл его «ругателем закоснелым», «в презренье поседелым» и писал:

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

И вот они встретились в Московском университете.

Студенты, среди которых был и И. А. Гончаров, стеной окружили поэта и профессора.

«Я не припомню подробностей их состязания,— писал Гончаров,— помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзил в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем, и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин говорил с увлечением...»

Поэт А. Н. Майков отмечал в предисловии к своему переводу «Слова о полку Игореве», что Пушкин угадывал чутьем то, что уже после него подтвердила новая школа филологии неопровержимыми данными; но этого оружия она еще не имела в то время, и поэт не мог разорвать хитросплетений паутины Каченовского, «злого паука», как Пушкин назвал Каченовского в своем стихотворении «Собрание насекомых».

После посещения университета Пушкин писал жене:

«На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе

сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления».

Пушкин с увлечением занимался исследованием и толкованием «Слова о полку Игореве» и в последние месяцы жизни часто беседовал о нем с друзьями.

«Некоторые писатели,— читаем мы в замечаниях Пушкина по поводу «Слова»,— усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока... Другого доказательства нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Державин? но Державин не знал и русского языка, не только языка «Песни о полку Игореве». Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы *знание* всех наречий славянских...»

Пушкин, к сожалению, успел дать толкование примерно лишь одной восьмой части текста «Слова».

И «когда Пушкин,— писал М. А. Цявловский,— на смертном одре «жалел не о жизни, а о трудах, им начатых и не оконченных», он думал, конечно, и о своей оборванной работе над величайшим памятником русской поэзии — «Словом о полку Игореве».

РУССКИЙ ДАНЖО

Тридцатого декабря 1833 года Николай I пожаловал Пушкина званием камер-юнкера двора его императорского величества.

Поэт был взбешен, когда узнал о навязанной ему царем «милости». Звание это давалось обычно только что вступившим в жизнь юношам — а ему было уже тридцать че-

тыре года. И сделано это было помимо и против его желания...

Поэт особенно остро реагировал на все, что касалось его личного достоинства, а это неожиданное камер-юнкерство являлось поводом для оскорбительных шуток по его адресу.

Уже 2 января 1834 года П. А. Вяземский писал А. Я. Булгакову: «Александр Пушкин, поэт Пушкин — теперь камер-юнкер Пушкин...»

«Певец свободы,— отметил в своих «Воспоминаниях» В. А. Соллогуб,— наряженный в придворный мундир для сопутствования жене-красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж».

Сам Пушкин шутливо-иронически писал жене: царь «упек меня в камер-пажи на старость лет». И ее самое называл «камер-пажихой»...

Встретившись с великим князем Михаилом Павловичем, братом царя, он записал 7 января в своем «Дневнике»: «Великий князь намедни поздравил меня в театре.— «Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

Друзья, В. А. Жуковский и М. Ю. Виельгорский, должны были, как рассказывал П. В. Нащокин, обливать нового камер-юнкера холодной водой — до того он был взволнован царским «пожалованием». Если бы не они, возмущенный поэт готов был пойти во дворец и наговорить царю грубостей...

Отношения Пушкина с царями были вовсе не таковы, чтобы облачаться в расшитый золотом «шутовской кафтан» и согласно установленному церемониалу являться в нем ко двору. Автор «Вольности», «Деревни», «Кинжала», «Истории Пугачева» твердо и ясно выразил в этих произведениях свое к ним отношение.

Первого января 1834 года Пушкин записал в своем «Дневнике»:

«Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau».

В этой короткой дневниковой записи много едва сдерживаемого негодования и желчи. В ней чувствуется скрытая угроза...

Кто же был этот французский Данжо, которому уподобил себя Пушкин?

В библиотеке Пушкина находился изданный в 1818 году в Париже на французском языке «Опыт о монархическом правлении Людовика XIV» П.-Э. Лемонте. В этот свой труд автор включил неопубликованные «Мемуары» Данжо, одного из приближенных французского короля, пользовавшегося его особым доверием.

Стояли на полках пушкинской библиотеки еще четыре тома изданных в 1830 году в Париже «Мемуаров и записок маркиза де Данжо», из которых первые два тома были полностью разрезаны и частично — третий. Пушкин бесспорно читал их.

Было еще вышедшее в 1826 году шеститомное издание «Мемуаров герцога де Сен-Симона», в первом томе которого лежала закладка между страницами 274—275-й, относящимися к разделу с заголовком: «1696, Данжо, кавалер особых поручений при короле, дядька Монсиньора, придворный кавалер госпожи герцогини Бургонской».

В находившихся в библиотеке мемуарах и переписке герцогини Орлеанской Пушкин мог найти данные и о жене Данжо. Книга эта вышла в Париже в 1833 году, и Пушкин написал на ней карандашом свою фамилию.

Свои записки Данжо вел начиная с 1684 года на протяжении тридцати шести лет. Почти не касаясь вопросов политических и общественных, он изо дня в день делал точные, сжатые и беспристрастные записи о придворной жизни, празднествах, церемониях и быте двора Людовика XIV. Эти записи не сопровождались никакими комментариями, но выводы напрашивались сами собою.

В предисловии к «Мемуарам» Лемонте писал: «Чтение Данжо требует много вдумчивости, так как низменные подробности и плоский стиль у него постоянно прикрывают любопытные и важные факты, которые напрасно ищешь у других...» Иногда достаточно одного слова, чтобы «составить представление о степени права собственности в ту эпоху и объяснить приверженность фаворитов к абсолютизму. Для того, кто сумеет его прочесть, Данжо наполнен наблюдениями, богатыми по своим результатам».

Такую же оценку «Мемуарам» Данжо давали иностранные журналисты в томах «Revue Britannique», также находившихся на полках пушкинской библиотеки. Они полагали, что хроника современности является лучшим источником для понимания и оценки эпохи, и писали: «Ее главный материал — анекдот, источник иногда более правильный для уяснения действительности, чем официальные документы. Следует записывать самые мелочные фак-

ты, даже скандальные. Возмутителен порок, огромную опасность представляет тайна, которой он окружает себя. Заклеймить порок, сорвать покров тайны — оказать услугу человечеству»

Пушкин был, конечно, хорошо знаком со всеми этими материалами, и отсюда его запись в «Дневнике».

Занося в «Дневник» тот или иной факт, Пушкин нередко дает ему собственную суровую оценку, и становится понятной его угроза сделаться «русским Данжо».

«В каком веке мы живем!» — восклицает Пушкин в своей записи от 5 декабря 1834 года. «Завтра надобно будет явиться во дворец,— пишет он.— У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами осьмнадцатилетними. Царь рассердится,— да что мне делать?» И заканчивает: «Я все-таки не был шестого во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арндта...»

Арндт был придворным врачом Николая I.

«Дневник Пушкина...— писал П. Е. Щеголев.— Первое впечатление — скупость, осторожность и сдержанность автора. Пушкин заносит в дневник только наблюдения над окружающей жизнью и собирает осколки прошлого в рассказах своих современников. Но и наблюдения Пушкин записывал с щепетильной осторожностью. Предназначал он свои записи для потомства, но боялся, что они попадут в руки современников, а потому сдерживал себя».

Пушкин неоднократно начинал свои дневники. Сохранились его записи лицейского периода 1815 года — литературные и интимно-лирические заметки, эпиграммы.

В кишиневском дневнике двадцатых годов круг интересов Пушкина иной: мы встречаем в его записях имена Ипсиланти, Пестеля, Чаадаева.

Сохранилось несколько заметок из записной книжки 1820—1822 годов и две автобиографические записи 1824 года. Дошли до нас короткие автобиографические записки 1825 года и начало автобиографии, написанное в тридцатых годах.

Пушкин писал в ней: «Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии

несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая трогательная торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей. Зато буду осмотрительнее в моих показаниях, и если записки будут менее живы, то более достоверны.

Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении».

С этими мыслями Пушкин приступил к своему «Дневнику» 1833—1835 годов. Первую запись он сделал 24 ноября, вторую — 27 ноября 1833 года. Мы видим, что «русский Данжо» не остается бесстрастным летописцем эпохи. «Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом»,— пишет он. И дает этому факту строгую критическую оценку, добавляя: «...особенно в настоящее время, бедное и бедственное».

Вскоре, 14 декабря, он вносит в «Дневник» строки, дополняющие его заключение о «времени бедном и бедственном»: «Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. Эти четыреста тысяч останутся в их карманах... В обществе ропщут,— а у Нессельроде и Кочубея будут балы (что также есть способ льстить двору)».

Рядом с этой записью — другая, чисто литературного характера: «Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшей цензурою; стихи:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфирородная вдова,—

вымараны. На многих местах поставлен (?)...»

Пушкин не дал на страницах «Дневника» своей оценки правок коронованного цензора, маравшего державной рукой «Медного всадника», о котором Белинский писал, что это «апофеоза Петра Великого, самая смелая, самая грандиозная, какая могла только прийти в голову поэту, вполне достойному быть певцом великого преобразователя России».

Пушкин сделал даже попытку заменить не понравившееся царю слово «кумир» словом «седок», а перечеркнутые царем четыре строки дать в новой редакции:

И перед младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова.

Но затем поэт отказался от мысли менять им написанное, и «Медный всадник» был напечатан только после смерти Пушкина — в «Современнике» 1837 года. Правки в поэму уже вносил Жуковский.

Запись о возвращенном царем «Медном всаднике» читатель «Дневника» может сам прокомментировать...

Несправедливая или оскорбительная критика, как известно, всегда сердила Пушкина.

Об отношении Пушкина ко двору и лично к царю свидетельствуют многие записи его «Дневника».

«Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя»,— записывает он 17 марта 1834 года и замечает: «Праздников будет на полмиллиона. Что скажет пород, умирающий с голода?»

И 14 апреля: «Вчера концерт для бедных. Двор в концерте — 800 мест и 2000 билетов».

Еще одна характерная, с точки зрения времени «бедного и бедственного», запись от 8 января 1835 года, запись характера «злословного»:

«Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене... Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9000 рублей. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. «Дороже нет»,— отвечал Волконский. «Если так, делать нечего,— отвечал государь,— я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе». Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелися уже в 60 000 р.».

Трижды возвращается Пушкин в «Дневнике» к событиям 11-го марта 1801 года — убийству императора Павла I. «Жуковский,— записывает он 8 марта 1834 года,—

поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11 марта. Они сели. В эту минуту входит государь с гр. Бенкендорфом и застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцей его отца. Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I...

На похоронах Уварова (Федора Петровича, генерал-адъютанта Павла I.— *А. Г.*) покойный государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется, А. Орлову): «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?» (Уваров один из цареубийц 11 марта)».

Через несколько дней Пушкин записывает:

«Недавно на бале... был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества. Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины. NB. Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве: его предшественники принуждены были терпеть и прощать».

Среди записей 1834 года мы неожиданно читаем запись, относящуюся ко дню 13 июля 1826 года,— дню, когда были казнены декабристы: «13 июля 1826 года — в полдень, государь находился в Царском Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец; собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр... подняла платок в память исторического дня».

Пятнадцатого декабря 1833 года Пушкин записал: «Вчера не было обыкновенного бала при дворе; императрица была нездорова». Из этой записи мы узнаем, что Николай I, оказывается, ежегодно отмечал дворцовым балом день 14 декабря — день кровавой расправы с декабристами.

Имя Николая I довольно часто встречается на страницах «Дневника». «...Государь не рыцарь»,— записывает Пушкин 29 ноября 1833 года в связи с тем, что Николай I выдал «на суд курляндскому дворянству» пойманного

в воровстве гвардейского офицера фон Бринкена. Но курляндское дворянство отказалось судить фон Бринкена потому, что он воспитывался в корпусе в Петербурге, и Пушкин замечает 3 мая 1834 года в «Дневнике»: «Вот тебе шиш, и поделом».

Запись эта недвусмысленно направлена в адрес Николая I.

Десятого мая в «Дневнике» появляется еще более резкая запись в связи с перехваченным полицией и представленным царю письмом Пушкина к жене.

Двадцать первого мая еще одна уничтожающая запись на французском языке: «Кто-то сказал о государе: «В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого».

Этот «кто-то» был, бесспорно, сам поэт...

Как глубоко уязвлен был Пушкин унизительным пожалованием его, прóславленного поэта, в камер-юнкеры, свидетельствует еще одна запись в «Дневнике» от 28 ноября 1834 года:

«Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами,— своими товарищами...»

Пушкин пишет в «Дневнике» об «отвратительном» конце царствования Екатерины и общем негодовании, которое еще более усилилось с воцарением Павла I. Пишет о ничтожестве царских министров:

«...получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить!.. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей.

Согласéн: но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется».

Некоторые из записей, как уже отмечалось, носят характер анекдотический, иногда это сплетни придворных кругов, описание туалетов присутствующих на бале, но

все это дополняет представление читателя о правящей верхушке.

Записей, касающихся литературных вопросов, в «Дневнике» очень мало и они сделаны тоже в свете взаимоотношений с Николаем I и двором.

Тот факт, что «в публике очень бранят моего «Пугачева», Пушкин связывает с именем товарища министра народного просвещения Уварова и дает ему уничтожающую характеристику: «Уваров большой подлец... Это большой негодяй и шарлатан... он у детей Канкрина был на посылках... Он крал казенные дрова...»

И на последней странице «Дневника» запись:

«Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку.

И

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок».

Совершенно определенный комментарий сделает сам читатель к этой записи: цензор естественно усмотрел в ней намек Пушкина на самого Николая I...

«Дневник» Пушкина охватывает период с 24 ноября 1833 года по февраль 1835 года. В нем всего 138 записей. Записи эти велись нерегулярно, иногда месяцы отделяли одну запись от другой. Но факты, о которых Пушкин сообщает, и самый подбор их таковы, что в целом они дают яркую картину эпохи: пышный, развращенный, утопающий в роскоши двор и голодный народ — «время бедное и бедственное»; «бедность России в государственных людях» и ничтожество людей, занимающих самые высокие посты в империи; развращающее влияние абсолютизма, корыстолюбие, притворство и лесть придворных кругов; «страшная стихия мятежей»...

Занося свои записи в «Дневник», пишет П. Е. Щеголев, «Пушкин преследовал исторические задачи, но историческое дело он творил, как художник... Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, он смотрел на нее, как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей «Дневника» или он сам, или неведомый читатель и исследователь».

Пушкин и не скрывал целей, значения и роли своего «Дневника». Он описывает, например, придворный бал

6 января 1835 года: «Двор в мундирах времен Павла I-го. Граф Панин (товарищ министра) одет дитятей. Бобринский Брызгаловым (кастеланом Михайловского замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами...). Государь — полковником Измайловского полка etc. В городе шум. Находят это все неприличным».

Одну из своих записей Пушкин сопровождает подчеркнутой строкой: *«Замечание для потомства»*.

В феврале 1835 года Пушкин сообщает: «С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят».

И добавляет: «Шиш потомству...» Как бы вскользь он предваряет 5 декабря 1834 года свои записи замечанием: «Покамест давайте злословить». 8 января 1835 года повторяет: «Начнем новый год злословием, на счастие».

Но эти «злословные» записи поэта — яркое и выпуклое отражение лица эпохи. Это свидетельские показания летописца для потомства.

Потомство вынесло свой приговор вершителю судеб той эпохи. На месте «державца полумира», Николая I, пишет П. Е. Щеголев, «на месте великого государя оказался прапорщик, на месте человека-героя оказался человек, ограниченный и узкий, злобно-памятливый».

Через головы современников «русский Данжо» говорил с будущими читателями своего «Дневника». Он не сжег его, как вынужден был сжечь свои веденные «несколько лет сряду» записи двадцатых годов, которые «могли замешать имена многих, а может быть, и умножить число жертв».

Пушкин сам мог стать жертвой своих резко обличительных дневниковых записей. Могли пострадать и его дети. И поэтому старший сын поэта, Александр Александрович, которому «Дневник» был передан матерью, на протяжении многих десятилетий хранил его в своем кабинете под замком. Он ревниво оберегал его от чужих взоров, даже от детей и внуков. Умирая, Александр Александрович передал «Дневник» в 1914 году старшей сестре, Марии Александровне Гартунг. От нее «Дневник» перешел после ее смерти, в 1919 году, к внуку поэта, Григорию Александровичу Пушкину, который передал его Румянцевскому музею в Москве.

Лишь в 1923 году «Дневник» Пушкина был опубликован полностью с обширными комментариями.

«Русский Данжо» достиг поставленной им перед собой цели: потомство услышало голос своего поэта.

Дошедший до нас «Дневник» Пушкина, веденный поэтом в 1833—1835 годах, переплетен и замыкается стальным замком. На переплете с внутренней стороны большая помета — 2.

Это дало основание полагать, что содержащиеся в нем записи являются продолжением ранее написанного «Дневника» № 1. Распространилось даже известие, что этот неопубликованный дневник состоит из 1100 страниц.

Исследователи творчества Пушкина, основываясь на поступивших из-за границы сведениях, давно и неутомимо разыскивали этот «Дневник» № 1 у потомков Пушкина, живших в Англии, Франции, Турции. Но все эти поиски не дали результатов.

Накануне первой мировой войны великий князь Михаил Михайлович, внук Николая I, женатый на внучке Пушкина, дочери Натальи Александровны Пушкиной, послал П. Е. Щеголеву фотокопии имевшихся у него пушкинских материалов. Но случилось так, что пароход, на котором их отправили, был потоплен немцами.

Экспертиза же цифры 2 на сохранившемся «Дневнике» Пушкина показала, что помета сделана не его рукою, а рукою Дубельта, производившего, по приказанию Николая I, опись бумаг поэта после его смерти.

Это заставило самых серьезных исследователей творчества Пушкина вообще усомниться в существовании «Дневника» № 1.

Главный хранитель рукописей Пушкинского дома Академии наук СССР Н. В. Измайлов, крупнейший авторитет в этой области, стоит именно на такой точке зрения.

Анализируя историю дневниковых записей Пушкина, Н. В. Измайлов находит маловероятным, чтобы Пушкин вел когда-нибудь большой, в 1100 страниц, дневник, кроме дошедших до нас дневниковых записей 1833—1835 годов.

Поиски таинственного «Дневника» № 1, несмотря на столь авторитетное заключение Н. В. Измайлова, тем не менее продолжаются. Они продиктованы страстной любовью к Пушкину и большой значимостью каждой написанной его рукою строки.

ЛИЦЕЙСКИЕ ГОДОВЩИНЫ

Девятнадцатое октября... Каждый год в этот поздний осенний день, когда «роняет лес багряный свой убор», лицеисты первого выпуска собирались, чтобы вместе, за круговой чашей, «день Лицея торжествовать».

Осень была для Пушкина любимым временем года, с каждой осенью он «расцветал вновь», но приближение «святой годовщины» 19 октября его особенно волновало.

Не всегда Пушкин мог присутствовать на этих товарищеских встречах. Но, даже находясь в ссылке, гонимый и опальный, вдали от друзей, он всегда бывал душою с ними:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Лицейским годовщинам Пушкин посвятил всего пять стихотворений, и почти все они полны глубоких раздумий о минувшем и пережитом. Это всегда своего рода жизненные и творческие отчеты поэта.

Уже в первую годовщину основания Лицея, 19 октября 1812 года, у юных лицеистов возникла мысль ежегодно праздновать в своем тесном товарищеском кругу «день лицея».

Осенние месяцы 1812 года, насыщенные грозными в жизни России событиями, были не совсем подходящим для празднеств временем. 31 августа 1812 года лицеисты со слезами на глазах читали донесение М. И. Кутузова о Бородинском сражении. 2 сентября русские войска оставили Москву, а Наполеон ожидал на Поклонной горе депутацию с ключами от древней русской столицы. Лицеисты взволнованно провожали проходившие через Царское Село дружины петербургского ополчения. 4 сентября начался пожар Москвы. Директор Лицея В. Ф. Малиновский получил 14 сентября предписание подготовить эвакуацию Лицея...

Эвакуация, однако, не состоялась. 15 октября пушечный салют с Петропавловской крепости возвестил «совер-

шенную победу, одержанную генерал-фельдмаршалом кн. Голенищевым-Кутузовым над французскими войсками под командою короля Иоахима (Мюрата) сражавшимися, и освобождение корпусом ген.-адъютанта бар. Винценгероде первопрестольного града Москвы от врагов наших».

Лицеисты ликовали и 19 октября 1812 года собрались на свою первую лицейскую годовщину. Это была скромная товарищеская пирушка. Им было по тринадцать — четырнадцать лет.

Ежегодные, на протяжении всех шести лет пребывания лицеистов в Царском Селе, празднования лицейских годовщин носили скромный детски-отроческий характер.

Но в 1814 году Пушкину и двум его друзьям — Пущину и Малиновскому — на следующий день после лицейской годовщины пришлось расплачиваться за нашумевшую историю с «гогель-могелем».

Три друга, пригласив товарищей, достали бутылку рома, яиц, натолкли сахару, принесли кипящий самовар и приготовили «гогель-могель». Одного из товарищей, Тыркова, сильно разобрало, и он стал шуметь. Явился дежурный гувернер, за ним инспектор Фролов. Дело дошло до министра Разумовского, который сделал участникам пирушки формальный строгий выговор.

Этот «гогель-могель» состоялся 5 сентября, и после длительных допросов и расследований конференция Лицея 20 октября постановила: 1) Пушкину, Пущину и Малиновскому две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы; 2) сместить их троих на последние места за столом; занести их фамилии «с прописанием виновности и приговора» в Черную книгу...

Приговор незамедлительно был приведен в исполнение; с 21 октября по 5 ноября 1814 года все трое стояли на коленях во время утренней и вечерней молитвы и за столом сидели на последних местах.

Нужно сказать, что Пушкин и без того занимал в то время по поведению 28-е, предпоследнее, место за столом, а в справке от 23 сентября 1814 года «о свойствах и поведении воспитанников» было сказано, что он «легкомыслен, ветрен и иногда вспыльчив; впрочем, весьма обходителен, остроумен и бережлив. К стихотворству имеет особенную склонность. Подает надежду к исправлению...»

Постепенно всех троих подвигают за столом кверху, и Пушкин отмечает это шутливыми стихами:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе...

В те предоктябрьские дни 1814 года Пушкин простудился и попал в лицейскую больницу. Там, на больничной койке, он написал стихотворение «Пирующие студенты», явившееся отзвуком истории с «гогель-могелем».

Отдельные строфы стихотворения посвящены Пущину, Малиновскому и другим лицейским товарищам, очевидно, принимавшим участие в пирушке,— Дельвигу, Илличевскому, Корсакову, Вальховскому, Яковлеву, Броглио.

И своего лицейского профессора Галича Пушкин приглашает председательствовать на этом юношеском пиру:

Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Стихотворение «Пирующие студенты» Пушкин читал посещавшим в больнице его товарищам. Оно имело среди них шумный успех...

1815 год был особенно замечательным в жизни Пушкина. Он печатает свои первые стихотворения, читает 8 января на лицейском акте «Воспоминания в Царском Селе». Уходящий из жизни «патриарх певцов» Державин прочит юному Пушкину в будущем славу: он станет «вторым Державиным».

А «второй Державин» в эти самые дни вспоминает прошлогоднюю историю с «гогель-могелем» и обращается к Пущину со стихотворным «Воспоминанием» («Помнишь ли, мой брат по чаше»).

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали.

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.
. . . . . .
О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякий год в часы беспечны
Помнить его вином.

Четвертая лицейская годовщина праздновалась 24 октября 1815 года. Исполнялись комедии Шаховского «Ссора, или Два соседа» и «Стряпчий Шетило» — переделка старинной французской комедии «Адвокат Пателен». Пьесы шли в декорациях придворного живописца Бруни.

Наступает октябрь 1816 года. Последняя в стенах Лицея годовщина его основания. Торжественный обед и спектакль. Сыграны были две пьесы — одна французская, другая немецкая. Вечер закончился ужином и балом. Император Александр I выразил на следующий день директору Лицея Энгельгардту сожаление: почему его не пригласили на праздник...

Двадцать четвертого декабря лицеистов впервые отпустили на зимние каникулы по домам.

Пушкин просит отца разрешить ему поступить в лейб-гвардии гусарский полк, офицеры которого так полюбились поэту. Отец, Сергей Львович, возражает: сыну не по средствам будет служить в аристократическом лейб-гвардии гусарском полку; если уж поступать, то в гвардейскую пехоту...

Вернувшись из отчего дома, Пушкин встречает товарищей «Элегией» («Опять я ваш, о юные друзья!..»):

Все те же вы, но время уж не то же:
Уже не вы душе всего дороже.
Уж я не тот... Невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Навек ушла, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
. . . . . .
Мне скучен мир, мне страшен дневный свет:
Иду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак...

Окончив Лицей, Пушкин должен будет вступить в этот «страшный мир». Поэт охвачен пессимизмом, и его настроения находят отражение в стихотворении «Безверие», прочитанном на выпускном лицейском экзамене по российской словесности:

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб родясь осуждены.
Всечасно бренных уз готово разрушенье;
Наш век — неверный день, минутное волненье.

Покидая Лицей, Пушкин прощается с товарищами:

Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу...

Он вписывает стихи в альбомы товарищей. «В альбом Илличевскому»:

Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

«В альбом Пущину»:

...но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,
О милый, вечен он!

В стихотворении «Разлука» Пушкин подчеркивает свою верность «святому братству»:

Прости! где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

Тридцать первого мая конференция Лицея зачисляет Пушкина во второй разряд окончивших. Имя гениального поэта значится четвертым с конца.

Девятого июня — выпускной акт. Присутствует Александр I. Раздав дипломы и похвальные листы, он обращается к воспитанникам с «кратким отеческим наставлением».

Акт заканчивается исполнением «Прощальной песни». Директор Лицея просил Пушкина написать ее, но он под разными предлогами отказывался, и написал ее Дельвиг:

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!..

Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела — кровь и труд.
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо — правды в суд...

Прощайтесь, братья, руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

Одиннадцатого июня 1817 года Пушкин покинул Лицей. Началась новая жизнь

Он поселяется у родителей, в старой Коломне, в доме адмирала Клокачева, на Фонтанке, 185, близ Калинкина моста.

Лицейский мундир поэт сменил на широкий черный фрак «с искошенными фалдами»; вместо треуголки — модная шляпа. Он присутствует на всех театральных премьерах, внимательно следит за развитием русского театра, встречается с замечательными актрисами той поры Семеновой и Колосовой и посвящает им стихи.

Знакомится с братьями Тургеневыми, М. Ф. Орловым, С. И. Муравьевым-Апостолом, А. И. Якубовичем, А. С. Грибоедовым, семьей Раевских. А. И. Тургенев так пишет о нем: «Удивительный талант и добрый малый, но и добрый повеса».

Двадцать пятого сентября Пушкин вступает в члены «Арзамаса».

Шумная петербургская жизнь захватила Пушкина в эти его первые послелицейские годы. Не на всех празднованиях лицейских годовщин он бывал, и до нас дошли лишь скупые, отрывочные сведения о том, как отмечался в эти годы и в позднейшие, когда Пушкин не присутствовал, день основания Лицея — 19 октября.

Двадцать первого октября 1817 года, через четыре месяца после окончания Лицея, Пушкин приехал в Царское Село и вместе с товарищами отмечал шестую лицейскую годовщину.

Через год, 19 октября 1818 года, седьмая лицейская годовщина праздновалась у Пушкина. Из письма лицеиста Корсакова к отсутствовавшему Горчакову известно лишь, что собралось 14 человек, пели лицейские песни, «снова возвратились в доброе старое время».

О праздновании лицейской годовщины 1819 года не сохранилось сведений...

Оказавшись после шестилетнего лицейского заточения в новом для него мире, Пушкин много работает. Стихотворения его имеют большой успех и широко распространяются в многочисленных списках. Появляются рукописные сборники пушкинских стихотворений, и первое место среди них занимают вольнолюбивые стихи: отрывки из «Бовы»; ода «Вольность»; «К Н. Я. Плюсковой»; «Сказки» («Noël»); «К Чаадаеву»; «Деревня»; «На Аракчеева» («Всей России притеснитель...»).

Так проходят три года петербургской жизни Пушкина, с 11 июня 1817 года по 6 мая 1820 года, когда император Александр I высылает его из Петербурга за вольнолюбивые стихи.

Южная ссылка и затем михайловская длятся шесть лет, в течение которых поэт лишен возможности лично общаться с лицейскими товарищами и друзьями.

Незадолго до высылки из Петербурга, 21 апреля 1820 года, Пушкин писал Вяземскому: «Письмо мое скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц Санкт-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами...»

Пушкин бывал всегда душою лицейских праздников, без него друзья его сиротели: не слышно было звонкой песни их Сверчка. Но все они, как и лицеисты нового поколения, внимательно следили за творчеством сосланного поэта и, узнав о каком-нибудь новом его произведении, упрашивали профессора Кошанского, страстного поклонника Пушкина, достать и прочесть вслух новое произведение.

Их просьба никогда не встречала отказа.

Девятнадцатого октября 1820 года Пушкин в Гурзуфе, с Раевскими. Он настроен элегически и вспоминает недавние лицейские годы:

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной,—
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной:

Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые,—
Мне вас не жаль, изменницы младые,—
Задумчивый, забав чуждаюсь я.

Но где же вы, минуты умиленья,
Младых надежд, сердечной тишины?
Где прежний жар и слезы вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

Осенью 1821 года, докладывая министру просвещения Голицыну о состоянии Лицея, директор его Энгельгардт пишет: «Один только несчастный, увлекаемый пылкостью молодого таланта, слишком рано развитого, и еще до моего прибытия безрассудными хвалами родственников превознесенного, впал в пагубные заблуждения, относящиеся, впрочем, более к голове, нежели к сердцу его... Пушкин призрен и может быть спасен!»

Но спасенья нет и быть не может. Пушкин пишет элегическое стихотворение «Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...».

И вслед за ним:

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне давно в печаль и в наслажденье,
Что я любил, что изменило мне.

Друзья его справляют в том году, в Петербурге, свой праздник у Илличевского, который в своих написанных к этому дню стихах призывает лицеистов:

Доколе сердце в нас свободно
И чести внятен строгий глас,
Дадим же руки ежегодно
Мы освящать сей день меж нас.

А Пушкин рвется из своего заточения и пишет в стихотворении «Узник»:

Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

Девятнадцатого октября 1824 года исполнилась тринадцатая годовщина основания Лицея и седьмая со дня окончания его воспитанниками первого курса. Пушкин находился уже в михайловской ссылке. Друзья собрались в тот день у живших вместе Вальховского, Яковлева и Стевена, веселились и хором пели сочиненный Дельвигом экспромт:

Семь лет пролетели, но, дружба,
Ты та же у старых друзей:
Все любишь лицейские песни,
Все сердцу твердишь про лицей...

Девятнадцатого октября 1825 года... Пушкин тягостно одинок в Михайловском:

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку...

Он переносится мысленно в Петербург, где

...на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...—

и направляет им свое замечательное послание «Роняет лес багряный свой убор...», начальные строфы которого родились у него еще в 1814 году, в лицейской больнице, одновременно со стихотворением «Пирующие студенты».

Как и в «Пирующих студентах», отдельные строки стихотворения «19 октября» посвящены товарищам — Пущину, Дельвигу, Корсакову, Кюхельбекеру, Матюшкину, Горчакову. Но оказавшись в михайловской ссылке, Пушкин, естественно, отразил в нем многое, что произошло с ним и его друзьями за те одиннадцать лет, которые отделяли 26-летнего прославленного Пушкина 1825 года от 15-летнего лицеиста Александра Пушкина 1814 года.

Он тепло и сердечно вспоминает навестивших его в Михайловском Пущина и Дельвига. Вспоминает Горчакова, которого он посетил в соседнем Лямонове. И, конечно, Кюхельбекера:

Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

В черновиках этого стихотворения Пушкин предлагает лицейским товарищам:

Товарищи! Сегодня праздник наш,
Заветный срок! Сегодня *там*, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы при звоне мирных чаш —
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке лицея
И с жизнью вновь свободно пошалить...

И продолжает:

На пир любви душой стремлюся я...
Вот вижу вас, вот милых обнимаю,
Я праздника порядок учреждаю...
Я вдохновен, о, слушайте, друзья:
Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!
Садитеся, как вы садились там,
Когда места, в тени святого крова,
Отличие предписывало нам.

Лицейские товарищи Пушкина уже начали в то время уходить из жизни, и Пушкин писал:

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...

О тех, кто уже ушел из жизни, Пушкин говорит:

Они придут! — за праздные приборы
Усядутся; напенят свой стакан;
В нестройный хор сольются разговоры,
И загремит веселый наш пеан.

Через несколько месяцев после окончания Лицея от «гнилой нервической горячки» скончался 18-летний Н. Г. Ржевский, а в 1819 году во Флоренции от туберкулеза — талантливый 19-летний Н. А. Корсаков.

Пушкин посвятил ему одну из строф стихотворения «19 октября»:

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Пушкин, однако, ошибался... Юный Корсаков был поэт, и за час до смерти написал:

Ах! Грустно умирать далеко от друзей!
Прохожий, поспеши к стране родной своей!

Эти строки были высечены на его могильном камне...

Четырнадцатую годовщину Лицея друзья праздновали 19 октября 1825 года в Петербурге, 20 октября Кошанский читал юным лицеистам нового поколения «только что полученную от товарищей рукопись «19 октября» (1825 года), читал «с особым чувством, прибавляя к каждой строфе свои пояснения».

После лекции лицеисты «принялись переписывать драгоценные стихи о родном Лицее и тотчас выучили их наизусть»,— вспоминал лицеист позднейшего выпуска Я. К. Грот в своей статье «Первенцы Лицея и его преданья».

В посвященном лицейской годовщине 1825 года стихотворении Пушкин писал:

Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я...

Поэт не ошибся, промчался год, и, вызванный императором Николаем I, он действительно оказался 19 октября 1826 года в Петербурге; но между этими двумя годовщинами легли грозные события 14 декабря 1825 года, поглотившие в своих бурных волнах самых близких друзей Пушкина — Пущина и Кюхельбекера...

Николай I расправлялся в то время с декабристами, и Дельвиг вспомнил их в своих стихах, посвященных лицейской годовщине 1826 года, пятнадцатой со дня основания Лицея:

Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не жмем в свои объятья.

Через два месяца после этого, в декабре 1826 года, Пушкин послал с уезжавшей в Сибирь к мужу А. Г. Муравьевой два стихотворения: одно декабристам — «Во глубине сибирских руд...», другое лично Пущину — «Мой первый друг, мой друг бесценный...».

Между тем Пущин и Кюхельбекер продолжали в то время еще томиться в крепостях и лишь через год, 5 января 1828 года, когда Пущин прибыл в Читу, Муравьева подозвала его к окружавшему тюрьму частоколу и через щель протянула листок с пушкинским стихотворением. На автографе этого стихотворения стояла дата: «13 декабря 1826 года. Псков».

Девятнадцатого октября 1827 года, отмечая шестнадцатую годовщину, Пушкин приветствовал лицейских товарищей стихотворением, в котором помянул томившихся на каторге декабристов.

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

Впервые после своего отъезда в 1820 году из Петербурга в южную ссылку Пушкин присутствовал 19 октября 1828 года на праздновании семнадцатой лицейской годовщины на квартире А. Д. Тыркова.

Поэт находился в тот день в беззаботно-веселом настроении. В его библиотеке сохранилась старинная фран-

цузская книга в кожаном переплете с золотым тиснением. На листке после крышки Пушкин написал чернилами:

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей.
. . . . . .
Мне изюм
Нейдет на ум,
Цукерброд
Не лезет в род (sic),
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

Стихи эти были, видимо, написаны Пушкиным в присутствии Анны Петровны Керн, он перечислил все ее любимые лакомства. Справа ниже, рукою Керн, теми же чернилами, поставлены ее инициалы: «А. К.», а под этим, ее же рукою, дата — «19 окт. 1828 года...». Очутившись вечером среди товарищей-лицеистов, находясь в таком же не покидавшем его веселом, шутливом настроении, Пушкин написал протокол лицейского собрания. При этом присутствовавшие были названы в нем своими лицейскими кличками, а все вместе «скотобратцами»: лицеисты нередко изображали друг друга в карикатурах с головами животных. Протокол гласил:

«19 октября 1828. С. П. Б. Собрались на пепелище скотобратца Крунофеиуса Тыркова (по прозвищу Кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг — Тося, Илличевский — Олосенька, Яковлев — Паяс, Корф — Дьячок-Мордан, Стевен — Швед, Тырков (смотри выше), Комовский — Лиса, Пушкин — Француз (смесь обезьяны с тигром).

a) пели известный лицейский пэан «лето знойна».

NB. Пушкин-француз открыл и согласил с ним сочинение Олосенька, что должно вместо общеупотребляемого припева «лето знойно», петь как выше означено.

b) вели беседу;

c) выпили вдоволь их здоровий;

d) пели рефутацию г-на Беранжера;

e) пели песню о Царе Соломоне;

f) пели скотобратские куплеты прошедших шести годов;

g) Олосенька в виде фр. тамбура мажора утешал собравшихся;

h) Тырквиус безмолвствовал;

i) толковали о гимне ежегодном и негодовали на вдохновение скотобратцев;

k) Паяс представлял восковую персону —

l) и завидели на дворе час первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского лицея Пушкину-французу, иже написа сию грамоту».

Под этим написанным Пушкиным протоколом все присутствовавшие собственноручно расписались.

Каждый поставил свою фамилию и в скобках лицейское прозвище.

Сохранилась, между прочим, запись о том, во что обходилась такая встреча восьми ее участникам:

Ужин	—	60	руб.	— коп.
Вино	—	55	»	— »
3 фунта миндаля	—	3	»	75 »
3 фунта изюму	—	3	»	— »
4 десятка бергамот	—	3	»	20 »
		124	руб.	95 коп.

В ту ночь, на 20 октября 1828 года, Пушкин уезжал в Малинники Старицкого уезда Тверской губернии, в имение П. А. Осиповой. Он спешил, попрощался с товарищами и написанный им протокол собрания закончил четверостишьем:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы; мне в дорогу;
А вам в постель уже пора.

Так праздновали лицеисты первого выпуска свою семнадцатую лицейскую годовщину. Всем им уже было тогда под тридцать...

Осень 1830 года... Плодоносная Болдинская осень... Кругом в тот год свирепствовала холера, и Пушкин надолго застрял в глухой деревне. В ту осень он создал огромное количество своих совершеннейших произведений.

Им написаны были в Болдине: драматические произведения — «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость»; «История села Горюхина»; «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка».

Протокол собрания 1831 года был написан на том самом листе, на котором Пушкин собственноручно написал протокол собрания 1828 года. Это дает основание полагать, что в 1829 и 1830 годах лицеисты, видимо, не собирались.

На товарищеской встрече 1831 года присутствовали всего шесть лицеистов: Илличевский, Корнилов, Стевен, Комовский, Данзас и Яковлев. Они вспомнили, конечно, Пушкина и отсутствующих товарищей и чокнулись заздравным кубком:

И первую полней, друзья, полней,
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови! да здравствует лицей!

Пушкин не приехал на этот праздник, но написал стихотворение «Чем чаще празднует лицей...»:

Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Поэт скорбит в нем о так рано умерших лицейских товарищах. Скончались Ржевский и Корсаков, не стало Саврасова, Костенского и Есакова. Дельвиг был шестым.

«Шесть мест упраздненных стоят...» — пишет Пушкин и продолжает:

И, мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений;
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Все малолюднее становятся ежегодные встречи лицеистов первого выпуска и все грустнее проходят они.

Сохранились короткие записи о праздновании лицейских годовщин, предшествовавших двадцать пятой.

В 1832 году «поминали старину, поминали отсутствующих, умерших: и тех, и других много. Спасибо остающимся, что держатся старины»,— писал один из лицеистов.

В эти последние годы жизни поэта окружающее его враждебное кольцо смыкается все плотнее и плотнее. Он чувствует себя в тисках, и настроение у него грустное. На встрече 1832 года Пушкин прочитал какое-то небольшое, не дошедшее до нас стихотворение и 27 октября написал «В альбом»:

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участьем
То место, где цветете вы.

Столичный шум меня тревожит:
Всегда в нем грустно я живу —
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

В это самое время два лицеиста первого выпуска — Пущин и Кюхельбекер — все еще отбывали каторгу за участие в восстании 14 декабря 1825 года. Но их мысли несутся 19 октября на «лицейское подворье», где товарищи празднуют день Лицея.

Сами они не имеют права писать, и Кюхельбекер тайком посылает товарищам из Динабургской крепости свои скорбные послания и посвященные лицейским годовщинам стихотворения.

Из каторжной тюрьмы Петровского завода от имени заключенных декабристов отправляют в Петербург письма их жены.

Пущин скорбит о том, что ряды бывших воспитанников Лицея все редеют.

Жена декабриста, дочь первого директора Лицея Малиновского, А. В. Розен, писала 5 февраля 1832 года Энгельгардту от имени Пущина: «Грустно ему было читать в письме вашем о последнем 19 октября. Прискорбно ему, что этот день уже так мало соединяет людей около старого директора. Передайте дружеский поклон Ивана Ивановича всем верным Союзу дружбы; охладевшим попеняйте. Для него собственно этот день связан с незабвенными воспоминаниями; он его чтит ежегодно памятью о всех старых товарищах, старается, сколько возможно, живее представить себе быт и круг действия каждого из них. Вы согласитесь, что это довольно трудно после столь продолжительной и, вероятно, вечной разлуки. Воображение дополняет недостаток существенности. При этом случае Иван Иванович просит напомнить вам его просьбу... он желал бы иметь от вас несколько слов о каждом из его лицейских товарищей. Вы, верно, не откажете исполнить когда-нибудь его желание,— это принесет ему истинное удовольствие».

Осенью 1833 года Пушкин снова в Болдине. Свои настроения он выразил в изумительной «Осени»:

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей...

Девятнадцатое октября 1834 года. На протоколе лицейской встречи лишь подписи присутствовавших и записка, написанная утром того же дня неизменному старосте

лицейских собраний Яковлеву: «Ведь у тебя празднуем мы годовщину? Не правда ли?..»

Стихотворения 1834 года все более и более отражают охватывающие Пушкина мрачные настроения. Он пишет:

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.

Надолго ли?.. а кажется, прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений...

И вслед за этим меланхолические, полные смутных предчувствий строки:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить — и глядь, как раз, умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

С сибирской каторги Пущин снова напоминает о себе в том же 1834 году. Еще до наступления лицейской годовщины, 5 октября, жена декабриста Е. И. Трубецкая пишет от его имени директору Лицея Е. А. Энгельгардту: «Он (И. И. Пущин.— *А. Г.*) уверен, что в нынешнем месяце, 19-го числа, соберутся у вас или где-нибудь лицейские. Вы им скажите, что Иван Иванович, несмотря на отдаление, мысленно в вашем кругу; он убежден, что, не дожидаясь этого письма, вы уверили всех, что он как бы слышит ваши беседы этого дня и что они находят верный отголосок в его сердце...»

1835 год... Двадцать четвертая лицейская годовщина... «...Вновь я посетил тот уголок земли» — Михайловское... Опальный домик няни, холм лесистый, граница владений дедовских, три сосны и — обращенные к далекому потомству, к нам:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук

Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Это как бы завещание поэта, написанное за год до лицейской годовщины, на которой Пушкин присутствовал в последний раз...

Наступило 19 октября 1836 года — день двадцать пятой лицейской годовщины.

В этот день Пушкин закончил «Капитанскую дочку» и на последней странице поставил дату: «19 окт. 1836».

Во второй половине дня он отправился на встречу с товарищами. Обычно лицеисты первого выпуска праздновали лицейские годовщины в своем тесном кругу. Но сейчас круг их поредел. Помимо того, было несколько «заштатных» — так называли лицеистов, которые были далеки от Пушкина и его друзей и вообще не посещали ежегодные встречи.

Старый директор Лицея Энгельгардт предложил в связи с этим объединиться трем первым выпускам для совместного празднования двадцать пятой годовщины. Но Пушкин решительно отверг это предложение: больше чем когда-либо, ему хотелось провести праздник в тесном кругу самых близких своих товарищей и друзей юности.

Он написал М. Л. Яковлеву: «Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи лицея... Сказано, что и последний лицеист один будет праздновать 19 октября. Об этом не худо напомнить».

Из двадцати девяти питомцев первого выпуска на собрание пришло всего одиннадцать человек.

Комовский приготовил сюрприз: явился на вечер в сохранившемся у него лицейском мундире. Пушкин настроен был грустно, и это омрачило праздник.

Пушкин вел протокол собрания:

«Праздновали двадцатипятилетие лицея...

Собрались вышеупомянутые господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом:

1) Обедали вкусно и шумно.
2) Выпили три здоровия (по заморскому toasts):
   а) за двадцатипятилетие лицея,
   б) за благоденствие лицея,
   в) за здоровье отсутствующих.
3) Читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей.

4) Читали старинные протоколы, песни и прочие бумаги, хранящиеся в архиве лицейском у старосты Яковлева.

5) Поминали лицейскую старину...

6) Пели национальные песни.

7) Пушкин начал читать стихи на 25-летие лицея, но всех стихов не припомнил и, кроме того, отозвался, что он их не докончил, но обещал докончить, списать и приобщить в оригинале к сегодняшнему протоколу».

Последние два пункта протокола были написаны рукою Яковлева.

Как пишет первый биограф Пушкина П. В. Анненков, поэт встал, помолчал немного и при общей тишине начал читать. Но, крайне взволнованный, не дочитав, положил лист на стол и отошел в угол комнаты.

Кто-то из товарищей взял со стола листок с пушкинским стихотворением и продолжал читать:

Теперь не то, разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

В этом глубоко философском поэтическом раздумье о жизни, молодости и тех великих исторических событиях, свидетелями и участниками которых лицеисты были, Пушкин писал:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метался смущенные народы;
И высились и падали цари:
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Война 1812 года, восстание декабристов, революционные события на западе Европы, греческое восстание, казнь вождя испанских революционеров Риего — это бурное начало прошлого века волновало Пушкина и его лицейских товарищей и ярко отразилось в стихотворении...

Уже находясь на каторге, Кюхельбекер вспоминал в одну из лицейских годовщин, с каким огнем, с какой надеждой, с какой детской слепотой все они, товарищи по Лицею, вступали когда-то в бой с жизнью. И спрашивал:

Воспомнит ли в сей день священный,
В день, сердцу братьев незабвенный,
Меня хотя единый друг?

Друзья не забыли Кюхельбекера в день двадцать пятой годовщины: Пушкин читал его письма, присланные с каторги.

Лицейский праздник прошел грустно. Собрались в половине пятого, а в половине десятого вечера разошлись.

Через три месяца поэта не стало...

Лицейский праздник 1837 года явился тризной по великом поэте. В тот же вечер, 19 октября, Энгельгардт написал Пущину на каторгу письмо, в котором сообщил, как праздновалась годовщина.

Пущин поблагодарил в ответном письме: «Отрадно слышать, что вы говорите о старых товарищах и друзьях юности и о семейном вашем круге, где я часто мыслью с вами».

В декабре 1837 года Пущин написал Энгельгардту: «Хочу поблагодарить Вас за памятные листки о последних минутах поэта-товарища, как узнаю из газет, что нашего Илличевского не стало. Еще крест в наших рядах, еще преждевременная могила! Вы скажите, что и как. О Пушкине давно я глубоко погрустил; в «Современнике» прочитал письмо Жуковского; это не помешало мне и теперь не раз вздохнуть о нем, читая Спасского и Даля. Мы здесь очень скоро узнали о смерти Пушкина, и в Сибири даже, как могла, она поразила, как потеря общественная...»

После 1837 года лицейские годовщины уже праздновались совместно в кругу нескольких объединившихся лицейских выпусков. Но 19 октября 1851 года, в день сорокалетия Лицея, лицеисты первого выпуска снова собрались в своем тесном кругу одни.

Эта встреча явилась как бы продолжением их последней встречи 1836 года, и протокол был написан рукою Матюшкина на третьей странице того самого листа, на котором Пушкин написал протокол юбилейного собрания 1836 года...

Протокол гласил:

«40-летие лицея 1851 года.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился...

Собрались у Корнилова семь человек: Корнилов, Корф, Данзас, Маслов, Комовский, Яковлев, Матюшкин.

Юдин по причине болезни не был, Малиновский, Мясоедов в деревне, Бакунин в Твери, Горчаков и Ломоносов за границею,— Пущина нет, и Брогльо безвестно отсутствующий.

(Подписи)».

В стихотворении «19 октября», посвященном лицейской годовщине 1825 года, Пушкин писал:

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?

Этим одним, последним, оказался А. М. Горчаков, скончавшийся 28 февраля 1883 года, на восемьдесят шестом году жизни. Он на сорок шесть лет пережил Пушкина.

Горчаков занял высший в государстве пост — канцлера, все былое, юношеское, лицейское, видимо, не так волновало его, и он под старость день Лицея уже не «торжествовал»...

«ГЕНИЙ ВСЕРАЗРУШАЮЩИЙ И ВСЕСОЗИДАЮЩИЙ»

Таким представлялся Петр I Пушкину. И современники поэта нередко ставили рядом имена двух гениев — Пушкина и Петра.

Узнав, что Пушкин создал в михайловской ссылке «Бориса Годунова», Е. А. Баратынский писал ему в те дни 1825 года, когда декабристы готовились к восстанию: «Жажду иметь понятие о твоем Годунове. Чудесный наш язык ко всему способен... Он создан для Пушкина, а Пушкин для него... Иди, доверши начатое, ты, в ком поселился Гений! Возведи русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что́ он совершил один; а наше дело — признательность и удивление».

Образ Петра занимает большое место в художественных произведениях Пушкина, в его статьях.

«Историю Петра» Пушкин задумал еще в 1827 году. «Я непременно напишу историю Петра I»,— сказал он

как-то А. Н. Вульфу, а в июле 1831 года сообщил Нащокину: «Зимой зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем».

«Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина,— говорил Пушкин осенью 1833 года писателю В. И. Далю,— он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко,— надо отодвинуться на два века,— но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средства мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь».

Жене Пушкин писал в конце мая 1834 года: «Ты спрашиваешь меня о «Петре»? идет помаленьку; скопляю материалы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок...»

В то время «на площади Петровой» уже стоял «Медный всадник» Фальконе.

Сверкающий образ великого преобразователя России Пушкин нарисовал еще в «Полтаве».

Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком.

А в «Медном всаднике» дополнил:

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе,
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Пушкин собрал в своей библиотеке большое количество книг по истории Петра, которые давали ему возможность

изучать эпоху преобразований и «копить материалы» для своего большого труда.

На первое место следует здесь поставить тридцатитомный труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам», издания 1788—1797 годов; десятитомный, выпущенный в 1787 году труд Ф. О. Туманского «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях императора Петра Великого»; изданная Н. Новиковым двадцатитомная «Древняя Российская Вивлиофика», содержавшая и материалы о Петре.

В библиотеке Пушкина находились также «Житие Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, отца отечества, собранное из разных книг во Франции и Голландии, изданных и напечатанных в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте итальянском, а потом и на греческом», переведенное С. Писаревым и изданное в 1772 году в Петербурге; «Житие и славные дела государя императора», переведенное и изданное в 1772 году в Венеции; «Подлинные анекдоты о Петре Великом», собранные Я. Штелином и изданные в 1830 году в Москве.

Пушкин получил право ознакомиться с хранившимися в Эрмитаже пятью большими томами по истории Петра из библиотеки Вольтера, в которых он мог прочесть записки Вильбуа о взаимоотношениях Екатерины I с ее казненным по приказанию Петра I любовником Монсом. Из Государственного архива Пушкин получил для ознакомления копию сожженного в Вене по требованию представителей Петра I дневника секретаря австрийского посольства Иоанна Корба, бывшего очевидцем стрелецких казней.

Было еще в распоряжении Пушкина большое число различных изданий и материалов по истории Петра, среди которых необходимо особо отметить «Журнал, или Поденную записку Петра Великого с 1698 года», который представляет собой, по существу, написанную Петром I историю Северной войны и собрание личных писем императора, на них Пушкин часто ссылается в своем труде.

Пушкин был, наконец, знаком с книгой О. Беляева «Кабинет Петра Великого», в которой он мог прочесть описание военной и гражданской одежды петровской поры и собственноручных изделий императора.

Поэт видел в Кунсткамере восковую фигуру Петра, одетую в голубой кафтан, и мог составить себе достаточно полное представление об облике царя и быте той эпохи.

Этот краткий обзор литературы дает возможность судить о том, с каким огромным и серьезным вниманием относился Пушкин к увлекшей его истории Петра I.

Задуманный Пушкиным труд должен был явиться, по словам Белинского, «учено-художественной историей», и поэт, следуя исторической правде, показал не только положительные, но и теневые стороны деятельности и личности Петра I.

Петр предстает в пушкинском труде, как «одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции)». «Петр Великий... один есть целая всемирная история!» — писал Пушкин Чаадаеву 19 октября 1836 года (в день двадцать пятой лицейской годовщины), протестуя против его пренебрежительного отношения к прошлому России. Петр — «деспот» и одновременно «сильный человек», «чудотворец-исполин», которого «народ почитал антихристом».

Поэт собирает год за годом обширные материалы по истории Петра с 1695 по 1725 год, изучает все изданные им указы, намечает план введения к «Истории Петра»: Россия извне, Россия внутри, подати, торговля, военная сила, дворянство, народ, законы, просвещение, дух времени.

И в записи, относящейся к 1721 году, пишет: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом.* Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего,— вторые вырвались у *нетерпеливого* самовластного помещика».

Под этими строками Пушкин помечает в скобках: «Это внести в историю Петра, обдумав».

Личность Петра, видимо, привлекла особое внимание Пушкина и по другим мотивам: его прадед, Абрам Петрович Ганнибал, вошедший в историю под именем «арапа Петра Великого», был царским крестником. А Пушкин придавал большое значение своей родословной.

Повести «Арап Петра Великого» он предпосылает эпиграф из Языкова:

Железной волею Петра
Преображенная Россия,—

и начинает с рассказа об отношении Петра к его прадеду: «В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в испанской войне и, тяжело раненный, возвратился в Париж. Император среди обширных своих трудов не переставал осведомляться о своем любимце и всегда получал лестные отзывы насчет его успехов и поведения...»

Пушкин упоминает о мятежном предке и в «Моей родословной»:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
. . . . . .
Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.

Приглашая Языкова навестить его в михайловской ссылке, Пушкин пишет ему в 1824 году:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,—
Я жду тебя...

В начале 1825 года Пушкин посылает из Михайловского брату письмо, в котором шутливо замечает:

«Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы».

Не забывая о дубинке Петра, Пушкин советует Погодину в письме из Царского Села, куда он только что переехал из Петербурга с молодой женой: «Пишите «Петра»; не бойтесь его дубинки. В его время вы были бы один из его помощников; в наше время будьте хоть его живописцем...»

Сам Пушкин, живописуя Петра, вовсе не культивирует его личность. Характеризуя его прогрессивные начинания,

он в то же время определенно и четко подчеркивает деспотические замашки преобразователя России.

Двадцать второго декабря, через полгода после вынесения приговора декабристам, Пушкин, обращаясь к Николаю I со своими «Стансами», ставит Петра I в пример этому холодному, жестокому и самовлюбленному самодержцу:

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

Напоминая Николаю I о тяжкой судьбе осужденных им декабристóв, Пушкин заканчивает «Стансы» строфой:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен;
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Но в мрачной и мстительной душе Николая I не нашлось места для прощенья.

В те дни, когда Пушкин готовил материал для первого номера «Современника», исполнилось десять лет со дня восстания декабристов. Там, «во глубине сибирских руд», продолжали томиться «120 друзей, братьев, товарищей».

Размышляя о том, чем открыть первый номер журнала, Пушкин решил снова обратиться к Николаю I с призывом примириться с декабристами. Он, возможно, перелистывал в те дни стоявшие на его полках сочинения И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» и в десятом томе прочитал: «Петр, простив многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбой праздновал с ними свое примирение».

Рассказ Голикова о примирении Петра с опальным Долгоруким блистательно преобразился под пером поэта:

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?
. . . . . .

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Стихотворением «Пир Петра Первого» Пушкин и открыл первый номер своего «Современника». Но тот, к кому оно обращено было, снова остался слеп и глух...

Собрав обширный подготовительный материал для «Истории Петра» объемом в тридцать одну тетрадь большого формата, Пушкин рассчитывал закончить ее «в год или в течение полугода» и затем исправлять по документам. Но смерть прервала его работу.

Николай I, по поручению которого Пушкин начал писать «Историю Петра», ознакомившись с незавершенным трудом, признал его для себя неприемлемым и положил резолюцию: «Сия рукопись издана быть не может».

После тщательного «очищения» рукописи николаевской цензурой в Собрании сочинений Пушкина, вышедшем в 1855—1857 годах под редакцией П. В. Анненкова, было опубликовано лишь начало «Истории Петра».

Случилось так, что при перевозке библиотеки Пушкина в Петербург в 1900 году — в сельце Ивановском, где библиотека хранилась у внука поэта, остался ящик с рукописью «Истории Петра». Лишь в 1932 году, через девяносто пять лет после смерти Пушкина, рукопись была случайно обнаружена и полностью опубликована уже в советское время.

«EXEGI MONUMENTUM»

Эти два латинских слова Пушкин поставил эпиграфом к написанному им 21 августа 1836 года стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Пушкин взял их из оды «К Мельпомене», написанной свыше двух тысяч лет тому назад знаменитым римским поэтом Квинтом Горацием Флакком:

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius...

Воодушевленный республиканскими идеями, Гораций после убийства Цезаря вступил в войско Брута, командо-

вал легионом и бежал, когда республиканцы потерпели поражение в битве при Филиппах. Воспользовавшись амнистией, он вернулся в Рим и занялся поэзией. Его творчество принесло ему славу. Он жил в подаренном ему Меценатом имении в окрестностях Рима, на север от Тибура, и римляне прозвали его «тибурским мудрецом».

Звучность и гармоничность латинских стихов замечательной Горациевой оды «К Мельпомене» — музе трагедии — и заложенная в ней мысль о бессмертии поэта вдохновили многих поэтов позднейших веков, в том числе Пушкина.

О свободе творчества поэта, будущем его созданий Пушкин пишет уже в двадцатые годы, когда, после всеобщего признания его гения, в некоторых реакционных, враждебных поэту общественных кругах, не понимавших путей, по которым он шел в своем творчестве, начали говорить о падении его таланта. Особенно усилились нападки на творчество Пушкина со стороны журнальной критики после опубликования «Бориса Годунова». Отвечая своим противникам, поэт написал в 1830 году обширное «Опровержение на критики» и затем «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений».

С горечью отмечал тогда тридцатилетний Пушкин: «Я выступаю перед публикой, изменив свою раннюю манеру. Не имея более надобности заботиться о прославлении неизвестного имени и первой своей молодости, я уже не смею надеяться на снисхождение, с которым был принят доселе. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я из ряда ее любимцев, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположение, с которым принимала она слабые мои опыты в продолжение десяти лет моей жизни».

Эти размышления находят отражение в ряде следующих одно за другим его произведений. Уже в 1828 году Пушкин создает стихотворение «Поэт и толпа», эпиграфом к которому ставит резкое «Procul este, profani» [1].

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.

[1] Прочь, непосвященные *(лат.)*.

Это обращение к «черни» Пушкин бросил однажды в лицо великосветской «черни» в блистательном салоне Зинаиды Волконской в ответ на многочисленные просьбы прочесть что-нибудь. Кончив, он с сердцем сказал, по воспоминаниям С. П. Шевырева:

— В другой раз не станут просить!..

Давая высокую оценку творчеству Баратынского, Пушкин писал в 1830 году: «он шел своей дорогой, один и независим». И в том же году в стихотворении «Поэту»:

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

В 1835 году Пушкин снова останавливается на владеющей им мысли. Второй главе «Египетских ночей» он предпосылает эпиграф из Державина: «Я царь, я раб, я червь, я бог», и Чарский дает в ней бедному неаполитанскому художнику тему для импровизации: *«поэт сам избирает предметы для своих песен, толпа не имеет права управлять его вдохновением»*.

В конце 1836 года Пушкин подводит итоги всего своего творческого пути, дает ему оценку и утверждает свое право на бессмертие: вдохновленный Горациевой одой, он обращается к будущим поколениям со своим замечательным стихотворением «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

В. Я. Брюсов сделал дословный подстрочный перевод стихотворения Горация на русский язык, и читатель может, слово за словом, проследить, как зазвучала ода Горация в переложениях поэтов иных времен:

Памятник я воздвиг меди нетленнее;
Царственных пирамид выше строения,
Что ни едкость дождя, ни Аквилон пустой
Не разрушат вовек и ни бесчисленных

Ряд идущих годов или бег времени.
Нет, весь я не умру: большая часть меня
Либитины [1] уйдет, и я посмертно
Славою снова взрасту, сколь в Капитолии

[1] Либитина — богиня похорон, смерти.

Жрец верховный идет с девой безмолвною [1].
Буду назван, где мчит Ауфид [2] неистовый
И где бедный водой Давн [3] над пастушеским
Племенем был царем: из ничего могущ

Первый я преклонил песни Эольские
К итальянским ладам. Гордость заслуженно,
Мельпомена, прими и мне дельфийскими [4]
Благостно увенчай голову лаврами.

Другой замечательный римский поэт, Публий Овидий Назон, который был на двадцать два года моложе Горация, вдохновленный его одой, написал свой «Памятник». Приводим его в переводе С. В. Шервинского:

Вот завершился мой труд; его ни Юпитера злоба
Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная
старость.
Пусть же тот день прилетит, что над плотью
одной возымеет
Власть, для меня завершить неверной течение
жизни,—
Лучшей частью своей, вековечен, к светилам высоким
Я вознесусь, и мое нерушимое останется имя,
Всюду меня на земле, где бы власть ни
раскинулась Рима,
Будут народы читать, и на вечные веки,
во славе —
Ежели только певцов предчувствиям верить —
прибуду.

В стихотворениях обоих римских поэтов одна и та же идея: над их творениями не властны ни злоба, ни время; они вековечны и награждают поэта бессмертием.

Ода Горация вдохновила и великого французского поэта XVI века Пьера Ронсара. Следуя в основном за мыслью Горация, Ронсар по-своему развивает идею о бессмертии поэта.

Через два столетия оду Горация перевел на русский язык М. В. Ломоносов. В ней те же шестнадцать строк, но она, естественно, носит отпечаток ломоносовской эпохи:

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность —
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.

---

[1] Дева безмолвная — непорочная жрица, весталка.
[2] Ауфид — река в Апулии, на родине Горация.
[3] Давн — мифический царь Северной Апулии.
[4] В Дельфах был храм Аполлона, покровителя поэтов.

Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И первому звенеть алцейской лирой,
Взгордися праведной заслугой, Муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

В конце XVIII века Горациеву оду перевел замечательный предшественник и отчасти современник Пушкина поэт Г. Р. Державин. Он уже не говорил, как Гораций, о великом Риме, который «владел светом»: Рим давно пал, и Державин говорил о великом «славянов роде». Это был голос русского поэта.

Державинский «Памятник» — не перевод, а вольное переложение оды Горация. В нем не четыре строфы, а пять:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит
быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.
Так! — весь я не умру, но часть меня
большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод
до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском
слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И, презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

На полках пушкинской библиотеки стояли произведения и Овидия, и Ронсара, и Ломоносова, и Державина. Особенно широко представлены были произведения Горация.

На русском языке — «Квинта Горация Флакка десять писем первой книги переведены с латинских стихов на русские и примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворчества с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. Печатаны в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук. 1744 года»; томик сатир Горация, «с латинского языка преложенных российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым», издания 1763 года.

Находились еще в библиотеке два двухтомных собрания сочинений Горация на французском языке, изданные в Париже в 1816 году.

Все переводы и переложения оды «К Мельпомене» были, конечно, хорошо известны Пушкину.

Пушкин познакомился с одой Горация еще в 1823 году, когда работал над второй главой «Евгения Онегина». Предпоследнюю, тридцать девятую, строфу главы он закончил стихами:

Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

И в следующей, сороковой, строфе Пушкин писал:

Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет,
И молвит: то-то был Поэт!

Эти четыре стиха читались в черновом варианте так:

И этот юный стих небрежный
Переживет мой век мятежный.
Могу ль воскликнуть (о, друзья) —
Воздвигнул памятник (и) я.

В более раннем варианте последних двух стихов Пушкин даже цитировал начало Горациевой оды:

Могу ль воскликнуть (о, друзья) —
Exegi monumentum я.

Обратившись в 1836 году к оде Горация и создавая свое стихотворение, поэт следовал строфа за строфой за

державинским образцом. Но Державин написал свой «Памятник» в 1795 году.

С тех пор прошло свыше сорока лет, и в пушкинском стихотворении отразились совсем иные настроения.

Державин «дерзнул» возгласить о добродетелях Фелицы, императрицы Екатерины II, и был уверен, что это обеспечит ему в будущем бессмертие. Пушкин, наоборот, противопоставляет себя самодержавию. Уклонившись в августе 1834 года от участия в торжестве открытия Александровской колонны — памятника императору Александру I, Пушкин пишет о своем памятнике нерукотворном:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Не самодержавие, а народ для Пушкина главная действенная сила. Пушкин верит, что именно народ оценит его: к памятнику поэта «не зарастет народная тропа».

Пушкин противопоставляет державинское время своему «жестокому» веку: он смело заявляет, что в этот свой жестокий век восславил свободу и «милость к падшим» — томившимся на каторге декабристам — призывал.

Наконец, Державин, как и Гораций, готов принять из рук музы лавровый венок и украсить им свое чело.

Пушкин, напротив, призывает музу «не требовать венца» и, провозглашая полную свободу поэта, равнодушно принимать «хвалу и клевету» и «не оспоривать глупца».

Четвертая строфа стихотворения, в которой Пушкин говорит о свободе, первоначально вылилась из-под его пера в таком виде:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

Пушкин имел здесь в виду написанную Радищевым «Вольность» — революционный гимн, в котором были стихи

О вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Работая в 1833—1835 годах над своим «Путешествием из Москвы в Петербург», откликаясь этим на радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», Пушкин, конечно, обратил особое внимание на следующие мысли Радищева:

«Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссе-

чением имени твоего принесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит в устах народных за необозримый горизонт столетий». И далее: «Творения твои да повествуют нам о том, житие твое да скажет, почто ты славен».

Эти строки, обращенные Радищевым к Ломоносову, можно до известной степени считать также навеянными одой Горация...

Мы приводим здесь широко известное пушкинское стихотворение полностью, чтобы читатель мог сравнить его с другими переложениями оды Горация и видеть, насколько творение Пушкина звучнее, ярче, блистательнее, вдохновеннее.

Exegi monumentum

Я памя́тник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

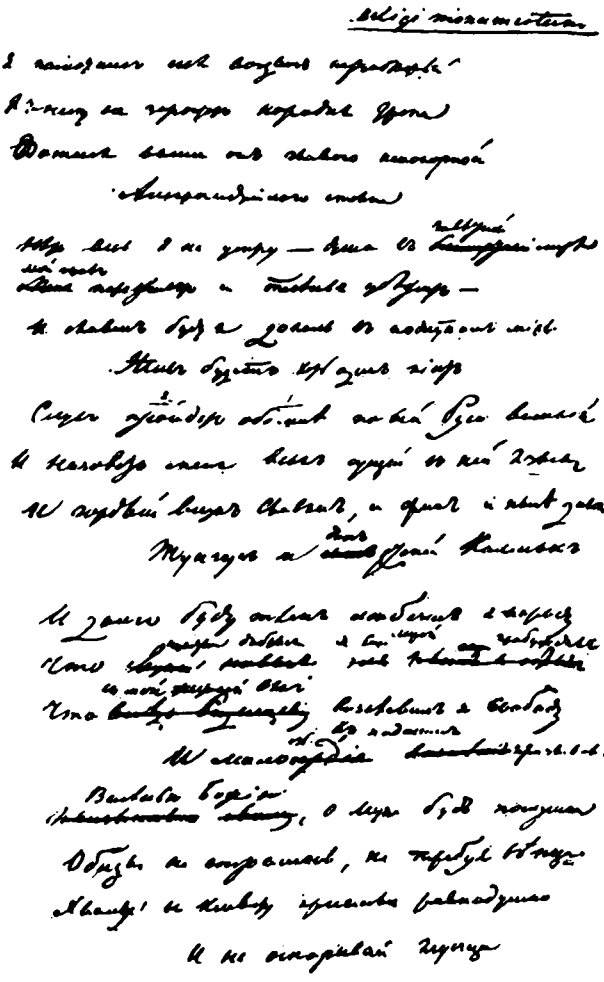
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Само собою разумеется, что николаевская цензура не разрешила печатать в этом виде пушкинское стихотворение. Оно было опубликовано лишь в 1841 году, в посмертном издании произведений поэта, с исправлениями Жуковского. Стремясь провести стихотворение через цензуру, Жуковский исказил пушкинский текст.

«Александрийский столп» в первой строфе стихотворения он заменил «Наполеоновым столпом», имея, очевидно, в виду Вандомскую колонну в Париже. Но этим он лишь усилил звучание пушкинской мысли, ибо ни в какое

1836
авг. 21.
Кишинев

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Автограф.

сравнение с гением Наполеона не мог идти «воспитанный под барабаном» «лихой капитан» Александр I.

Была искажена Жуковским и четвертая строфа:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал.

В таком виде строфа была высечена на памятнике Пушкину в Москве и лишь после революции восстановлена в первоначальной авторской редакции.

Тема Горациевой оды привлекла к себе и внимание Маяковского. Стоя перед памятником Пушкину в Москве, он говорил:

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину.
Заложил бы
динамиту —
ну-ка,
дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!

И в первом вступлении в поэму «Во весь голос»:

Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так,—
не как стрела
в амурно-лировой охоте,
Не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
. . . . . .

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди,—
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

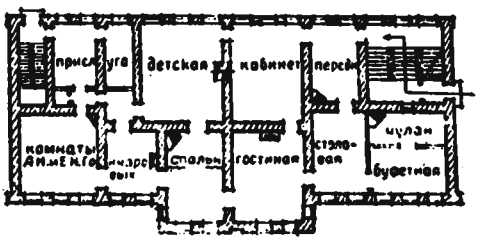
Так идею о бессмертии поэта отразил в наши дни поэт советской эпохи...

УТРО ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

«Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»...

Это было 27 января 1837 года.

В своей книге «Дуэль и смерть Пушкина» П. Е. Щеголев впервые опубликовал запись В. А. Жуковского о том, как провел Пушкин утро того дня: «Встал весело, в 8 часов,— после чего много писал — часу до 11-го. С 11-ти обед,— ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни,— потом увидел в окно Данзаса, в дверях встретил радостно. Вошли в кабинет, запер дверь.— Через несколько минут послал за пистолетами.— По отъезде Данзаса начал одеваться, вымылся весь, все чистое; велел подать бекешь; вышел на лестницу.— Возвратился.— Велел подать в кабинет большую шубу и пошел пешком до извозчика. Это было в 1 час».

План квартиры Пушкина. Набережная Мойки, 12.

Эта краткая, предельно сжатая запись опровергает установившуюся версию о том, будто, выехав из дома, Пушкин случайно встретил у Цепного моста, близ Летнего сада, своего лицейского товарища К. К. Данзаса и предло-

жил ему быть свидетелем одного разговора с его секундантом.

Версия эта была придумана и поддерживалась на следствии и самим Данзасом, чтобы смягчить его вину за участие в дуэли.

Пушкин действительно встал в день дуэли в 8 часов и в 9 часов утра получил от секунданта своего противника, атташе французского посольства д'Аршиака, письмо, в котором тот сообщал, что считает необходимым встретиться с секундантом поэта. На это Пушкин ответил:

«Виконт, я не имею ни малейшего желания посвящать петербургских зевак в мои семейные дела; поэтому я не согласен ни на какие переговоры между секундантами. Я привезу моего лишь на место встречи. Так как вызывает меня и является оскорбленным г-н Геккерен, то он может, если ему угодно, выбрать мне секунданта; я заранее его принимаю, будь то хотя бы его ливрейный лакей. Что касается часа и места, то я всецело к его услугам. По нашим, по русским, обычаям этого достаточно. Прошу Вас поверить, виконт, что это мое последнее слово и что более мне нечего ответить относительно этого дела; и что я тронусь из дому лишь для того, чтобы ехать на место.

Благоволите принять уверение в моем совершенном уважении

А. Пушкин».

Получив этот ответ, д'Аршиак тотчас же отправил еще одно письмо Пушкину, в котором настаивал на встрече секундантов перед дуэлью. Он писал, что не может быть и речи о том, чтобы кто-то доставал Пушкину секунданта, и подчеркнул, что, если поэт откажется от этого требования Геккерена, тот будет рассматривать это как отказ Пушкина дать ему удовлетворение.

Пушкин, по словам Данзаса, поехал вместе с ним во французское посольство, представил его д'Аршиаку как своего секунданта и затем уехал, закончив свои объяснения словами:

— Теперь я вам могу сказать только одно: если дело это не закончится сегодня же, то в первый же раз, как я встречу Геккерена,— отца или сына,— я им плюну в физиономию.

Выработанные секундантами условия дуэли были очень тяжелые: стреляться на расстоянии десяти шагов друг от друга и, если не будет результата, возобновить поединок.

Пушкин принял эти условия, даже не прочитав их...

Жуковский писал впоследствии отцу поэта, что Пушкин спокойно дожидался у себя развязки. Он занимался «Современником», читал только что вышедшую тогда «Историю России в рассказах для детей»...

Что же представляла собой книга молодой писательницы?

Она открывается небольшим стихотворным обращением В. А. Жуковского к детям:

Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Дальше идет спокойный неторопливый рассказ Ишимовой.

«СЛАВЯНЕ ДО 862 ГОДА ХРИСТИАНСКОГО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЯ.

Милые дети! Вы любите слушать чудные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебницах. Но, верно, для вас еще приятнее будет слышать не сказку, а быль, то есть сущую правду.

Послушайте же, я расскажу вам ее о детях ваших предков. Ведь вы знаете, что такое предки? Это дедушки и бабушки ваших дедушек и бабушек; это люди, от которых произошли через несколько поколений ваши родители. Стало быть, для вас приятно будет узнать, где и как они жили.

В старину в отечестве вашем России не было таких прекрасных городов, как наш Петербург и Москва. На тех местах, где вы любуетесь теперь красивыми строениями, где вы так весело бегаете в тени прохладных садов, некогда видны были непроходимые леса, топкие болота и дымные избушки! Местами были и города, но вовсе не такие обширные, как в наше время: в них жили люди красивые лицом и станом, гордые славными делами предков, чест-

ные, добрые и ласковые люди, но страшные и непримиримые на войне. Их называли славянами.

Какое прекрасное имя, не правда ли, милые дети? Верно, и самые маленькие из вас понимают, что значит слава. Славяне старались доказать, что недаром их называют так, и отличались всеми хорошими качествами, которыми можно заслужить славу.

Они были так честны, что в обещаниях своих, вместо клятв, говорили только: «Если я не сдержу моего слова, то да будет мне стыдно!» — и всегда исполняли обещанное; так храбры, что и отдаленные народы боялись их; так ласковы и гостеприимны, что наказывали того хозяина, у которого гость был чем-нибудь оскорблен.

...Они почитали начальником своим того, кто более всех отличался на войне; а как они все были храбры, то иногда случалось, что таких начальников было много. Каждый из них хотел приказывать по-своему, народ не знал, кого слушать, и оттого были у них беспрестанные споры и несогласия. А ведь вы знаете, как несносны ссоры? И вам в ваших маленьких делах, верно, случалось уже испытать, какие неприятные следствия имеют они и какая разница в чувствах и положении вашем, когда все окружающие вас довольны вами...»

Пушкин, конечно, лишь бегло ознакомился в то утро с томиком «Истории...», в котором было 270 страниц.

Может быть, он обратил внимание и на этот отрывок:

«НАЧАЛО МОСКВЫ. ОТ 1146 ДО 1155 ГОДА.

...Эта маленькая, бедная Москва вовсе не походила тогда на нашу нынешнюю белокаменную гордую Москву! — рассказывала Ишимова детям.— Еще не прошло и года от ее построения. Многие еще и не называли ее Москвою, по Кучковым. Это название произошло от того, что прежде на месте, где она построена, было несколько сел и деревень богатого боярина Степана Ивановича Кучка... Красивые места по берегам реки Москвы так понравились (Юрию Владимировичу Долгорукому), что он вздумал основать тут город и назвал его по имени реки — Москвою...»

Страницы из «Истории...» Ишимовой были последними, прочитанными Пушкиным утром в день дуэли...

«История России в рассказах для детей» Ишимовой, получившая столь высокую оценку Пушкина, вышла в шести томах и не раз переиздавалась.

Она охватывала историю России начиная с 862 года — года образования Руси — до первых десятилетий XIX века.

Окрыленная отзывом Пушкина о ее первом труде, писательница неутомимо трудилась до конца своей жизни, она скончалась в 1881 году. Большой популярностью пользовались ее книги: «Исторические рассказы», «Бабушкины уроки, или Русская история для маленьких детей», «Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей», «Каникулы 1849 года, или Поездка в Москву», «Первое чтение и первые уроки для детей», «Сокращенная русская история» и другие.

Рядом с «Историей...» Ишимовой на столе у Пушкина лежала в то утро еще одна книга: «Сборник произведений Мильмана, Боульса, Вильсона и Барри Корнуоля» на английском языке, изданная в Париже в 1829 году.

В ней Пушкиным были отмечены пять очерков Барри Корнуоля: «Сокол», «Людовик Сфорца», «Любовь, излеченная снисхождением», «Средство побеждать» и «Амелия Уентуорт». Утром 27 января 1837 года он отправил сборник Ишимовой с просьбою перевести эти очерки для «Современника»...

Они появились в восьмой книге журнала за 1837 год в переводе Ишимовой уже после смерти поэта.

Не будем передавать их содержание, остановимся лишь на небольшом отрывке из очерка «Сокол».

Речь в нем идет об одном из старинных преданий, о котором упоминает и Боккаччо. Некий Фредериго, из рода Альбериги, растратив все свое состояние, обеднел. У него остался только сокол. Когда к нему пришла любимая им девушка Джиана, у него не было чем угостить ее, и он решить приготовить для нее редкое и лакомое кушанье из сокола.

Драматический очерк открывается монологом Фредериго, который Пушкин перевел еще в 1835 году:

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?..
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен.
В молчании добро должно творнться,
Но нечего об этом толковать.

Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем погибнул
Я с участью моей.

Ишимова так перевела этот отрывок в прозе, уже после смерти Пушкина:

«О бедность! Пойму ли я наконец твой горький урок! Ты, имеющая так много власти на этой прекрасной земле, ты, суровая противница утешительного довольства, ты, нарушительница сна, скажи, что сделал я тебе, что ты так жестоко преследуешь меня! Не заставляй меня говорить о том, как я поступал во время счастья; добро, сделанное нами, погребено в тайниках его — но прочь эта мысль: она слишком маловажна, чтобы остановиться на ней. Я чувствую теперь, что дух мой не совсем упал с богатством».

В последний год своей жизни Пушкин много работал, и это не давало ему возможности лично заняться переводом Барри Корнуоля. Пушкину понравился слог Ишимовой, он знал, что она хорошо владеет английским языком, и за пять дней до дуэли, в пятницу, 22 января, поэт лично посетил ее, чтобы просить перевести очерки.

Не застав Ишимову дома, он написал ей в понедельник, 25 января:

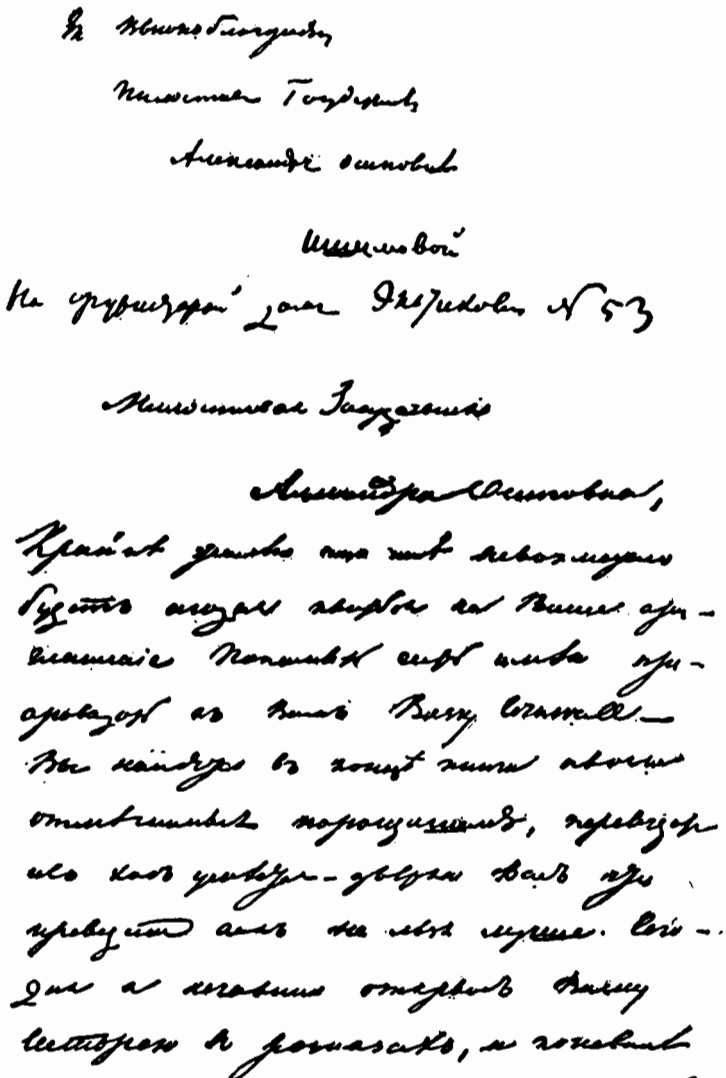
«Милостивая государыня
Александра Осиповна,

на днях имел я честь быть у Вас и крайне жалею, что не застал Вас дома. Я надеялся поговорить с Вами о деле. Петр Александрович (Плетнев.— *А. Г.*) обнадежил меня, что Вам угодно будет принять участие в издании «Современника». Заранее соглашаюсь на все Ваши условия и спешу воспользоваться Вашим благорасположением: мне хотелось познакомить русскую публику с произведениями Barry Cornwall. Не согласитесь ли Вы перевести несколько из его драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к Вам его книгу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивая государыня,

Вашим покорнейшим слугою
25 янв. 1837 *А. Пушкин».*

Ишимову взволновало письмо Пушкина. Она понятия не имела о том, на грани какой катастрофы находился он в те дни, и в ответ на письмо написала ему на следующий день, во вторник, 26 января:

Письмо А. С. Пушкина А. О. Ишимовой, написанное утром 27 января 1837 года, в день дуэли. Автограф.

«Милостивый государь
Александр Сергеевич!

Не могу описать Вам, сколько я сожалела в пятницу, приехав домой спустя десять минут после Вас! И это произошло от того, что я ожидала Вас уже в *четыре* часа, а не в *три...*

Сегодня получила я письмо Ваше и скажу Вашими же словами: *заранее соглашаюсь* на все переводы, какие Вы мне предложите, и потому с большим удовольствием получу от Вас книгу Barry Cornwall. Только вот что: мне хотелось бы как можно лучше исполнить желание Ваше насчет этого перевода, а для этого, я думаю, нам нужно было бы поговорить о нем. Итак, если для Вас все равно, в которую сторону направить прогулку Вашу завтра, то сделайте одолжение зайдите ко мне. Кроме добра, которое, вероятно, произойдет от того для перевода моего — Вы этим очень успокоите совесть мою, которая все еще напоминает мне о моей неисправности перед Вами в пятницу.

Искренне уважающая Вас и готовая к услугам Вашим
Александра Ишимова».

На обороте: «Его высокородию милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину. У Конюшенного моста, в доме князя Волконского».

Получив письмо Ишимовой Пушкин не мог, конечно, «направить свою прогулку» в среду, 27 января, в день дуэли, в сторону жилища Ишимовой. Он написал ей:

«Милостивая государыня
Александра Осиповна,

крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их, как умеете,— уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивая государыня,
Вашим покорнейшим слугою
27 янв. 1837 *А. Пушкин».*

Не имея понятия о предстоящей дуэли и не получив еще письма, Ишимова, конечно, ждала Пушкина, быть может, даже вышла ему навстречу. Но поэт уже не мог

явиться; в третьем часу дня, когда посланный вручил ей письмо и книгу, Пушкин направлялся пешком из своей квартиры в находившуюся неподалеку от его дома кондитерскую Вольфа и Беранже, чтобы встретиться там со своим секундантом Данзасом, как он с ним утром условился, и вместе отправиться к месту дуэли.

Написанное Пушкиным за несколько часов до дуэли письмо поражает необычайным спокойствием, изумительной точностью в деле, касавшемся «Современника». Даже почерк письма — обычный, ровный, спокойный — свидетельствует о большой выдержке поэта.

Вечером в тот день начались предсмертные страдания Пушкина, продолжавшиеся до пятницы, 29 января. Через сорок шесть часов Пушкина не стало...

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ А. И. ГЕССЕНА

1. Набережная Мойки, 12. Последняя квартира А. С. Пушкина. М., «Детская литература», 1960.
2. «Во глубине сибирских руд...». Декабристы на каторге и в ссылке. М., «Детская литература», 1963.
3. «Москва, я думал о тебе!» Пушкин в Москве. М., «Детская литература», 1968.
4. Жизнь поэта. М., «Детская литература», 1972.
5. «Рифма, звучная подруга...». Этюды о Пушкине. М., «Наука», 1973.
6. «Три памятника».— «Литература и жизнь», 1958, № 26, 6 июня.
7. «Возрождение из праха».— «Советская культура», 1959, № 55, 5 мая.
8. «Друзья поэта».— «В мире книг», 1961, № 12, с. 20—30.
9. «Болдинская осень». Этюд.— «Литературная Россия», 1965, № 50, 10 декабря, с. 16—17.
10. «Каменка».— «Неделя», 1965, № 48, 21—27 ноября, с. 16—17.
11. «Я не рожден царей забавить...» Этюды о Пушкине.— «Литературная Россия», 1967, № 7, 10 февраля, с. 12—14.
12. «На стыке двух эпох». Воспоминания.— «Детская литература», 1969, № 4, с. 18—25.
13. «Мне минуло шестнадцать лет».— «Юность», 1969, № 9, с. 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Пушкин умирал... 3
Книги и рукописи Пушкина 7
Пушкин в книжных лавках 28

ЭТЮДЫ

«Городок» 39
Лицейская республика 40
Сестра поэта 59
«Муз невинных лукавый духовник» 64
Тетрадь Всеволожского 71
La Princesse Nocturne 83
Юный Аруэт 85
Овидий, Юлией венчанный 89
Отметка резкая ногтей 95
«Наш первый элегический поэт» 96
«Лайон, мой курчавый брат» 103
«Все в жертву памяти твоей...» 107
Джордж Байрон 120
Андрей Шенье 123
Перо Гете 127
«В крови горит огонь желанья...» 130
Вдохновенный слепец 131
«Я помню чудное мгновенье...» 136
Шесть поэтов 144
Няня Пушкина 154
Трудясь над «Борисом Годуновым» 165
Фригийский колпак 170
«Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья» 175
Кюхля 186

«Несправедлив твой приговор...» 197
«Энциклопедия русской жизни» 201
«Северные цветы» 220
«Литературная газета» 225
Пословицы 236
«Он между нами жил...» 241
Нащокинский домик 250
«Тройка, семерка, туз...» 256
«А в ненастные дни собирались они...» 259
«Видел я трех царей...» 264
«Освобождение Европы придет из России...» 268
Кавалерист-девица Н. А. Дурова 269
«Слово о полку Игореве» 280
Русский Данжо 286
Лицейские годовщины 297
«Гений всеразрушающий и всесозидающий» 316
«Exegi monumentum» 322
Утро перед дуэлью 332

Основные работы А. И. Гессена 341

Гессен А. И.

Г43 «Все волновало нежный ум...». Пушкин среди книг и друзей. Изд. 2-е. М.: Худож. лит., 1983.— 343 с.

Небольшие биографические этюды А. Гессена (1878—1976) рассказывают о книгах пушкинской библиотеки и о близких друзьях поэта, которые были его неизменными спутниками.

Г $\frac{4603010101\text{-}137}{028(01)\text{-}83}$ 195-83 8Р1

АРНОЛЬД ИЛЬИЧ ГЕССЕН

«ВСЕ ВОЛНОВАЛО
НЕЖНЫЙ УМ...»

ПУШКИН
СРЕДИ КНИГ
И ДРУЗЕЙ

Издание второе

Редактор *Л. Птушкина*. Художественный редактор *С. Гераскевич*. Технический редактор *Л. Ковнацкая* и *Е. Полонская*. Корректоры *Л. Казарьян, Ю. Левина*.

ИБ № 3073

Сдано в набор 30.06.82. Подписано к печати 29.04.83. А 07964. Формат 60×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,06+1 вкл.+альб.—18,95. Усл. кр.-отт. 18,95. Уч.-изд. л. 19,57+1 вкл.+альб.—20,24. Тираж 50 000 экз. Изд. № IX—874. Заказ 2-256. Цена 95 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Киевская книжная фабрика «Жовтень». 252053, Киев, Артема, 25.